

РК-ХГУ-1

Утренняя

звезда

Кн. 1-2

274097

12. V

226

PAFX24-1
274097

12. IV

226

of the civil

cor. K. - O. *[unclear]*

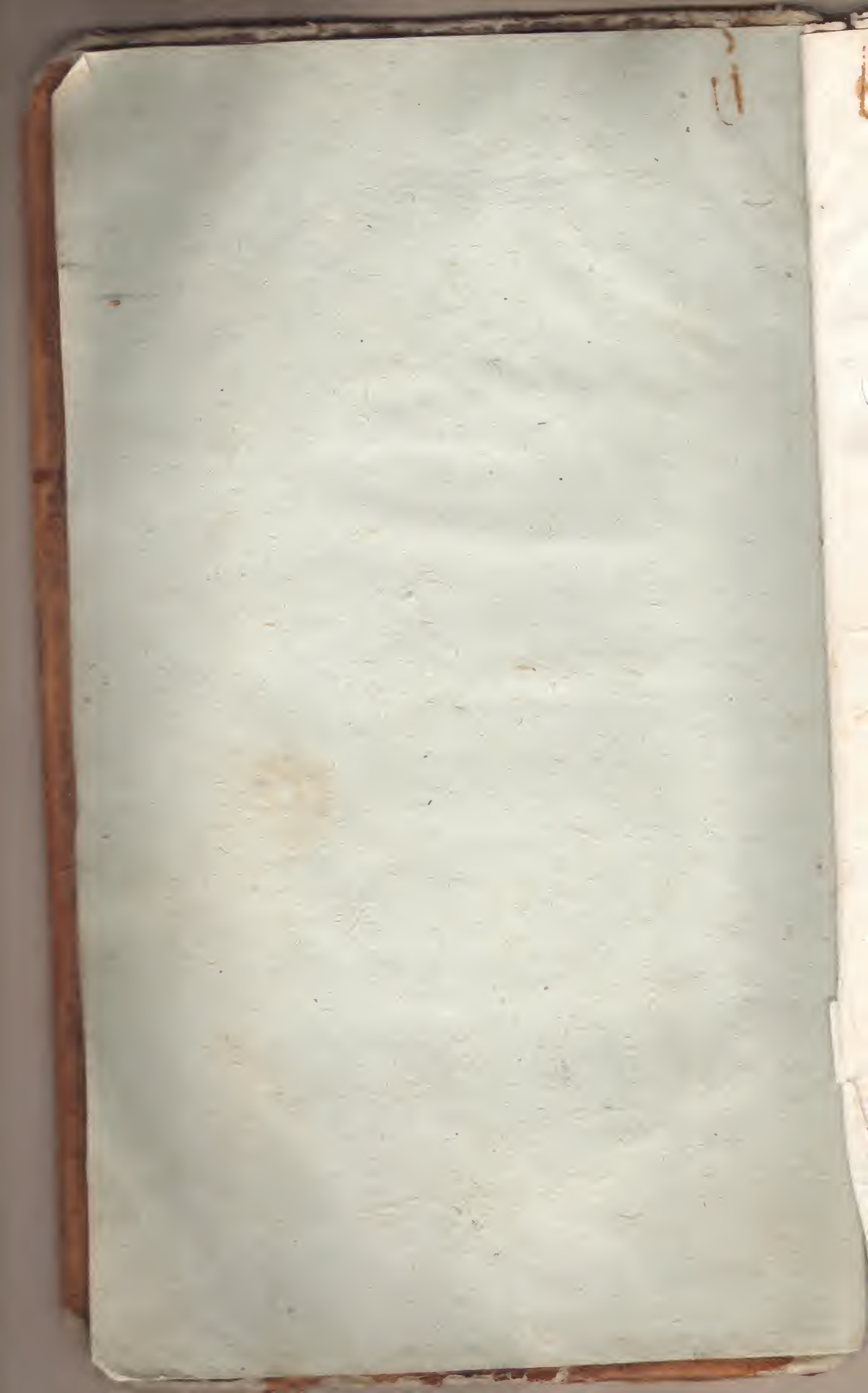
PK-X14-1

274097

1924

~~1901~~
32

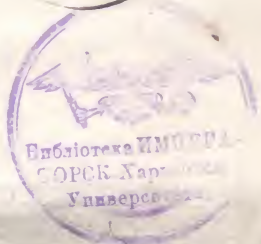

U

~~19. IV~~
226

Императорская Библиотека

ХАРЬКОВЪ

изд. Лидарюша.

Проверено
ЦНБ 1939

17.0.

113- 1833.

УТРЕННЯЯ
З В Ъ З Д А.

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Книжка 4.

ХАРЬКОВЪ.
1833.

58

74

Handwritten notes and stamps on the left side of the page, including a rectangular stamp with the number '274097' and a red checkmark.

22492 - 1834

УТВЕРЖДЕНО

З В Р Э Д А

СОСТАВЛЕН СЛОВАРЬ

СЛОВ И СЛОВАЖИЦЪ И ПРОСЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были въ
Цензурный Комишешъ шри экземпляра. Москва, Декабря
22 дня 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1834.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издашель пріишнымъ долгомъ почишаешъ свидѣшельсшвовашъ чувсшвишельнѣйшую свою благодарносшь пѣкошорымъ почшешнымъ и уважаемымъ въ лишшерашурномъ мѣрѣ особамъ, почшвшимъ его лесшнымъ для него вишманіемъ и не подписавшимъ подѣ присланшыми ими спашьями именъ своихъ; шакже П. И. Срезневскому, П. И. Пноземцову и другимъ, сообщившимъ спашьи свои для сей книжки.

Любишели Словесносши, безъ сомнѣнія, сверхъ многихъ другихъ піесъ съ удовольсшвіемъ прочшущъ здѣсь: *Недобрый глазъ*, Малороссійское преданіе П. Б. Байскаго и *Недосозданіе*, О. М. Сомова, послѣднія произведенія сего Писателя, присланшя имъ не задолго до его кончины. Покойный О. М. Сомовъ, если не по пребыванію, шо по крайней мѣрѣ по мѣспу

своего рожденія и воспитанія (въ Харьковскомъ Университетѣ) принадлежишь къ числу Украинскихъ Писателей и занимаешь между ими почешное мѣсто.

Издашель нужнымъ считаешь сказать, что хоша онъ и предполагалъ издашь только *одну* книжку, но въ послѣдствіи въ необходимости нашелся, не возвышая цѣны, объявленной при подпискѣ, издашь *двѣ*. Такимъ образомъ, въ первой заключаюшся одиѣ только произведенія, писанныя по-Русски; во второй—спашьи, писанныя на Малороссійскомъ и Украинскомъ нарѣчіяхъ. По сей причинѣ и печашаніе оной признано за лучшее сдѣлать въ Харьковѣ, подъ наблюденіемъ самихъ авшоровъ.

И. Петровъ.

Харьковъ.

1 Ноября 1833 года.

П Р О З А.

КНИЖНИЦА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СЕРИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
№ 1

1850

MADE IN
NEW YORK

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗЪ.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы, да и Козакъ Никипа человекъ нескудный: на четырнадцати парахъ воловъ чумаковъ опправляетъ, шо на Донъ по рыбу, шо въ Крымъ за солью; а все волы большіе, круторогіе, широкочелые, съ опшиянуыми пахами, съ сѣдлованымъ хребтомъ, съ навислою, волосастою грудвиной. А на выгонъ у Козака Никипы пасется косякъ коней, что ни самыхъ лихихъ, что ни самыхъ борзыхъ. А дома у Козака Никипы добра сполько, что не переписашъ въ недѣлю и бойкому скорописцу. Еще же, говорятъ люди, что у Козака Никипы есть завѣтная скринька съ дукашами, да серебра сполько, что чешверикомъ не загребешъ.

II.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы: и Галя чернбровая, и Докійка румяная, и Напалка бѣлолицая. Опець и маишь научили ихъ страху Божию. Любо сморѣшь, какъ онѣ, въ лѣшніе праздники и дни воскресные, идущъ къ обѣднѣ чинно и смиренно, въ бѣлыхъ понюжкахъ куншошахъ съ спроченными ўсами, въ сафьянныхъ чобошахъ съ подковками, въ разноцѣпныхъ скиндячкахъ, размешанныхъ по плечамъ, и съ цѣпями махроваго маку, чернбривцами и барвенками въ волосахъ. Всѣ парубки шогда на нихъ заглядываюися и пвердять, почесывая за ухомъ: «Ой, пнякко хорошія дочки, и вельми богашый бапьяко!»

III.

Сидишь Козакъ Никиша на прилавкѣ за ворошами, куришь Роменскій шабакъ изъ кереньковой шрубки въ мѣдной оправѣ и посмаприваешъ на свѣтъ Божій. Вонь видишь онъ: за селомъ по дорогѣ пыль въеися клубомъ, скачешъ ѣздокъ, сломя голову; вонь въеся въ село, ближе и ближе; подъ нимъ конь какъ звѣрь, черенъ какъ вороново крыло, изъ ноздрей дымъ валишь какъ изъ винокурни. Вонь поравиляся ѣздокъ съ Козакомъ Пипишой, напинулъ поводъ — и конь уперся ногами въ землю,

согнулъ шею кольцомъ , уключилъ голову , заржалъ и засверкалъ бѣлыми своими глазами , такъ , что Козаку Никишѣ почудилось , будто искры полетѣли во всѣ стороны.

IV.

— «Здорово , добрый человекъ!» сказала проѣзжій. — «Богъ помочь!» отвѣчала Козакъ Никиша , вынувъ шрубку изъ рша и приподнявъ шапку. «Куда Богъ несетъ?» — Козаку Никишѣ показалось , что проѣзжій дважды моргнулъ усами , а конь его дважды фыркнулъ. — «Бду я далеко , далеко : отсюда глазомъ не смѣрнешь и не одни *постолы* изобьнешь , пока пѣшкомъ дойдешь. Да не въ помъ дѣло , а вошь въ чемъ : гдѣ бы мнѣ ночлегъ найши?» — «Милосши просимъ ! рады добрымъ людямъ. Богъ про всякаго посылаетъ человекъ хлѣбъ насущный.» — Проѣзжій молча сошелъ съ коня , повелъ его за поводъ , привязалъ къ столбу подъ навѣсомъ и вошелъ въ хату съ Козакомъ Никишой.

V.

Не пригожь былъ эшопъ проѣзжій : лице блѣдное , ни кровинки , носъ полешый , луковницей , губы выпянутыя ; по обѣ стороны лица шорчали клоками скомшеные , рыжіе усы ;

накія жь рыжія брови густо нависли внизъ какъ щепина, и заслоняли глаза такъ, чпо ихъ во все не было видно; красно-рыжіій оселедецъ какъ полоса запекшейся крови пролегалъ по виску и вился за ухомъ. Еще скажу: не пригожь былъ проѣзжіій! — Онъ съ виду былъ не спарь и не молодъ; какая-шо кислая ужимка вмѣсто усмѣшки и глухой голосъ, вырывавшійся изъ горпани, какъ изъ могилы, не сулили въ немъ ничего добраго. На немъ былъ жупанъ шонкаго сукна; за Персидскимъ кушакомъ зашкнупъ былъ Турецкій ножъ съ серебряною рукояшкой, на кошорой какъ жаръ горѣли дорогіе каменья. Не помолясь Богу, какъ водилъ у Православныхъ, и чупъ головою кивнувъ хозяйкѣ и дочкамъ, сѣлъ онъ безъ чиновъ за споль и заломался, словно въ шикѣ.

VI.

— «Какъ вижу, вы изъ Запорожцевъ, добродію?» спросилъ его Козакъ Никипа. — «Можеть спашься,» былъ ему ошвѣпъ. — «И давно уже гарцуеша съ молодцами?» — «Да не со вчерашняго дня.» — «А какъ васъ величашъ?» — «Лавро Хоробишъ.» — «Чпо подумаешъ: куда вы много положили бусурманскихъ головъ на своемъ вѣку!» — «Было всякихъ; пуспъ ихъ лежашъ.» — «А далеко

вы часомъ хаживали на войну?» — «Да; изъ вашего села галки шуда не залепали.» — «И много, чай, шрудовъ понесли?» — «На доброй парѣ воловъ всѣхъ не свезешь.» — «Чшо-шо, какъ поразскажущь бывалые чумаки, за приволье въ бусурманскихъ земляхъ! чшо за мѣсна богашы! чего шамъ не родился!» — «Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣшь.» — «А какое злое племя Турки да Ташаре!» — «Есть и Хрисціане не лучше ихъ.» — Козакъ Никиша смекнулъ, чшо госпъ не поддается на распросы и чшо опъ него пупнаго слова не добъешься; онъ взглянулъ изъ подлбья на профъжаго и замолчалъ.

VII.

За ужиномъ, профъжій госпъ зарилъ сквозь навислыя свои брови на пригожихъ дочекъ Козака Никишы, какъ щука зарилъ сквозь проспникъ на маленькихъ рѣзвыхъ рыбокъ; но красавицы не слышали опъ него ни одного привѣща, ни одного слова. Угрюмо сидѣлъ онъ и только пыхши понигивалъ запеканку и шерновку Козака Никишы. Когда же взглядывалъ порою на копорую нибудь изъ дѣвушекъ, ша невольно опускала глаза внизъ, не опъ спыда, а опъ спраха: красавиць пугали эши взгляды невидимаго глаза, чунь чунь свѣнвившагося изъ-за гуспыхъ,

рыжихъ бровей. Госпъ вспалъ изъ-за стола, какъ и сѣлъ за него: не помолясь Богу, не сказавъ добраго слова хозяевамъ. Чшо за человекъкъ былъ онъ? Всѣ думали, гадали, и никпо не могъ дознапсья.

VIII.

Всю ночь выла подь окномъ собака, и душно и жудко было красавицамъ. Онѣ не могли спашь, поминушно ворочались въ постелѣ, и если на мигъ забывались, по спрашныя грезы пошчасъ перерывали ихъ сонъ. То слышалось имъ похоронное пѣніе и звонъ по покойникъ; по незнакомый госпъ смопрѣлъ на нихъ такими глазами, такими глазами, чшо холодъ сжималъ имъ грудь, захватывалъ дыханіе и оковывалъ льдомъ всѣ ихъ соспавы. Красавицы мешались, спенали сквозь тяжкій сонъ, пробуждались въ спрахѣ и по ушпру вспали съ тяжельми головами и смущеннымъ духомъ.

IX.

— «Слушай, Козакъ Никиша, сказаль Хоробийъ своему хозяину поушпру за *сидань-елѣ*: «ондай за меня свою дочку Галю чернобровую.» — «Моя дочка Галя уже просвапана: женихъ изъ хорошаго рода и человекъкъ

досташочный ; а кто безъ причины жениху
опъ зарученой невѣсмы опкажешъ , того
Богъ накажешъ.» — «Такъ опдай за меня
Докійку румлную.» — «У моей дочки Докійки
по же еспъ женихи на славу. Богъ помо-
жешъ , одну подъ вѣнецъ оппустимъ , а за
другую ручки подадимъ.» — «Ну , хопъ
Нашалку бѣлолицую.» — «Моя дочка Нашалка
дишя молодое, ничего еще не знаешъ. Гдѣ жъ
ее опдашь въ шакую дальнюю сторону?» —
«Опказаль ты мнѣ , Козакъ Никипа , накор-
милъ ты меня *пегеньлибъ гарбузолѣ* ; смопри
же , чшобы послѣ не каешься.» — «Чшо бу-
дешъ , шо будешъ ; а будешъ шо , чшо Богъ
велишъ!» опвѣчалъ Козакъ Никипа.

Х.

Ни слова не сказалъ больше Лавро Хоро-
бинъ и пошелъ сѣдлашь своего вороного ,
кошорый ржалъ и сарпалъ и билъ копышами
землю. Тогда вошли въ хану шри дочки Ко-
зака Никипы. Онѣ вышли изъ своей свѣпли-
цы , думая , чшо проѣзжій госпъ уже уска-
калъ и больше не ворошинся. А вопъ и онъ,
какъ съ дуба сорвался , идепъ гордо и осан-
ливо , побрякивалъ серебромъ и золотомъ. —
«Вопъ шебѣ , хозяинъ , за ночлегъ и за ла-
ску,» молвилъ онъ , опусли руку въ *кишеню*
и вынувъ полную горснъ серебряныхъ де-

негъ. — «У насъ не постоялый дворъ и не шинюкъ,» ошвѣчалъ Козакъ Никиша съ досадою: «проѣзжихъ угощаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а денегъ за хлѣбъ-соль ни съ кого не беремъ.» — «Такъ позволъ же мнѣ подарить ливоихъ дочекъ на память!» сказалъ Хоробитъ, и зануся снова руку въ кошею, вынулъ горсть золотыхъ вещей. У дѣвушекъ глаза разбѣжались на перстни, на серьги, на дорогія монеты и запонки. Какихъ штукъ не было и видомъ, и цѣномъ, и цѣною! Однѣ какъ жаръ горѣли, другія свѣпились, какъ ночью глаза у кошки, на иныхъ сверкали радуги, ярче шой, чпо спускается съ неба на землю и пьспгъ воду изъ ручьевъ и колодцевъ. Дѣвушки по любовались дорогими вещами, по переглядывались другъ съ другомъ, по изкоса посмащивали на опца: куда дѣвался и спрахъ опъ проѣзжаго! — «Берите, коли добрый человекъ даетъ на память,» сказалъ имъ опецъ: «это даръ, а не плата.»

XI.

— «Начинай ты, Галъ чернобровая!» сказала Лавро Хоробитъ: «подойди и выбери, что тебѣ приглянется.» — Галъ подошла, прощипнула руку къ сполу, взглянула на Хоробина — и вскринувъ, опскочила прочь,

словно на змѣю наспушила. — «Экая спыдливая!» молвилъ смѣясь проѣзжій: «ну, бышь пакъ; коли ты не хочешь, пусишь выбираешь себѣ Докійка румяная.» — Докійка подспунила поближе, посмошрѣла на подарки и на госпи — и пакже вскрикнула, и пакже опскочила не вспомнись. — «Вошь пакъ! куда одна, шуда и другая,» сказалъ Хоробишь съ пѣмъ же смѣхомъ. «Твоя очередь, Наналка бѣлолицая!» — И Наналка робко подвинулась впередъ, невольно посмошрѣла на проѣзжаго — вскрикнула и чушь не упала. Ей показалось, что рыжія брови Хоробиша дыбомъ поднялись вверхъ, какъ иглы на ежѣ, а изъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ его спруею полились на нее двѣ понкія ниши свѣта, оспраго, жгущаго, мершвящаго. Опъ него и дрожь пробѣгала по пѣлу, и спрахъ заронлся въ душу, и шоска вшивалась въ сердце. Таковъ-то не добрый глазъ: на зеленый лѣсъ взглянешь — и зеленый лѣсъ вянешь!

ХІІ.

— «Ну, спасибо за вашу хлѣбъ-соль: буду ее помнишь, да и вы меня не забудете, хошь дочки ваши посѣсвивились и не взяли моихъ подарковъ,» сказалъ Хоробишь, поглядѣвъ на дѣвушекъ пакимъ взглядомъ, какимъ демонъ смолришь на душу человѣческую. А

онъ, бѣдненькія, сполли сложа руки крестомъ и дрожали всѣмъ тѣломъ. — «Прощайше,» примолвилъ онъ: «не поминайше лихомъ!» и засмѣялся шакъ, что у всѣхъ на души похолодѣло. Тушъ разомъ за дверь, скокъ на своего лихаго коня — и слѣдъ проспылъ.

ХІІІ.

— «Нея! мнѣ шажко, мнѣ нудно!» говорила Галя чернобровая. — «Нея! меня морозъ подираешъ по кожѣ; руки и ноги — все какъ во льду, а внушири горитъ,» говорила Докійка руминая: ахъ! она ужъ была блѣднѣе полошна. — «Нея! у меня голова прещипъ ошъ боли, и свѣшъ идетъ кругомъ, и все въ глазахъ шемнѣ да шемнѣ,» говорила Нашалка бѣлолицая. — «Спаси, спаси насъ, нея!» швердили всѣ шрое, «спаси насъ ошъ лихаго человѣка! Призови знахаря: пушъ ошворожитъ силу недобраго глаза!» — Напрасно! ни знахарь, ни кто не помогъ: чѣмъ дальше скакалъ Хоробишъ, шѣмъ шажеле спановилось красавицамъ. Съ закашомъ солнца, закашился и у нихъ свѣшъ въ ясныхъ очахъ.... Ночью набожныя шарушки собрались сидѣть при восковыхъ свѣчахъ у широкаго спода, на кошоромъ лежали подъ бѣлою пеленою шри покойницы; дѣлочъ заунывно

чишалъ надъ ними исалпиръ. Опець и машь сами чупь дышали съ шоски и горести.

XIV.

Споишь среди кладбища за селомъ большая часовня; на часовнѣ при крестѣ; подъ часовней высокая и широкая могила. Въ ней могила похоронены при дочки Козака Никипы. Люди добрые, идучи мимо, крестятся и молятся: «Пошли, Господи, вѣчный покой и вѣчную память покойницамъ!» Послѣ каждый, волей и неволей, приговариваетъ: «И пусть не будетъ добра, ни на семь свѣтъ, ни въ будущемъ, злomu человеку, который змѣинымъ своимъ глазомъ изсушилъ и извелъ при прекрасные цвѣпка свѣжіе и пышные!»

Порфирій Байскій.

Отрывокъ изъ романа:

РАИСОДІИ.

ЛОРЕНЦО.

«За чѣмъ ты ее впустилъ? сказала Лоренцо гнѣвнымъ голосомъ своему Жаку. Я тебѣ уже нѣсколько разъ подтверждалъ, чпобы ты, кромѣ нищихъ и калекъ, никакихъ просителей и просительницъ съ бумагами ко мнѣ не допускалъ!» —

«Хоши я того языка, на кошоромъ вы изволише говорить, и не понимаю, однако изъ гнѣвнаго голоса вашего и вашихъ взоровъ догадываюсь, чпо мое присушествіе вамъ неприлично; сказала женщина, держащая въ рукахъ бумагу, одѣшая бѣдно, но чисто и опрятно. Извините, Милосливый Государь, чпо надежда меня къ вамъ привела. Надежда насъ всѣхъ водитъ, многихъ обманываетъ.

Желаю, чтобы ваши надежды всегда исполнялись; мою же неисполненную я назову — Лоренцо.»

Лоренцо, слыша голос и языкъ образованные, видя во всей фигурѣ сей женщины нѣчто, свидѣтельствовавшее счастливѣйшіе нѣкогда дни, смягчился. — «Да что тебѣ надобно? кто ты? спросилъ онъ, стараясь улыбкою скрывать свое замѣчаніе.» —

«Я — Полковница», отвѣчала она, «была счастливою супругою; мужъ мой палъ въ сраженіи противъ непріятеля; теперь я — бѣдная вдова, и нищъ жизни моей прядущъ милосердыя руки.»

«Какъ же васъ зовущъ?» спросилъ Лоренцо въ смущеніи.

«Меня многіе знаютъ», отвѣчала она, «и всѣ зовущъ меня Полковницею; имя же мое извѣстно здѣсь только одному.»

«Что же вамъ угодно?» спросилъ Лоренцо.

«Желаю, чтобы рука ваша опроверзлась для подаванія мнѣ помощи; возвратишь вамъ даннаго я не въ соспояннѣ; взаимными услугами вознаградишь — гошова, если могу.»

Лоренцо обрашилъ взоръ свой на заходящее солнце и синѣющіяся вдали горы. Вдругъ обрашилъ опянь къ ней и опрѣвисно сказалъ: «Я за оказанную услугу не пребую вознагражденія. Чѣмъ могу служишь?»

«Если вы не принимаете моихъ услугъ, то я должна опказаться опъ вашей помощи ; одни полько нищіе взявши , исчезаютъ ; я — бѣдна.»

«Спранная женщина! воскликнулъ Лоренцо. Какія же вы можете мнѣ оказатъ услуги?»

«Вопросъ вашъ походитъ на условіе,» сказала Полковница; «въ шакомъ случаѣ я должна васъ спросить , какую вы мнѣ можете оказатъ помощь?»

Лоренцо находился въ великомъ замѣшательствѣ , въ кошорое привели его званіе , ловкость и всего болѣе присущее духа просительницы. Чтобы избавишься опъ разговора , кошорый началъ завязываться , онъ подаль ей молча червонецъ.

«Нѣтъ, сударь,» сказала Полковница, «единовременнаго подавнїя я не принимаю; не угодно ли вамъ будетъ , пожаловать мнѣ записочку , что вы не обременяетесь назначить мнѣ что нибудъ годовое?»

Лоренцо покачалъ головою : новостъ претребованїя его заманила; онъ исполниль ея предложеніе. Подавая ей записку, «когда прикажете ,» спросиль онъ , «выплайтишь деньги?»

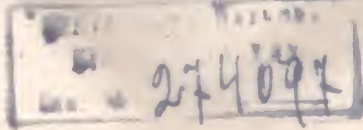
«Не безпокойтесь! когда вамъ угодно. Я живу въ двухъ миляхъ опъ города въ лѣсу , гдѣ благодѣшелями моими куплено мнѣ мѣстечко и построень небольшой домикъ. Сюда, въ городъ , я являюсь всегда черезъ мѣсяцъ ,

живу только три дни, на четвертый возвращаюсь домой. Если я вам нужна буду, то извольте или сами пожаловать ко мне, или прислать за мною.» — Поклонившись, пошла. Въ дверяхъ остановилась, и обратившись къ Лоренцу сказала: «вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ — шамъ готовившей пышная свадьба — Маркизь Доримедонно вступаешъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.»

Лоренцо споллъ, какъ пораженный громомъ. Полковница исчезла. Солнце уже скрылось за горами и пурпуровая полоса надъ вершинами поухала.

Въ сію минуцу вошелъ въ комнату Джіакомо. «Поздравляю съ визитомъ», Графъ,» сказалъ онъ. «Конечно она походилъ на монетный порфиръ, на копоромъ нѣжнѣйшія черты оцъ часнаго употребленія изгладилсь; но пріятность лица, и даже нѣкопорые слѣды оцдѣлшней красоны еще заманчивы; улыбка неподобная, а фигура вообще живописная.»

Лоренцо не отвѣчалъ. «Право,» продолжалъ Джіакомо, подходя къ ландшафту, копорымъ Лоренцо предъ шемъ занимался,» съ шакою Юноною побесѣдовать въ кабинетѣ, или прогуляться — вонъ въ шакой роціи, или

прислушивался къ шумному печенію рѣки—
вопль на такомъ берегу, или укрылся подъ
навѣсомъ такой скалы, какъ блаженной па-
мяти скромный Эней съ величавою Дидоною,
хотя и неизвѣстно, что они тамъ дѣлали—
это не худо, во многихъ отношеніяхъ даже
полезно.—Но что съ вами сдѣлалось, Графъ?—
Вы разспроены! — Не уже ли Діана ока-
зала Эндимиону съ Исполиновыхъ горъ, или
и Графъ и живописецъ въ своихъ расчетахъ
и ожиданіяхъ ошиблись?» —

«Послушай, Джіакомо,» сказалъ Лоренцо,
«оставь на минушу твои нелѣпости и твою
вѣтренность, и если ты меня хоть нѣсколь-
ко любишь, то выслушай меня со вниманіемъ.
Женщина, которая у меня была, и съ которою
ты конечно встрѣтился, приходила про-
сить подалія, и, уходя, на порогъ обрати-
лась ко мнѣ и сказала шопомъ всевѣдущей
вѣстницы: ты въ Венеціи имѣешь знакомыхъ;
тамъ гоповишься пышная свадьба; Маркизь
Доримедонно вступается въ бракъ съ преле-
сною Жозефиною Пизани.

«Какъ!» вскричалъ Джіакомо, «что за
чортъ? а Графъ Кольмаръ?»

«Графъ Кольмаръ?» сказалъ Лоренцо. —
«Если это справедливо, то Графъ лишился
того, что ему было драгоценнѣйшимъ на свѣтѣ,

и послѣ сего жизнь для Графа Кольмара есть пусшя скорлуна, не имѣющая никакой цѣны, копорую съ презрѣніемъ можно раздавишь. «

«Постойше, Лоренцо, не шоронишесь. Все эпо миѣ кажешся вздоромъ. Подумайше! во первыхъ нищя.» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не нищя, а бѣдная.»

«Во впорыхъ,» сказалъ Джіакомо, «нищя—бѣдная — низкаго разбора, прислушивающаяся къ рѣчамъ» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не низкаго разбора, она Полковница.»

«Въ прешьихъ,» продолжалъ Джіакомо, «нищя, бѣдная, низкаго разбора Полковница, желающая выманить нѣсколько денегъ» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не выманить нѣсколько денегъ; она не приняла единовременнаго подаіія, а согласилась шолько на ежегодное вспомошествованіе.»

«Тѣмъ лучше для нищей, бѣдной низкаго разбора Полковницы. Щедрость ваша миѣ извѣсна, и она вѣрно оспалась довольною. Ни за что, ни про что годовое жалованье! Bravo! bravissimo!»

«Не бѣси меня, Джіакомо. Знай, что она вызвалась миѣ оказывать взаимныя услуги, и

полько на эпомъ основаніи пребовала вспомо-
мощеспвованія.»

«Хипрал баба! годовое жалованье впередъ,
а услуги» —

«Ты говоришь вздоръ! она ничего не взяла.»

«Ого! *generosissima Signora!*»

Лоренцо глядѣлъ ему въ глаза. — «Тѣфу
пропасшь!» сказалъ Джіакомо, по нѣкошоромъ
молчаніи, «ничего не понимаю! Ницая—Пол-
ковница — годовое жалованье — условіе — Мар-
кизь Доримедонно — шунтъ должна бышь,
кажешся, связь.»

«Я шо же думаю,» сказалъ Лоренцо, «а по
сему и поручаю шебѣ, любезный Джіакомо,
опыскашь эпю Полковницу и доспавишь мнѣ
подробнѣйшія свѣдѣнія; на чшо я шебѣ даю
двадцать чешыре часа времени.» —

«А чоршь ее знаешъ, гдѣ она живешъ?»

«Она и эшаго опъ меня не скрыла, она жи-
вешъ въ лѣсу, въ двухъ миляхъ опсюда.»

«А въ какомъ, Ваше Сіяшельспво? Лѣсовъ
и рощиць здѣсь много.»

«Двадцать чешыре часа, Джіакомо, и пом-
ни, чшо сіи двадцать чешыре часа пшвой
другъ, Графъ Кольмаръ, будешъ жишь въ
адѣ!» — Сказавъ сіе, Лоренцо ушелъ въ
свой кабинетъ. Джіакомо не посмѣлъ за нимъ
слѣдовань.

ГРАФЪ КОЛЬМАРЪ.

«И такъ, милая Синьора Розалія,» сказала Джіакомо, обнимая прелестный спанъ ея, — «и такъ» —

«И такъ, Синьоръ Джіакомо,» сказала Розалія, «и такъ — довѣренность должна быть взаимная. Или вы должны быть злой человѣкъ, вывѣдывающій другихъ для своихъ вѣдъ и выгодъ, хотя бы они и сопряжены были съ несчастіемъ другихъ; или вы испытали сколько коварства и обмановъ, что ваше отъ природы доброе сердце преисполнилось желчью недовѣрчивости. Въ обоихъ случаяхъ вы заслуживаете сожалѣнія.»

«Ни то, ни другое, прелестная Розалія,» сказалъ Джіакомо; «но дружба имѣетъ свои права.»

«А любовь свои секретны, Синьоръ Джіакомо? Ни ихъ, ни другихъ я нарушать не намѣрена.»

«Ахъ! любовь! — любовь!» — сказалъ Джіакомо вздохнувъ и поцѣловавъ руку Розаліи. «Ахъ! изъ сего рая жизни быть изгнану!! — Уже сверкаешь пламенный мечъ Ангела грознаго, громоваго изгнать щастливыхъ, и, преградивъ возвращенный путь къ блаженству, предашь ихъ всѣмъ мученіямъ ноки, и скорби и опчалнія! Да отвратишь судьба отъ насъ такое зло!»

«Ахъ, Джіакомо!» сказала вспрѣвоженная Розалія. «Не говорите объ этомъ. Одна мысль наводитъ на меня ужасъ!»

«Да обратитесь судьба отъ насъ такое зло!» повинорилъ Джіакомо нѣжнымъ голосомъ.

«Ради Бога, Джіакомо! перестаньте меня пугать!» воскликнула Розалія.

«Человѣкъ — пловець на океанѣ жизни!» сказалъ Джіакомо. «Ясное солнце вливаешь бодрость и радость въ его душу, попушный вѣтеръ живитъ его надежды! Но вдругъ проливные порывы выгоняютъ изъ-за горизонна собравшіяся тучи; солнце скрывается, небо являетъ грозный видъ, буря реветъ, и ушлая доска ошдѣляетъ его отъ бездны! Волны несутъ! Ахъ! одинъ ударъ о подводный камень, и щена разлетѣлась — и нѣтъ спасенія! — Благородная, великодушная Розалія! Тучи уже набѣгаютъ! Спаси, до бури, пловца — моего друга!»

«Джіакомо! говорите! я готова сдѣлать все, что могу!»

«Желаю только знать, гдѣ живетъ Полковница. Мой другъ Лоренцо хочетъ самъ съ нею объясниться.»

«Вашъ другъ — Графъ Кольмаръ.» —

Джіакомо вскочилъ. «Какъ!» воскликнулъ отъ съ величайшимъ удивленіемъ, «вы знаете» —

«Знаю, Синьоръ Вольдемаръ, знаю.» — Удивленіе Джіакома возрасало; онъ споялъ по-

раженный, смущенный симъ неожиданнымъ откровеніемъ. — «Чему вы такъ удивляешесь?» продолжала Синьора Розалія. «Кажется, что удивлялись надобно мнѣ, удивлялись, что вы — опытный, умный Синьоръ Джіакомо, считали возможнымъ опъ любовныисхва женщины, пылающей къ вамъ любовію, скрыть свои секреты. Вы мужчины молчаливы, а мы женщины хитры; вашей молчаливости измѣниюшь, а нашей хитрости помогаюшь обсподшествва.»

«Да какъ вы это узнали?» спросилъ смущенный Джіакомо.

Розалія улыбулась. «Вы не повѣрите,» отвѣчала она, «если я вамъ скажу, что молчаливый Синьоръ Джіакомо самъ все вывелъ наружу.»

Джіакомо выспавилъ на нее свои глаза.

«Да, самъ вывелъ наружу,» продолжала Синьора. «Помните ли вы, Джіакомо, какъ вы однажды пришли ко мнѣ угрюмый, невеселый, задумчивый, разспроенный, и не хотѣли мнѣ сказать, что съ вами случилось. Я позволила вамъ ночевать у меня; вы заснули. Но я, шревожась вашимъ разспроисвомъ, сидѣла въ креслахъ возлѣ васъ, и наблюдала за вашимъ покоемъ. Вы начали бредить; говорили много по Италіански, по Французски, и, къ удивленію моему, по Нѣмецки. Вы нѣсколько разъ повспорили ими

Лоренцо, называя его Сіяпельсшвомъ, Графомъ Лоренцо, и живописцемъ Кольмаромъ; называли меня, увѣряли меня, что вы мой вѣрный Вольдемаръ и пр. Вы во снѣ говорили, все смѣшивая и перемѣшивая, но мнѣ бодрствовавшей не трудно было привести все въ надлежащую связь, чему не мало способствовало то обстоятельство, что вы скрывали отъ меня свою родину, и вдругъ заговорили на опечесивенномъ своемъ языкѣ. Вы хранили свою шайну, а я хранила свою. Но присовокупляю, что я ничего болѣе не знаю, какъ только то, что живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, а вы не Джакомо, но Вольдемаръ. Въ началѣ я, правда, еще сомнѣвалась; но когда вы подарили моей Терези золотыя сережки, то я разсмотрѣла бумажку, въ которой онѣ были завернуты; это было писмецо Французскими лицерами на Нѣмецкомъ языкѣ писанное къ Вольдемару и подписанное Графомъ Кольмаромъ. Я спрашала это писмецо; а на другой день послала своего Пьеро къ живописцу Лоренцо съ записочкою, чтобы онъ благоволилъ меня уведомить, не угодно ли ему будетъ написать порицаніе одной дамы; что въ случаѣ его согласія назначены будутъ дни и часы для сеанса. Я получила отвѣтъ, сличила почерки, и нашла, что это писмецо и этошъ отвѣтъ писаны одною

рукою. — Далѣ, Синьоръ Вольдемаръ, я ничего не знаю. Я довольно неоспорочно обнаружила, что Полковница мнѣ извѣсна, и вы пребудете подробнѣйшихъ о ней свѣдѣній. Я гошова вамъ помочь, но мнѣ надобно все знать, хотя бы только для удовлешворенія женскаго любопытства.»

Джіакомо между тѣмъ собрался съ мыслями, сѣлъ къ Синьорѣ Розаліи на диванъ, и началъ шакъ: «Человѣку и сны ошъ Зевеса! Судьбѣ угодно было, чтобы усна мои выдали чужую шайну, а вамъ, любезная Розалія, угодно было спящаго болшупа подслушать. Эпо персиъ Божій! сказала бы Панглось, и лучше не могло бы случишься въ семь лучшемъ изъ возможныхъ міровъ! Все къ лучшему! Еслибъ я спящій не выболшалъ шого, что поклялся хранить шайною, то бодрешвуюющій не рѣшился бы вамъ, прелешшая Синьора Розалія, ее ошкрышь; а вы, добрая Розалія, по швердоси своего характера конечно ошказали бы намъ въ своей помощи. Теперь все другое! Я не имѣю причины скрывать шого, что вы уже знаете, а вы конечно, узнавъ ошальное, ошошно намъ поможете. И шакъ, все къ лучшему! — Прошу же слушать, повѣшпованіе мое будешъ очень корошно.»

«Только чтобы было и ошкровешно!» прибавила Синьора Розалія.

« Не имѣю причины, правдолюбивая Синьора, къ испинѣ примѣшивать вымыслы. Живописецъ Лоренцо естъ Графъ Кольмаръ, владѣтель огромнаго имѣнія въ живописныхъ горахъ Исполиновыхъ. Машери своей онъ лишился на двѣнадцатомъ году возраста, отца своего два года предъ симъ. Онъ воспитанъ соопвѣстственно своему сану и богачеству, но не по обыкновенной методѣ. Человѣку нельзя дать того, чего въ немъ нѣтъ, и истинное воспитаніе помогаетъ только развитію душевныхъ и плѣсныхъ силъ, и великое искусство попребно уже только для того, чпобы не мѣшало оному развитію, или не дасть ему несвойственнаго ему направленія. Это правило, коимъ старый Графъ руководствовался, сохранило молодого Графа отъ многихъ дурачествъ, глупостей и предразсудковъ, прививаемыхъ молодымъ людямъ высокаго званія. Молодой Графъ имѣлъ полную волю дѣлать, что хотѣлъ; уклоненіе съ прямаго пути къ чему либо безразрешенному было предусмаприваемо и опклоняемо, или вспрѣчало въ старомъ Графѣ грознаго и неумолимаго карателя. Молодой Графъ имѣлъ полную волю разсуждать, какъ хотѣлъ; и старый Графъ ему еще помогалъ и доводилъ его разсужденія до послѣдней границы возможнаго, или до послѣдней почки превысренности, съ кошорой молодой Графъ

могъ окинуть однимъ взоромъ или все заблужденіе, или все изящество своихъ мыслей. Бывъ часно свидѣтелемъ такихъ бесѣдъ, я неоднократно имѣлъ случай и причины удивляться смѣлости и рѣзкимъ рѣчамъ молодого, и хладнокровію, перпѣнію и искусству стараго Графа. Ихъ бесѣды походили совершенно на Duo, въ копоромъ играютъ варіаціи на одну и ту же тему попеременно то поитъ, то другой. Часно спарикъ только впорилъ; иногда игралъ и Solo, но не выходилъ ни изъ тона, ни изъ такта, въ копоромъ обыкновенно начиналъ молодой Графъ. Часно походили они на двухъ пылкихъ коней, пущенныхъ въ ристалище, и напрягавшихъ свои силы, что бы опередить другъ друга. Присовокунише къ сему, что молодой Графъ ни въ чемъ не былъ спѣсяемъ, ни въ занятіяхъ, ни въ увеселеніяхъ, имъ избираемыхъ, ни въ расположеніи дня; тогда вы, прелестная Розалія, повѣрите мнѣ, если я скажу, что онъ весьма рано научился смотрѣть на все, его окружающее, совсѣмъ иначе, нежели другіе, что сердце его чисто, какъ стекло вашего уборнаго зеркала, и что онъ пріобрѣлъ, можете быть излишнюю довѣренность къ самому себѣ. Онъ учился всему, чего нынѣшнее воспитаніе требуетъ, и имѣя отличныя способности, отлично во всемъ успѣлъ.

Ему было двадцать четыре года, когда спарый Графъ скончался, и онъ вспушилъ въ наслѣдство и управленіе огромнымъ имѣніемъ. Первое время онъ провелъ непримѣнно въ разныхъ распоряженіяхъ; но когда онъ все привелъ по своему мнѣнію и желанію въ порядокъ, когда имѣлъ много свободного времени, то ему наскучила единообразная и одинокая жизнь въ помѣстьяхъ своихъ. Однажды вечеромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ погруженный въ мысли, онъ вдругъ вскочилъ, прошелся по комнатамъ скорыми шагами, и сѣвъ опять на свое мѣсто, сказалъ: «Я думаю, любезный Вольдемаръ, что какъ у Шекспира находящіяся намѣтки, указующіе въ какомъ смыслѣ должно понимать или характеръ какого либо лица или всю пьесу, такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣтки, указующіе, что ему надлежитъ дѣлать.» — «Сомнѣваюсь, опивчалъ я, намѣтки спихопворца произвольные; въ человѣкѣ»... «Поспой! поспой! перервалъ онъ меня; ты Шекспира не понимаешь, другъ мой; у Шекспира нѣтъ ничего произвольнаго, и намѣтки въ его пьесахъ не его; эти намѣтки невольныя обнаруживанія характера лицъ самихъ. Такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣтки. Напримѣръ, скажи мнѣ, для чего еще въ помѣ возрасшій, когда я не умѣлъ опличать хорошее или дурнаго, для чего родилась во мнѣ такая

спрасишь къ Италіанскому языку, когда господствуешь у насъ во всемъ Галломанія? Для чего родилась во мнѣ спрасишь къ живописи, когда, по мнѣнію нашихъ умниковъ, мнѣ, какъ Графу, приличіе было бы покупать, нежели самому писать картины? для чего? — «Ваша душа искала пици и заняшій, сказала я, а что вы избрали преимущественно языкъ Италіанскій и живопись, это дѣло случайное.» — Онъ возразилъ: «какъ Аспрологъ Сени, въ Валленштейнѣ, говоришь, что нѣтъ ничего маловажнаго; такъ я шебѣ скажу, что нѣтъ ничего случайнаго. Все имѣешь свою причину, свою цѣль; все въ связи. Но мы слишкомъ близоруки, чтобы видѣть части, все связующія; а бѣдный умъ нашъ, мудрествуя, часто разрываетъ сію дивную тонкую нить; и это источникъ всѣхъ бѣдъ нашихъ. Если бы мы болѣе прислушивались къ самимъ себѣ, какъ мы должны прислушиваться къ рѣчамъ Шекспировыхъ лицъ, если хошимъ понять ихъ характеръ и ихъ дѣйствія, то конечно не сбивались бы съ пути, предначертаннаго судьбою. Я прислушался къ себѣ. Спрасишь моя къ Италіанскому языку и къ живописи, двумъ предметамъ въ понятіи моемъ неразрывнымъ, указываютъ мнѣ на Италію. Ожидаетъ ли меня тамъ что, или нѣтъ; я того знаши не могу. Но я хочу видѣть ту землю, ко-

поря миѣ и въ Исторіи являешся лучезарною, хочу видѣть сію опчизну военнаго величія, духовной власни и изящныхъ искусствъ.» — «Вижу, опвѣчалъ я ему, что вы прислушались къ себѣ; на моемъ языкѣ это значить— вы возымѣли желаніе путешествовать, видѣть людей.» — «Точно, перервалъ онъ, при этомъ случаѣ хочу видѣть и людей; людей, Вольдемаръ; не Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и пр., но людей, Вольдемаръ, людей.» — «А развѣ Герцоги, Графы, Маркизы и пр. не люди?» спросилъ я. — «Люди, опвѣчалъ онъ, но шочно такъ какъ и актеры на сценѣ люди; въ этомъ театрѣ я еще успѣю побывать. А чтобы миѣ возможно было видѣть людей, шо я воспользуюсь своимъ искусствомъ и, опсавивъ дома пышность и Графскій шипуль, коншоры насъ опъ людей, или людей опъ насъ удаляють, опшравившся въ сопровожденіи шолько одного слуги, подѣ именемъ живописца Лоренцо. Если, прибавилъ онъ улыбаясь, если вамъ, почтеннѣйшій Вольдемаръ, угодно миѣ сошествовать, шо я не опкажусь опъ удовольствія вашей бесѣды; однако не иначе, какъ съ шѣмъ, чтобы Вольдемаръ благоволилъ промѣнять сіе звучное имя на другое, не менѣе звучное, на примѣръ, Джіакомо и хранишь свое и мое званіе и имя какъ шайну.» — Тысяча мыслей, одна другой пріятнѣе,

зашевелились въ моей неутомонной головѣ. «Я готовъ, воскликнулъ я въ восхищеніи; вмѣсто кляпвеннаго обѣщанія, вопль вамъ моя рука, Графъ! Прикажете закладывать!» — «Не горячись, Синьоръ Джакомо, сказалъ онъ, приказаніе уже дано. Завтра въ шесть часовъ упря мы ѣдемъ.» — У Графа все уже было приготоовлено. Съ порпфелью, карандашами и красками, съ кошелькомъ, набитымъ червонцами, и съ нѣсколькими векселями, мы на другой день въ назначенный часъ сѣли въ коляску, и оправились.

Нѣсколько помолчавъ, Джакомо продолжалъ: вхопъ я и принадлежу къ нѣмъ характерамъ, для коихъ, въ теоріи и на практикѣ, жизнь не иное что какъ *une partie de plaisir*; кои, убѣгая глубокихъ размышленій, не столько получающихъ, сколько смущающихъ человека, любующая картинами прошедшихъ дней, не лобоньпешвуютъ поднятъ завѣсу будущаго, и пользующая насполицмъ, срываетъ цѣпки веселія и наслажденія, гдѣ находятъ: однако ж начинаю вѣрпшь, что есть въ человекѣ намѣки, о коихъ говорилъ Графъ. По крайней мѣрѣ, жизнь Графа, еслибъ онъ не оставилъ своихъ помѣспьевъ, выпилнулась бы въ единообразную нпнь вѣчности; нушь жизнь его дѣлается драмою, копорую надобно разыгранъ. Узелъ завязался въ Венеціи.

Но я долженъ, внимательная Синьора Розалія возвратишься за нѣсколько лѣтъ назадъ, дабы повѣспованіе мое имѣло надлежащую связь и ясность. Если я прежде сказалъ, что начинаю вѣришь намѣкамъ въ человѣкъ, то теперь я долженъ еще присовокунишь, что бывающъ событія въ жизни человѣческой, кои по внезапности своей, или по сокровенности внутренней связи, споль чрезвычайны, что человѣкъ, ихъ видѣвшій находясь вдругъ на межѣ двухъ міровъ, приходишь въ недоумѣніе, и, опровергавъ прежде ихъ возможность, наконецъ начинаешъ вѣришь пому, чему умъ смѣялся, попому что оно смѣшся уму. За два года до кончины спараго Графа, молодой Графъ по дѣламъ семейственнымъ посланъ былъ опцомъ своимъ въ одно изъ сѣверныхъ Государствъ Европы. Я былъ его сопушникомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда нашего плуда, познакомились съ лучшими домами въ городѣ, мы однажды приглашены были однимъ богатымъ помѣщикомъ и знашнымъ чиновникомъ на балъ, конорый онъ давалъ въ загородномъ своемъ домѣ, въ чепырехъ миляхъ опъ города. Все, чѣмъ роскошь и утонченность вкуса предъспинишь могутъ глаза и воображеніе, все, кажешся было придумано и выполнено, а пріятность и любезность хозяйки и привѣчливость хозяина, возбуждали во всѣхъ госпяхъ веселый духъ и

поддерживали общее удовольствіе. Предъ всѣми опличался въ панцахъ — Графъ, съ дочерью хозяина, прелесною дѣвицею, созданною, кажется, для того только, чтобы поселить въ муцинахъ сердечную тоску. Графъ въ началѣ былъ чрезвычайно веселъ; но вдругъ, по причинѣ мнѣ и по нынѣ неизвѣстной, веселость его исчезла, и когда время клонилось къ полуночи, онъ, подошелъ ко мнѣ, шепнулъ, что намѣренъ по шихоньку уѣхать. Но какъ онъ ни шепталъ, однако стоявшій позади меня Баронъ Массингеръ, которъй принадлежалъ къ первымъ нашимъ знакомствамъ въ томъ городѣ, услышалъ его слова, и сказалъ ему: «вы собираетесь домой, Графъ; признайтесь, и я желалъ бы быть уже на покой. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ.» Графъ согласился. Мы по шихоньку удалились изъ залы, обыскали своихъ людей, накинули шубы, и сани закричали по снѣгу. Погода была прекрасная, ночь свѣтлая. Не опѣхали мы и полмили, какъ поднялся сильный вѣтеръ, и кучеръ спросилъ Графа, не прикажеть ли ворошиться, потому что подымается млиель, и впереди до города нѣтъ ни деревни, ни хаты. — Ему приказано было продолжеть путь.»

«Не желаю, чтобы споль нѣжный цвѣшокъ, какъ вы, прелесная Розалія, когда либо, или по собственному желанію, или по спре-

дѣленію судьбы, перенесенъ былъ въ пѣспраны, кошорыя благотворное солнце освѣщаешъ споль крапкое время. Вы, щаспливал Синьора Розалія, родились въ благословенныхъ поляхъ Ишаміи, и ваше воображеніе, имѣя предъ собою всегда прелеспнѣйшія картины Природы и Искусства, не знаешъ ужасовъ Сѣвера, гдѣ взоръ не любитъ медленнымъ развитіемъ весны и ея почекъ, гдѣ природа, дѣйствуя скрышно и быспро, лишаешъ насъ восхищительнаго зрѣлица развивающейся красоты, гдѣ въ одну ночь безцвѣпная спрана превращается въ роскошную жизнь расписительнаго царства, гдѣ прелести Природы мгновенно исчезаютъ, скрываютъ за снѣжными облаками. Солнце удаляется, спѣша скрыться подъ горизонтомъ, медлитъ появленіемъ своимъ пробуждаешъ смерпныхъ къ новой дѣяпельности; земля лишается своихъ украшеній; все цѣпенѣешъ въ морозѣ, и какъ кровь въ жилахъ спынешъ при насупленіи смерти; такъ быспрѣйшее движеніе рѣкъ слабѣешъ, теченія нѣшъ. Снѣгъ и мракъ длинныхъ ночей покрываютъ землю. Горе пупнику, выѣхавшему изъ многолюднаго города въ дорогу, ведущую чрезъ необозримое поле, и пересѣкаемую дальними селеніями, когда заспигаешъ его вѣпиръ и вихрь. Снѣжная пыль поднимается съ земли, спускаешъ съ облаковъ — небо и земля исчеза-

юпъ — всюду бѣлая пѣна! Самый зоркій глазъ не видить далѣ десяти шаговъ! бѣлая дорога сливается съ необозримымъ полемъ! нѣтъ слѣдовъ, и надобно, или оспановиться, или продолжать путь свой на удачу. Въ обоихъ случаяхъ угрожаетъ величайшая опасность, и часто встрѣчаютъ неизбежную смерть.»

«Снѣжная пыль начинала уже подыматься и кружиться въ воздухѣ. Кучеръ еще разъ спросилъ Графа; не прикажутъ ли ворошиться? Но Графъ, не зная еще опасности, съ гнѣвомъ повпорилъ прежнее свое приказаніе. Баронъ не опспавалъ. Вскорѣ кучеръ оспановилъ лошадей, и объявилъ, что онъ сбился съ дороги. Долго совѣщались, въ какомъ направленіи ѣхать. Наконецъ кучеръ просилъ позволенія предоставитъ лошадямъ волю идти, куда хотять, говоря, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ, и что лошади обыкновенно попадають на какую либо дорогу. Графъ согласился, и дабы намъ не потеряться другъ друга, по коренную лошадь ѣхавшаго за нами Барона привязали къ задку нашихъ саней. Такимъ образомъ ѣхали мы съ часъ, какъ кучеръ оспановилъ лошадей, говоря, что-то впереди въ весьма близкомъ разстояніи виднѣется. Послали лакея узнать; это была хижина въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоявшая. Холодъ и опасеніе опили

сбихся съ дороги заспавили насъ искашь въ сей хижинѣ убѣжища, и обождашъ, пока мшель пройдешь.»

«Графъ, прошивъ своего обыкновенія, во все время нашего спранспивованія молчалъ, погруженный въ задумчивосшь. — «Здѣсь, видно, царство смерши,» сказалъ Баронъ, выходя изъ саней; «не слыхашъ и лая собаки.» — Мы вошли въ сѣни. — «Едва ли здѣсь кто живешъ,» продолжалъ Баронъ, «и мы принуждены будемъ сидѣть въ пошьмахъ.» — Въ сіе мгновеніе лакей, опыскавши ощупью дверь, отворилъ ее. Мы остановились пораженные свѣшомъ и спраннымъ зрѣлищемъ, которое намъ предспавилось. Лакей, оцѣпенѣвъ, и выставивъ свои глаза, держалъ въ рукѣ дверь, не зная, что дѣлать. У спѣны прошивъ опкрышой двери сподлъ длинный сполъ, на которомъ горѣло восемь свѣчъ, спспавленныхъ въ пошь порядкѣ, въ какомъ спспавили геридоны около гроба; проспранспиво сполоа, ими заключаемое, было покрышо бѣлымъ полошномъ; за споломъ на скамѣ, проспиравшейся вдоль по всей спѣнѣ, въ проспѣнкѣ двухъ оконъ, сидѣлъ человекъ высокаго роста — голова его была совершенно лыса — изсохшее его продолговатое лицо, съ оспрыми подбородкомъ и носомъ, не оживлялось никакимъ цвѣшомъ — на лбу надъ лѣвымъ глазомъ видѣнь былъ красный, какъ бы кро-

вью налипый рубецъ — оловянные глаза его, коихъ взоръ усpreмленъ былъ на споль, бѣлый плащъ, покрывавшій, какъ саванъ, всѣ прочія часпи его шѣла, и неподвижность всей фигуры, могли бы свидѣтельствовать, что онъ сокрушилъ запворы своего гроба и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи спрашнаго суда, если бы судорожное движеніе успъ и лѣвой щеки не доказывали, что онъ принадлежалъ еще къ живымъ.»

«Графъ посмопрѣлъ на меня, какъ будто желая получить отъ меня какое либо объясненіе, и первый вошелъ въ комнату, за нимъ Баронъ и я. Дверь за нами сама захлопулась, и кажеся, каждый изъ насъ вздрогнулъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ спояли длинныя скамьи, а по лѣвую руку видна была еще одна дверь. Впрочемъ все было голо, и даже не виданъ было и иконы. Мы съли, я по лѣвую, Графъ и Баронъ по правую руку шпола, въ нѣкошоромъ отъ онаго разспояніи. Баронъ, не скрывавшій ни въ какихъ случаяхъ своего вольнодумшва, хопѣвшій, вѣрояшно, и тогда выказалъ свою храбрость, посмапривалъ съ язвительною улыбкою на спрашнаго челоуѣка и на Графа, сидѣвшаго въ задумчивости, кошора я меня болѣе перевозила, нежели спрашний незнакомецъ. Нѣсколько минушъ продолжалась безмолвная сцена. Вдругъ незнакомецъ медленно

поднял голову, обратилъ пускые свои глаза на Барона и сказалъ глухимъ гробовымъ голосомъ: «се царство смерти! Тебя, кощунъ, ожидаешь великое несчастье.» — Баронъ примѣшно встревожился, но желая выдержавъ свой характеръ, собрался съ духомъ и отвѣчалъ ему: «если тебѣ дано слышать какъ распеетъ права, и видишь что кроется за завѣсою будущихъ временъ; по благоволіи изъ глубины премудрости твоей возвѣспишь лестнѣйшее.» — «Въ царствѣ смерти не лѣспятъ!» сказалъ незнакомецъ. Щеки и уста его пришли въ сильнѣйшее движеніе. — «Внимай, кощунъ!» продолжалъ онъ; «прежде, нежели солнце прижды совершитъ свой путь, ты изъ міра порядка увидишь въ міръ смятенія, инадцать лѣтъ тебѣ суждено, не узнавать ни себя, ни другихъ; потомъ возвратишься свѣтъ въ душу твою, но только для того, чтобъ ты позналъ плачевнѣйшее состояніе свое. Тогда ты вторично сойдешь съ ума и въ бѣшенствѣ умрешь.» — Баронъ молчалъ, пораженный столь ужаснымъ предсказаніемъ. Графъ не выходилъ изъ задумчивости своей, но на лицѣ его выразалось спокойствіе. Я не зналъ, что думать: считалъ ли незнакомца за высшее существо, копорому извѣсны судьбы смертныхъ, или попались мы въ сѣти обмана, а можемъ быть, въ опасное для жизни нашей мѣсто. Глубокое

молчаніе, воспослѣдовавшее за предсказаніемъ, перервалъ опять незнакомецъ, медленно обратившій свое ужасное лице ко мнѣ, и сказавшій: «се царство смерти, а не царство лжи и обмана, и жизнь твоя и товарищей твоихъ безопасна.» — У меня волосъ спалъ дыбомъ. — «Долго,» продолжалъ онъ, «обратись къ Графу, «долго! я тебя ждалъ, Графъ.» — При сихъ словахъ Графъ вышелъ изъ своей задумчивости. — «Кто ты?» спросилъ онъ незнакомца рѣшишельнымъ голосомъ. «Кто тебя послалъ? и по чему ты меня знаешь?» — «Не спрашивай мѣня. Не въ моей власти состоить, опивчашъ на твои вопросы. Знай, что для меня нѣтъ ни времени, ни пространства. Человѣкъ спитъ, яко крошкѣ! онъ веселился на канунѣ смерти! чаша удовольствія увѣнчана цвѣтами, но она оправлена горечью и ядомъ. Подойди ко мнѣ, Графъ.» — Графъ вспалъ, и подошелъ къ нему съ нѣкоторою робостью. — «Смотри, Графъ!» сказалъ незнакомецъ, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, которая принадлежала болѣе скелету, нежели живому человѣку, держа ея блестящее серебряное блюдо, — «смотри, Графъ,» повторилъ онъ, повернувъ блюдо къ глазамъ Графа. Графъ смотрѣлъ въ блюдо, лицо его начало измѣняться, волосъ подымался. — «Не робѣй, юноша!» сказалъ онъ. «Ты видишь послѣднюю сцену.» И вскорѣ

попомъ спряхалъ блюдо опить подь плащъ. Молча сполъ Графъ какъ испуканъ, успремивъ глаза на незнакомца. Баронъ сидѣлъ съ поникшею головою, вперивъ взоры свои въ полъ. Я нешерпѣливо ожидалъ развѣзки. Графъ, сдѣлавъ движеніе, чшобы возврашиться къ своему мѣспу, вдругъ сильно встревожился, оспавался у спола, къ конорому подошелъ. — «Не робѣй!» сказалъ незнакомецъ. «Свобода еспь плодъ повиновенія! Соберись съ духомъ! Смотри, Графъ.» — Съ сими словами онъ вынулъ изъ подъ плаща правую руку, держа въ ней зеркало. — «Смотри, Графъ!» повпорилъ онъ. Графъ бросилъ робкій взглядъ на спекло; взоръ его прояснился! на успахъ появилась улыбка и на лицѣ его изображалось удовольспвіе и радоспъ. — «Графъ!» сказалъ незнакомецъ и спряхалъ зеркало опяшь подь плащъ; «ны хопѣлъ знашь, кшо я!» Графъ молчалъ. — «Познай меня!» — Съ сими словами онъ сдернулъ бѣлое полошино со спола, и взоры Графа пали на вдѣланнй въ споль спальной лиспъ. Лице его поблѣднѣло, онъ зашашался, и схвативъ себя за лобъ, бросился изъ ханы воиъ. Мы почувспвовали сильный запахъ мерпваго. Баронъ глубоко вздохнулъ, но сидѣлъ неподвижно. Я хопѣлъ бросишься за Графомъ, коего состояніе меня сильно встревожило, но никакъ не могъ вспашь. Спранный незнакомецъ сидѣлъ спокойно на своемъ

мѣстѣ , покрывши опять споль полошномъ , и обращая свои спрашныя глаза по на Барона, по на меня. — « Скажи, » обратился онъ наконецъ ко мнѣ , « скажи Графу , что я съ нимъ еще увижусь ! » — Вдругъ свѣчи погасли, мы оспались въ глубокомъ мракѣ , а надъ нами раздался тяжкій стонъ. Хотя робоспъ мною и овладѣла , однако я не совсѣмъ лишился памяти и присуществія духа. Почувствовавъ свѣжій воздухъ вокругъ себя , мнѣ какъ-то спало легче ; и увѣрившись , что могу ноги свои привеспи по волѣ въ движеніе , я вскочилъ. — « Баронъ ! вы тушь ? » спросилъ я громкимъ голосомъ . — « Тушь ! » отвѣчалъ онъ. Схвативъ его за руку , которая сильно дрожала , я пошацилъ его за собою вонъ изъ избы. Мы вышли на улицу ; мяпель уже прошла ; сани Бароновы спояли въ готовності. — « Гдѣ Графъ ? » спросилъ я . — « Уже давно уѣхалъ, » отвѣчалъ лакей. « Слышали ль вы спенаніе ? » спросилъ я . — « Ничего , сударь , не слышали ; все было тихо , какъ въ могилѣ. » Мы сѣли въ сани , и лошади помчали. »

« Камердинеръ Графа встрѣшилъ меня съ лицомъ спревоженнымъ. Графъ очень боленъ , сказалъ онъ. « Давно ли онъ пріѣхалъ ? » спросилъ я . « Съ полчаса, » отвѣчалъ камердинеръ ; « онъ ходилъ по комнанѣ , блѣдный какъ смерть , останавливался , говорилъ несвязныя рѣчи , блуждалъ глазами , чего-то боялся. Въ изне-

моженіи онъ упалъ безъ памяти на софу; я его поскорѣ раздѣлъ, положилъ въ постель и послалъ за докторомъ.» — Въ сію минушу вошелъ и докторъ. Мы пошли къ больному. Графъ лежалъ въ постель съ сомкнутыми глазами, похожій болѣе на мертваго, нежели на живаго; холодный потъ выступалъ на лицѣ его. Докторъ, щупая пульсъ, качалъ головою. На вопросы его о причинѣ болѣзни я отвѣчать не могъ, чувствуя сильное отвращеніе разглашанъ споль спиранное произшествіе. «Я думаю,» сказалъ я ему, «что Графъ сильно просудился. Докторъ качалъ головою. Прописавъ лекарство и подавалъ мнѣ рецептъ,» соблюдайше, «сказалъ онъ,» совершенную нищину; малѣйшій спукъ можетъ лишитъ его жизни. А когда проснулся, поспѣшише ему дать лекарство, на которое я впрочемъ и самъ не надѣюсь. Черезъ шесть часовъ, если онъ еще будетъ живъ, я опять буду.» — Я осмался съ камердинеромъ у постели больнаго. Что въ душѣ моей тогда происходило, я описатъ не въ состояніи. Если бы Графъ не въ такомъ былъ положеніи, то я все счелъ бы за страшное сновидѣніе. Умъ мой, не могши согласитъся съ дѣйствительностью видѣннаго мною, перался въ разныхъ догадкахъ, и чѣмъ болѣе я спарался все объяснитъ и видѣнъ въ семъ произшествіи хипроस्पлененія обмана, тѣмъ болѣе оно

спановилось для меня неизъяснимымъ. Черезъ часть Графъ проснулся и быспро поднявшись въ поспель, смопрѣлъ на меня дикимъ взоромъ долго, долго, какъ будто усиливаясь что-то припомнить. — «Такъ и ты,» сказала онъ наконецъ, «переселился въ царство мерпвыхъ? — Ты Вольдемаръ? — да! шакъ! шочно! — я помню. — Смерть не успѣла еще совсѣмъ испребить моей памяти. — Ты Вольдемаръ. — Смерть быспра — я думалъ опъ нее ускакашь, но не въ свои сани сѣлъ. — Кони мчали — кучеръ погонялъ ихъ дикимъ голосомъ — снѣгъ клубился около меня — холодъ впекалъ въ жилы — свиспъ и вой въ воздухъ — все спановилось шемнѣе — мрачнѣе — сани черныя — по не сани были — по былъ гробъ — а коней погоняла смерть — мы прѣхали къ врапамъ царства мерпвыхъ. — Смопри какое спеченіе прѣхавшихъ! — Намъ, Вольдемаръ, надобно подождать, пока насъ пропуспашь.» — Сказавъ сіе, Графъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молча камердинеръ подалъ ему чашку съ лекарствомъ; Графъ машинально ее взялъ, долго на нее смопрѣлъ и наконецъ выпилъ. «Ты кшо?» закричалъ онъ вдругъ ужаснымъ дикимъ голосомъ и бросилъ чашку, кошорая разлетѣлась на мелкіе кусочки. «Прочь исчадіе ада! прочь призракъ!» и упалъ опяшь безъ памяти на подушку. Вскорѣ выспушилъ сильный потъ, лице его пылало!»

«Не спану вамъ, прелестная Розалія, въ подробности описывашь ужаснаго положенія моего друга и благодѣтеля; ни соспожня души моей, кошорая, при споль плачевномъ зрѣлищѣ, неволью вспоминая необыкновенную причину онаго, волновалась спрахомъ и надеждою. Графъ долго оспаивался въ безпамятствѣ, и спрашныя фанпазіи, кошорыми онъ бредилъ и мучился, относились всѣ къ пому произшествію, и вѣроянно къ шѣмъ явленіямъ, кошорыи онъ видѣлъ въ серебряномъ блюдѣ, въ зеркалѣ, и въ спальномъ листѣ. И погда даже, когда спараніями медика больной получилъ облегченіе, и здоровье его начало, хоши очень медленно, возвращашься, и погда еще воображеніе его было въ сильномъ дѣйствіи, но пораждало, кажется, пріятнѣйшія картины. Ибо во время перелома бользни, послѣ глубокаго сна, продолжавшагося придцашь шесть часовъ, Графъ вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхаюшь, чувствуя большое облегченіе, пиho капились слезы изъ его глазъ, улыбка освѣжила его лице. «Посмотри,» сказалъ онъ мнѣ слабымъ прерывающимся голосомъ, «посмотри, Вольдемаръ, ангель мой передо мною; какъ ее зовушь, я не знаю — но она моя — моя, Вольдемаръ, — она назначена для меня — она ждетъ меня — сей часъ буду. — Вольдемаръ! веди меня къ ней.» Съ шого времени онъ

спановился все спокойнѣе, всѣ его мечпаніи имѣли одинъ шолько предмѣтъ — ее; и когда онъ уже въ состояніи былъ сидѣть въ пошелѣ, онъ велѣлъ себѣ подати бумагу и карандаши, началъ что-то черпать, но рука его еще слабая, дрожала, и онъ долженъ былъ оставитъ свое предпріятіе. Здоровье его возстановлялось, хопи и медленно, и когда ему уже позволено было опять занимать свои любимыи предметами; шо онъ ежедневно заирался въ своемъ кабинетѣ, и кончивши каршину, коей занимался, позвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ, и снявъ полошно, коимъ каршина была покрыша, сказалъ: «смотри, Вольдемаръ, вотъ плодъ моей болѣзни!» — На каршинѣ изображена была женщина необыкновенной красоты и привлекательности. — «Что ты молчишь, Вольдемаръ?» сказала Графъ, когда я въ безмолвномъ восхищеніи смотрѣлъ. «Что скажешь?» — «Сожалѣнію доспойно было бы,» ошвѣчалъ я, «если бы шоль прелестный цвѣшокъ дѣйствительно когда нибудъ явился въ жизни!» — «По чему же такъ?» спросилъ Графъ, явно смущенный сею мыслью. — «Попому,» ошвѣчалъ я, «что время, все измѣняющее, все пожирающее, не пощадило бы и его. Предспавишь же себѣ померкшими сіи чистѣйшіе глаза, въ коихъ видна душа, ко всему доблестному и изящному пламенѣющая, сіи ла-

нишы, въ розахъ коихъ покоятся всѣ Граціи и Амуры, покрѣпыми браздами спароспи; и эпи двѣ сферы.... Графъ! пакая мешаморфоза наводишь на меня ужасъ, и желаніе мое, чпобы никогда подобное сущесиво не пипалось плодами земли, весьма естешественно.»—«За чѣмъ же,» возразилъ Графъ, «дѣло времени предоспаляшь воображенію? Наслаждайся наспоющимъ, скажешъ тебѣ всякій мудрецъ.»—«Хорошо,» опивчалъ я, «еслибъ челоуку дано было жить въ наспоющемъ! Онъ живенъ полько или въ прошедшемъ, или въ будущемъ; наспоащаго для него нѣтъ. Наспоащее-полько скоросечныя мгновенія, съ быспрошою молніи гонимыя будущими къ прошедшимъ. — «А развѣ,» сказалъ Графъ, «плачевную пвою мешаморфозу не лзя замѣнить другимъ чѣмъ?»—«Чѣмъ?» спросилъ я.—«Я воображаю,» сказалъ Графъ, «что пакое сущесиво, въ по самое время своего совершенсва, когда оно, пакъ сказашь, споишь на межѣ Природы и Искуссва, дѣлаешся добычею смерши! Въ пакомъ случаѣ, образъ его, какъ идеаль красопы, будешъ вѣчно жить въ сердцѣ и фанпазіи видѣвшихъ его.»—«Въ пакомъ случаѣ,» сказалъ я, «горе, прикрасны горе пому, кпо, вступишь въ сферу сего сущессва, преисполнилъ душу свою сладчайшими ощущеніями блаженсва, которому бы и боги завидовали.» — Графъ, опусишь по-

пихоньку полошно, закрыль опяль каршину. Изъ фанпазій его во время болъзни, изъ жара, съ какииь онъ принялся за кисти, чшобы одушевишь полошно сею карпиною, изъ меланхолии и грусти, съ какою онъ разсмапривалъ собсшвенное свое, испинно удивительное произведеііе, я съ душевнымъ прискорбіемъ замъшилъ, чшо гнъздилась въ его головъ па мысль, чшо сіе сущесшво, порожденное его разгоряченнымъ воображеніемъ, должно сущесшвовашъ въ мірѣ, и съ нимъ когда нибудь соединишься. Но я молчалъ, боясь, воспоминаніемъ прошедшаго, распревожишь его воображеніе; не могъ ръшишься сказашь ему и того, чшо пошъ спранный человекъ съ нимъ еще увидишься; шъмъ болъе, чшо Графъ самъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Любезный Вольдемаръ! Въ воображеніи моемъ лежатъ, пакъ сказашь, обломки какаго-шо спранныаго и спрашнааго произшесшвіа, изъ коихъ я щщепно усиливаюсь соспавишь нъчшо цълое. Я не помню, было ли оно на яву до моей болъзни, или только въ хаосическомъ смяшеніи каршинъ распаленнааго горячкою воображенія; но я прошу себя, ни когда не упоминашь мнѣ о помъ, чшо со мною было; не считаю нужнымъ, чшобы и другіе про шо знали. А какъ дъла мои на сихъ дняхъ приведены будущъ къ успъшному окончанію, шо поспрудись все изгошовишь въ дорогу. Надъюсь, дня черезъ

при, или чепыре, бытъ на возвращномъ пути домой.»—Принявъ сіе приказаніе, я поспѣшилъ къ Барону Мессингеру, котораго я до сихъ поръ къ Графу не допускалъ, и просилъ его, чтобы онъ при прощаніи съ Графомъ опшнудь не упоминалъ о прошедшемъ. Баронъ далъ и сдержалъ слово. Происшествіе было для всѣхъ шайною. Человѣку, видѣвшему эту сцену, я тогда же, по возвращеніи домой, сомкнулъ уста, увѣривъ его, что мерзвецъ, котораго онъ видѣлъ, объявилъ, что кто про него болшашь будешь, подвергнешся ужасному наказанію, и совѣщавалъ ему бытъ оппорожненнымъ. Человѣкъ радовался, что еще не успѣлъ ни кому о томъ разказаць. Баронъ молчалъ, или приведенный въ недоумѣніе, или боясь компрометировать свой здравый разумъ. Я видѣнному ни вѣрилъ, ни не вѣрилъ; предсказаніе, сдѣланное Барону, не выходило у меня изъ памяти, и съ неперпѣніемъ ожидаая назначеннаго срока, просилъ я одного пріятеля Баронова, и моего, извѣщаць меня по временамъ о Баронѣ. По окончаніи дѣла, для коего Графъ былъ посланъ, мы возвратились въ свое оппечество. Графъ, пользуясь совершеннымъ здоровьемемъ, сдѣлался по прежнему спокойнымъ и веселымъ; по временамъ только находилъ я его сидящимъ въ глубокой задумчивости предъ своею каршиною. Веселія и наслажденія, коимъ я по прежнему предавался, совершенно изгла-

дили изъ моей памяти то происшествіе. Но представьте себѣ, нѣжная Синьора Розалія, пошъ громовой ударъ, коимъ я пробужденъ былъ опъ усыпленія разноцвѣтной усладительной жизни, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего отъѣзда въ Италію, я получилъ письмо, извѣщавшее меня, что Баронъ Мессингеръ лишился ума.»

«Праведный Боже!» воскликнула Синьора Розалія, сплеснувъ руками. «И пакъ судъ Твой совершился! Нечестивецъ Тобою взысканъ!» — «Какъ!» сказала Джіакомо, «вы знаете Барона Мессингера?» — «Знаю,» отвѣчала она. «Но прошу васъ продолжайте. Узнавши, что Баронъ Мессингеръ, знакомое вамъ лицо, собеспвенныя мои выгоды преребуютъ, чшобъ я вамъ рассказала преспуленія сего изверга. Но теперь прошу продолжайте вашъ разсказъ.»

Джіакомо продолжалъ пакъ: «Я вамъ, прелестная Синьора Розалія, уже сказалъ, что узелъ драмы, копорую Графу надобно разыграть, завязался въ Венеціи. Въ прелестныхъ окрестностяхъ сего города, копорыя вамъ, Синьора, знакомы, въ шести миляхъ отъ города находилась дача, копорая живописнымъ своимъ положеніемъ привлекаетъ взоры любительей Природы, изяществомъ и пышностью дворца и другихъ спроенній напоминаетъ, что служилъ мѣстопреребываніемъ челоуку знашному, богашому, образо-

ванному. Утро было восхитительное, когда Лоренцо, пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего слуги, несшаго за нимъ поршфель и ящикъ, приближался къ сему дворцу, коего обладалъ оный былъ приглашенъ. Чистое и ясное небо, благораспоренный воздухъ, разнovidная природа имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на Лоренцо; сердце его преисполняется живѣйшихъ ощущеній, воображеніе его пылаетъ, всѣ силы душевныя быстро развиваются, онъ погружается въ какое-то мечтательное упоеніе, и тогда бесѣда его открываетъ несмѣнныя сокровища мыслей, и рѣчь его, спаяваясь живѣйшимъ изображеніемъ его идей, изливается быстрѣе потокомъ, увлекаетъ за собою удивленнаго слушателя. Но со всплуненіемъ его въ кабинетъ Графа Пизани сіе расположеніе духа исчезло. Лоренцо началъ озираться и впередъ испытующій взоръ на Графа, который, въ свою очередь, удивлялся, видя предъ собою человека, неподвижно стоящаго и озирающагося, подобно шѣмъ, кои, пробудившись оный живѣйшаго сновидѣнія, и не зная проснулись ли они, или еще во снѣ, усиливаются припомнить, гдѣ находятся. Приписавъ это однакожъ, по самолюбію человѣческому, особенно сильному въ высшихъ званіяхъ, дѣйствію высокаго своего сана, величественности своего вида, и блеска его окружающаго, Графъ

вспаль съ важностью , и , подошедъ къ Лоренцо , сказалъ : « слава вашей гиспи возбудила во мнѣ желаніе съ вами лично познакомиться . Но я вижу , что вы не со всѣмъ здоровы , и сожалѣю , что вы принудили себѣ немедленно послѣдовать моему приглашенію . »

Лоренцо , опомнившись послѣ сихъ словъ , отвѣчалъ : « извините , Графъ ! Бываютъ случаи въ жизни человѣческой , которыхъ умъ никакъ не можетъ постигнуть , и кои по сей самой причинѣ приводятъ насъ въ замѣшательство . Я теперь нахожусь въ подобномъ случаѣ . Увѣренъ будучи , что я въ первый разъ стою на семь мѣсѣвъ , я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ , что я уже видѣлъ и сей самый кабинетъ и предшодщаго мнѣ Графа ; но щещино усиливаюсь припомнить , гдѣ и когда ? Это меня приводитъ въ недоумѣніе . Прошу васъ , Графъ , меня извинить , и располагать моею готовностью къ услугамъ вашимъ . »

« Это дѣйствительно странно ! » сказалъ Графъ . « Я васъ въ первый разъ вижу ; я знаю , что вы никогда въ семь кабинетъ не бывали ; и вы его видѣли ! Если вы въ первый разъ въ Венеціи , то вы меня также нигдѣ не видали , развѣ лишь двадцать шесту назадъ , во время моего путешествія по Европѣ , въ одномъ изъ сполчныхъ городовъ оной ; но и это дѣло невозможное ; попому

что тогда вы еще были малолѣтны. А съ шѣхъ поръ я изъ Венеціи не выѣзжалъ, развѣ только на свою дачу, а изъ дачи въ Венецію. Но оставимъ эту задачу, прибавилъ Графъ. Не спойшь, можешь быть, пруда ее разгадывать. Искусиво, въ которомъ вы столько опличаешься, будетъ конечно пріятнѣйшимъ для бесѣды нашей предметомъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что вы, Синьоръ, опличаешься въ портретной живописи.»

«Я ею занимаюсь, но ее не люблю,» отвѣчалъ Лоренцо. «Портретная живопись собственно не есть искусство, Графъ; по крайней мѣрѣ, не искусство въ высшемъ смыслѣ.»

«Это сколько противорѣчитъ моимъ понятіямъ,» сказалъ Графъ, «что вы безъ сомнѣнія меня много обожаете, Синьоръ, если не скроете отъ меня причинъ, на коихъ основывается ваше мнѣніе.»

«Портретная живопись,» отвѣчалъ Лоренцо, «есть подражаніе Природѣ, исключющее творческую силу фантазіи. Въ портретахъ уважаютъ обыкновенно нѣжную кисть — это мастерство; и разительное сходство, — и это мастерство, а не искусство; точно такъ, какъ сдѣлать *fac simile* какого нибудь почерка, не есть искусство, а мастерство. Въ сеансѣ живописецъ имѣетъ предъ собою или лицо безобразное, или лицо обыкновен-

ное, незначительное, или лицо прелестное. Въ первомъ случаѣ положеніе его весьма неприятно, и пѣмъ неприятнѣе, что ожидающъ оныя него, чтобы оныя, сохранилъ сходство, искусно скрываетъ недоспадки природы; между пѣмъ, какъ оныя одною чертою желалъ бы возвысить безобразіе до идеала въ своемъ родѣ и пѣмъ доставивъ нѣкоторое удовольствіе и занятіе своему воображенію. Во второмъ случаѣ положеніе его еще хуже; ибо ничтожность какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, проотивна; угодливый хочеть льстивыя, п. е. изъ сферы ничтожности вывеситъ въ высшую сферу значительности, и дѣлаешя лжецомъ, покинувшимъ дѣйствительность и не переселившимся въ область идеаловъ, висящимъ, такъ сказать, между небомъ и землею. Въ третьемъ случаѣ, который весьма рѣдко встрѣчается, перебующъ наиболѣе точности, полагая, что Природа превзошла Искусство, и что довольно славы для Искусства, если оно въ точности повторитъ Природу. Все же, что не изъ творческой силы фантазіи произтекаетъ, есть мастерство, но не Искусство.»

«Я съ вами въ томъ согласенъ, Синьоръ,» отвѣчалъ Графъ. «Но вы поставили поририетиспа на низкую степень кописта. Поририетиспа свою задачу еще не рѣшилъ, когда оныя сдѣлалъ *fac simile*: п. е. когда оныя

перенесъ на холстину только наружность лица. Кажется, Синьоръ, потребно, чтобы въ лицѣ видна была и душа.»

«Эпо доказываетъ только доброту вашего сердца, Графъ,» сказалъ Лоренцо, «если вы думаете, что всякое лицо, сидящее предъ живописцемъ, оживлено душою. Только въ лицѣ того человѣка, который живетъ въ мѣрѣ идеальномъ, видна душа, видна не только въ глазахъ, но и во всемъ складѣ лица его. Таковыхъ смертныхъ не много; всѣ же прочіе спятъ, пьютъ, ѣдятъ, производятъ на свѣтъ дѣшей, и оканчиваютъ свое поприще, какъ начали, бывши во всю жизнь свою машиною; а въ машинахъ, согласись, Графъ, души быть не можетъ.»

«Спало быть,» сказалъ Графъ, «рѣшительный вашъ приговоръ, что порочная живопись есть только масперство, допускаетъ ограниченіе.»

«Допускаетъ, Графъ,» отвѣчалъ Лоренцо. «Она можетъ быть и Искусствомъ въ высшемъ смыслѣ, а именно, коль скоро она избираетъ предметы изъ области исторической, или изображая лица неисторическія, избираетъ моменты значительный. Но у многихъ во всей жизни не случается ни одного такого момента. Жизнь ихъ не есть удивительная разнообразная пикантъ, но предлинная нищъ, наводящая длиною своею скуку и

испреляющаю всю жизнь въ лицѣ. А тѣ, кои имѣютъ въ жизни своей такіе моменты, въ кошорыхъ вся сила души ихъ изображалась на лицѣ, не открываютъ сей тайны живописцу, а довольствуются тѣмъ, что бы онъ ихъ изобразилъ сидящими въ креслахъ и тому подобное, однимъ словомъ, въ совершенномъ покоѣ, въ кошоромъ душа скрывается подъ безцвѣтнымъ покрываломъ скуки. Высшее пребуется опъ портретиста, избирающаго предметы свои изъ области исторической. Тутъ предстоитъ живописцу труднѣйшая задача, сочетать видимое съ невидимымъ, данное съ искомымъ, въ свойственности буквы, смысла и духа. Смотря на портретъ великаго государя, великаго полководца, великаго мыслителя и пр., мы ищемъ въ чертахъ его, такъ сказать, доказательствъ его величія, и портретистъ, перенесшій на холстину со всею точностью наружность его лица, конечно не рѣшилъ еще своей задачи. Портретъ такого лица долженъ быть тѣмъ, къ кошорой вся жизнь его есть комментарий. Сего портретистъ иначе достигнуть не можетъ, какъ посредствомъ творческой силы фантазіи, создавъ не идеаль, но лице, принадлежащее къ области идеальной съ самоспопелною индивидуальностью. Тогда только портретистъ спановится живописцемъ, и написанное имъ

изображеніе переспаеть бышь произведеніемъ масперспва, являешся швореніемъ Искуспва. — Но позволше, Графъ, еще разъ предложшпъ мою гоповносшь къ услугамъ вашшгъ.»

«Послъ сего, что вами сказано, не знаю,» сказала Графъ, «могу ли вамъ предложшпъ писатъ портретъ лица нешпорическаго. Но если вы согласны со мною, что бывающъ и нешпорическія лица съ возвышеннымъ образомъ мыслей и чувспвованій, и если опцу просшпшельно желаніе имѣшь портреты своихъ дѣшей, съ копорыми, можешъ бышь, скоро разспанешся; шо я просилъ бы васъ написатъ портретъ единспвенной моей дочери.»

«Графъ!» отвѣчалъ Лоренцо, «еслибъ живописцы хошѣли и на практикѣ держашься своихъ умозрѣній, шо конечно они имѣли бы много празднаго времени; впрочемъ нѣшь правилъ безъ исключенія. Позволше вамъ еще разъ предложшпъ мои услуги.»

«Графъ Пизани, немогшій согласовашь величавосшь и гордосшь Графа Кольмара съ живописцемъ Лоренцо, пришелъ въ нѣкопоре замѣщательствво, и молчалъ, ненашедшсь шощчасъ, что сказано.»

«Въ сію минушу безмолвія опворилась боковая дверь. — Неумѣшно было бы, Синьора

Розалія, описывавъ вамъ красоту и прелесть вошедшей юной Жозефины, и не доспало бы у меня искусства въ словахъ, какъ въ зеркаль, показавъ вамъ ея образъ. Пусть собственное ваше воображеніе создастъ существо, въ которомъ непоспизимымъ образомъ сливается въ одну магическую силу все, что сердце преисполняетъ блаженствомъ, что въ чувствѣ вливаетъ чистѣйшую сладость, что оковываетъ умъ, или даетъ ему высшее спремленіе, что воображенію кажется мечпою идеальнаго міра. Вы, безъ сомнѣнія, теперь полагаете, что Лоренцо, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ. Правда! Лоренцо чувствовалъ, что земля подъ нимъ колеблется, исчезаетъ; но на блѣдномъ его лицѣ выражалось не восхищеніе, а страхъ и ужасъ! Ухватясь за спудъ, возлѣ него споявшій, онъ едва могъ сказать: «Графъ! я нездоровъ,» — Графъ, сдѣлавъ дочери знакъ удалиться, посадилъ Лоренца въ кресла, и позвонивъ, приказалъ вошедшимъ людямъ опвесити Лоренца въ назначенныя для него комнаты, сказавъ ему: Вамъ нуженъ покой, Синьоръ! Вы, безъ сомнѣнія, сами желаете удалиться. Лоренцо подаль головою знакъ согласія. Его опвели. Жозефина, уходя, остановилась въ дверяхъ, и долго смотрѣла на Лоренца, чего однако же занятый имъ отецъ незамѣнилъ.»

«Какъ прискакалъ за мною въ Венецію: «Maestro Lorenzo очень нездоровъ! Приказалъ васъ немедленно просить къ себѣ.» — Я приѣхалъ туда, когда день уже склонился къ вечеру. Лоренцо ходилъ въ задумчивости по комнатѣ. — «Вы нездоровы, Лоренцо? что съ вами случилось?» спросилъ я. — «Былъ нездоровъ,» отвѣчалъ онъ, «теперь мнѣ лучше, и когда съ побою объяснюсь, то, думаю, совсѣмъ буду здоровъ. Садись, Діаконо, и выслушай меня. Помнишь ли ты, продолжалъ онъ, то время, когда мы, за два года до кончины моего родителя, находились на Сѣверѣ? помнишь ли, чинъ съ нами вѣспрѣ-шилось, когда мы возвращались съ бала съ Барономъ Мессингеромъ домой?» — «Помню,» отвѣчалъ я, «но не охотно вспоминаю.» — Онъ продолжалъ: «по происшествіи кончилось для меня тяжкою болѣзью; и съ тѣхъ поръ оно покоилось въ глубинѣ души моей, превожа меня по временамъ, какъ нѣчто невѣдомое. Сегодня со вспуленіемъ въ кабинетъ Графа Пизани, оно начало постепенно выплывать и развиваться, и съ появленіемъ Жозефины спояло со всѣми подробностями и во всей ясности предъ моимъ воображеніемъ. Кабинетъ Графскій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, самаго Графа, и наконецъ дочь его, Жозефину, я видѣлъ — въ зеркалѣ спрашнаго незнакомца. Мнѣ предлагаютъ пи-

самъ ея портретъ , а портретъ ея уже давно написанъ! Она та самая, которую я видѣлъ въ зеркалѣ, та самая которую воображеніе мое съ непоспорижимою ясностью произвело во время болѣзни, та самая которую кисть произвела на холстѣ.» — «Какъ!» воскликнулъ я удивленный. — «Точно такъ, какъ я тебѣ говорю,» продолжалъ Графъ. «Скажу еще болѣе: Она та самая, которая наполнила собою мое сердце и всѣ мои помышленія.»

«Я до того удивленъ, Графъ!» сказалъ я, «что и не знаю что думать.»

«Ни свое, ни мое удивленіе, не объясняютъ намъ сего непостижимаго событія. Можетъ быть, время все открывающее, обнаружитъ и эту тайну. Въ догадкахъ и соображеніяхъ перьясья я не намѣренъ; но очень не худо было бы открыть того спростаго незнакомца, и я прошу тебя, Джіакомо, ничего не упускашь изъ вниманія, и если хоть малѣйшій покажется слѣдъ къ открытію его, поспѣшь мнѣ о томъ сказать.»

«Графъ!» сказалъ я ему. «Торопиться, кажется, не нужно. Я имѣю отъ него къ вамъ порученіе.»

«Какъ!» воскликнулъ Графъ. «Такъ ты съ нимъ видѣлся? гдѣ? когда?»

«Тамъ же и тогда же,» отвѣчалъ я, «когда и вы съ нимъ видѣлись. Вспомните, что вы послѣ того, что онъ вамъ показывалъ въ

спальномъ листѣ, бѣжали изъ избы; Баронъ же и я, мы принуждены были оспаться на мѣсахъ, не имѣвъ силы вспашь. И тогда онъ миѣ сказалъ: скажи ты Графу, что я съ нимъ еще увижусь! — «Слѣдовательно,» сказалъ Графъ, «этого незнакомецъ принадлежитъ къ живымъ; и опъ него можно будетъ поспребовать объясненія.» — «Графъ! опвѣчалъ я, «вы знаете, сколь мало я вѣрю въ привидѣнія и духовъ, пошому что не могу поспигнуть возможности оныхъ; не это происшествіе споль спранно, по крайней мѣрѣ, предвѣдніе незнакомца сполько меня поразило, что, не соглашаясь счиная его за пришельца изъ другаго міра, не могу также согласиться и полагая его въ числѣ живыхъ. Онъ зналъ мои мысли, онъ показалъ вамъ шѣ лица, между кошорыми вы теперь находитесь, онъ сдѣлалъ предсказаніе, кошорое исполнилось.» — «Какое?» спросилъ Графъ. — «Баронъ Мессингеръ, кошорому предсказано было, что онъ изъ міра порядка увидеть въ хаосѣ смѣшенія — дѣйствительно лишился ума.» — Графъ смолрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — «Я получилъ извѣстіе о томъ,» продолжалъ я, «не за долго до нашего опгѣзда въ Испанію и не сообщалъ вамъ его, боясь вспревожить ваше воображеніе.»

«Какъ бы по ни было,» сказалъ Графъ послѣ нѣкошораго молчанія, «кшо бы онъ ни

былъ, кажется, я не долженъ его считатьъ врагомъ. Одно только меня смущаетъ и превожитъ — двусмысленность его оракула! Ибо я видѣлъ и Жозефину, подающую мнѣ съ ангельскою улыбкою прелеснаго младенца, и себѣ — казнаго на лобномъ мѣстѣ съ Бакаловичемъ и Шельдиньгъ. Впрочемъ, не постигая какими бы нунями, мною избираемыми, я могъ дойти до споль почешнаго мѣста, я предоспаляю все времени, завязывающему и развязывающему узлы.»

* * ъ.

НЕДОСОЗДАНИЕ.

*Вотще онъ стонетъ изступленный ;
Ему не внемлетъ Фебъ скупой :
И гибнетъ мѣръ новорожденный
Въ еруди безсиловой и нбмой.*

Х о м я к о в ъ .

Есть существа , рожденныя съ чувствомъ Поэзіи , съ воображеніемъ живымъ и шворлящимъ , съ обиліемъ идей , — и при всѣхъ сихъ стихіяхъ Поэпа безмолвствующія не изъ скромности , не отъ лѣни , или скупаго эгоизма. Нѣтъ! онѣ болѣютъ своею шворческою полношю , онѣ мучатся внушренимъ своимъ плодородіемъ ; но не могутъ ничего произвести. Созданія свѣжія , прелестныя , возвышенныя , зараждаются въ душѣ ихъ , и умираютъ зародышами до появленія на свѣтъ. Имъ недостаетъ дуновения жизни , воплощенія въ формы ошущительныя.

Человѣкъ , надѣленный симъ внушренимъ шворческимъ , чувствуешь необходимость

облечь свои мечпы въ живое слово , хочеть бышь Поэзомъ. Передъ нимъ мелькають слова огненные , окриленные , возносящіяся надъ плѣніемъ земнымъ , могущія пережить вѣки и годовыя пролишья пламенною спру-ею въ души современниковъ и попомсхва. Онъ ловишь ихъ съ напряженнымъ усилиемъ , но они ускользають опъ него , какъ рѣзвая бабочка опъ руки младенца ; и если удастся ему поймать изъ нихъ хопя нѣсколько , шо онъ , упранивъ прежнюю свою прелеснь и свѣжеснь въ изнурищельной бишвѣ , упрямо ложашся подъ перомъ его , не у мѣспа , безъ блеска , безъ единсхва , безъ связи , вальми и безжизненными.] Спихъ его , копорый до словесной своей оболочки казался ему чистымъ , звучнымъ , сладоспнымъ , шеперь является слабымъ , грубымъ , шероховапымъ , и дикимъ ревомъ ондаешся въ слухъ самого Поэпа-пруженика. Въ жару негодованія , онъ предаешъ огню недосозданныхъ своихъ первенцевъ , и спыдился собсхваенной чловѣческой немощи передъ своею силою духовною.

Онъ хочеть бышь живописцемъ , оспановишь живошворною кистью на полопинѣ быспрый полешъ своей фанпазіи. Условія искусхва ему извѣсны : онъ изучалъ ихъ по образцамъ вѣковымъ , самобышнымъ. Мысленный взоръ его видишь надъ собою черпы свѣшлыя , плѣнищельныя , опраженіе небесна-

го на землѣ; онѣ проникнуты ярко-блещущими красками радуги; жизнь, какъ въ зеркалѣ, освѣчивается въ нихъ; но жизнь высшая, идеальная. Онѣ вскакиваютъ въ во-споргѣ, спѣшивъ набросать ихъ на полотно; но сіи черты, за минушу споль совершенныя, споль ясныя, споль полныя, выказываются изъ-подъ его кисти разрозненными, несвязными и мушными. Прошла минуша вдохновенія; представленіе споль живое испарилось изъ воображенія Художника; и щещно онѣ силился собрать воедино сіи разбросанныя черты: изъ нихъ никогда не выйдешь прекраснаго цѣлаго... Неблагодарная кисть покрываетъ слоями одной краски сей шрудъ неблагодарный.

Но есть еще возможность осуществитъ свои созданія, есть еще средство Художнику дѣйствовать быспро и сильно на сердца и души: онѣ хочеть быть музыкантомъ. Цѣлый міръ звуковъ зыблется надъ нимъ, вѣснается въ его душу и рвется вылиться изъ нея свѣплой, очаровательною рѣкою сладкогласія. Онѣ слышитъ гармонію небесъ; самыя дивныя созвучія опшываются въ ушахъ его и сливаются въ одно спройное цѣлое.... О! поспѣшай, поспѣшай схватишь ихъ и водворишь въ своемъ произведеніи по законамъ гармоніи!... Поздно! онѣ положилъ ихъ на ноты, ударилъ пальцами по струнамъ — и

самъ изумился разногласію созданія съ произведеніемъ. Звуки сладостныя, лелѣющіе слухъ и достигающіе до сердець, ослѣпѣли въ эфирную свою опчизну; оспались пошлю неспройныя, ревушіе аккорды, раздирающіе слухъ своею жесткостью, либо пронзительнѣе выгъ визгомъ. Или, если они и подчинены правиламъ, подведены подъ ладъ и единство; но уже утратили первобышнюю новостъ и своеобразностъ, и сдѣлались упоминательными для слушающаго, слабо напоминая ему нѣчто знакомое и лучшее. Художникъ-Иксіонъ клянетъ свою лживую Юнону-фантазію, обольстительный призракъ безъ осязанія и сущности, и шорохиса испребишь земную невѣрную тѣнь ея.

/ Обманушій въ своихъ начинаніяхъ, не довѣряя болѣе своимъ мечтамъ, онъ снѣшишь уединишь въ самого себя. Тамъ міръ свѣшлый и шворящій, міръ идеаловъ и мыслей, всегда новый, всегда юный, всегда заманчивый ошань объемлетъ его и заснавлаетъ утѣшишь въ неудачахъ. Тамъ созданія, образы, звуки, цвѣша, попеременно и спройно услаждающъ его чувства духовныя. Но сей міръ не даетъ душѣ покоя: онъ шераептъ, шомишь ее, поминуюшно приводя въ болѣзненныя сопрясенія, подобно избытку крови въ здоровомъ шѣлѣ; онъ просишь жизни, просишь воплощенія въ сущешвенностъ....

Онъ пересиливаетъ и страхъ, и досаду, и недовѣрчивость своей жершвы, — и новыя попытки ея соспавляютъ шолько цѣпь новыхъ, убійственныхъ разочарованій....

Пусть объяснятъ намъ Физиологи причину сего страннаго недосозданія; пусть они докажутъ намъ: отъ чего воображеніе пылокое, богатство мыслей, короче, всё стихіи Поэза, какъ мы уже сказали выше, бываютъ еще недостапочно для художественной производительности? Мы видимъ явленія сего загадочнаго раздора двухъ силъ: внутренней и внешней, подозрѣваемъ его дѣйствія; но причина его еще сокрыта отъ насъ завѣсою непроницаемой. Лафатеры, Галли, Аллберы! вы должны рѣшить сію задачу.

О. Сомовъ.

ГРИГОРІЙ СВИРИДОВ
Український Філософ

[И. Срезневский].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

о

СТАРЦЪ ГРИГОРІЙ СКОВОРОДЪ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

Григорій Скворода родился 1726 года
умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

«Судьба захопѣла бытъ Сквородѣ мачихой.» — Такъ выразился однажды одинъ изъ неприхотливыхъ почипапелей памяти сего необыкновеннаго чловѣка, философа или богумудра, какъ называли его сограждане, спарца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему опроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ эшой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ эшой ранней поры, поспавивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставляла его

пріучається сносити равнодушно всѣ непріятности и угнѣтенія, и наконецъ взлѣбляя въ немъ по хладнокровіе наблюдателя, шу независимость въ образѣ мыслей, шу странную причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ шу постоянную охоту учиться познанію свѣта, спранспивуя, и вѣчно учисься и вѣчно спранспивовать, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно противно его сложенію, его природнымъ склонностямъ.

Скозорода ошъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и соспрадательное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ шакому состоянію одиночества, — и сердце его должно было простишься съ нѣжными чувствами, поднасть подъ иго меланхоліи, и загрузьшь, а недовѣрчивость, воскормленна опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство опчужденія ошъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питанъ оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родиться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственною любовью, дытанъ и дѣлится родственнымъ доврѣемъ.

Умъ Сквороды шель пою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжельль, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну миссицизма. Припомъ вспомнимъ время, когда жилъ Скворода: миссики или квиетисты разыгривались погда повсюду въ Германіи, — Скворода побывалъ въ эпой шпранѣ, и навсегда сохранилъ предпоченіе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, отъ чего Скворода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не гуродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ миссицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобразный, себялюбивый, гордый—признакъ необходимый ума степеннаго, — въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Скворода могъ по справедливости заслужить это названіе. Онъ жилъ самъ собою, — это всякому покажется чуднымъ.

Скворода жилъ самъ собою, удаляясь всегда отъ людей какъ отъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Еспиеисвоиспытатель хищныхъ звѣрей; это правда; но пѣтъ не менѣе онъ желалъ блага человѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можеть быть, потому, что боялся. — Это видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не одинъ только нравоученія, но часто и жесточайшія сатиры на пороки — и чаще послѣднія. Эпопѣя духъ сатиризма — самая разительная черта его характера. Онъ вездѣ находилъ, или лучше сказать, вездѣ старался найдти худую сторону, — и это самое всегда унижало его благородное стремленіе къ пользѣ общей. Но — человекъ неволенъ самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его пороки, и спранны, и образъ мыслей, все въ немъ часто зависить отъ обстоятельствъ, все въ немъ такъ шапко, такъ переходчиво! Обстоятельства.... надобно имѣть слишкомъ твердый, слишкомъ самоспопелный духъ, чтобы быть въ состояніи проивустоять ихъ власти. Могъ ли Сковорода мыслить иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ взглядомъ смотрѣть на все, его окружающее! Его жизнь — вопль гдѣ должно искать основанія всей его философіи, его холоднаго мистицизма, любившаго ушъшаться ироническими взглядами на самое возвышенное въ природѣ человеческой; жизнь — сѣвленіе бѣдствій и угнетеній. И Руссо винилъ человечество, и Руссо глядѣлъ на него такими же глазами. Причины были нѣ же. Вспомни что говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: — «Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго опиумомъ, сонъ спрашный, — и голова

болѣе онь него, и сердце спынеть! Чю жизнь! То спрансвѣе. Прокладываю себѣ дорогу, не зная, куда иди, зачѣмъ иди,— и всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными ушесами, а буря надъ головою, и негдѣ укрышья онь нег. Но бодрствуй! не предавайся ошчаянію. Оно смерпный грѣхъ.» — И Скворода дѣйствительно провель всю жизнь свою, какъ спрансвѣе, — какъ будто осущесвляя мечту своего воображенія, а лучшіе годы своей жизни рѣшишельно путешествовалъ, исходилъ всю Германію, Венгрію, Италію, Грецію, Россію, и возвратился на родину, чю бы снова блуждалъ по оной. Даже въ старости своей, онь не могъ надолго успокоишья на одномъ мѣстѣ.

Первое изъ его нравоучительныхъ сочиненій было: *Нагальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Скворода тогда только чю возвратился изъ-за границы. Будучи проникнушь новымъ ученіемъ, онь желалъ распространишь его и на своей родинѣ. Бѣднѣй спранникъ, въ рубищѣ, являешя онь въ Харьковъ, и опредѣляешя Учителемъ въ Коллегіумъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчии. Ему препоручили преподаваніе Богословія. Въ предварительной проповѣди онь высказалъ нѣкошо-

рые мысли свои, — и напугалъ непросвѣщен-
ныхъ своихъ поварищей. И въ самомъ дѣлѣ,
могли ли они не быть поражены такимъ
громкимъ вспуленіемъ. Выписываю оное сло-
во въ слово: — «Убуждшеса, видѣша славу
Его! Весь міръ спитъ: да еще не такъ
спитъ, како сказано, аще упадешъ—не раз-
бѣтсѣя.... спитъ глубоко, пропянувшись,
будно ушибенъ опъ нея. А наставники, па-
суція Израіля, не только не пробуживають,
но еще поглаживають, глаголюще: спи, не-
бойсь, мѣсно хорошее, чего опасаться!
Миръ! — И нѣсть мира!» —

Воленіе было готово; но это было толь-
ко начало, и скоро все зашихло.— Сковорода
началъ свои уроки, написалъ вышепомянутое
сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, опдалъ
рукопись, — и тогда-то буря возспала на
него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ.
Духовенство съ жадностію читало ея; но
какъ нѣкоторые въ ней мѣсна найдены со-
мнительными: то Сковороду осудили на отр-
ѣшеніе опъ должности. Конечно, въ семь
случаѣ дѣйствовала болѣе зависть, но какъ
бы то ни было, невѣжество было для нея
очень досажательною подпорой, и оно-то все-
го болѣе оскорбило Сковороду. Назначены
были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ
съ самой дурной стороны, все исполмовано
въ смыслъ превращномъ; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ тайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе оспадось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я расскажу содержаніе сего сочиненія, столь дорого споевшаго сочинителю. — Оно состоить изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и тѣломъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ счастье, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключение: — Желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, необрѣвши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы сбылося оное Исаино: будущъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здасель оградъ, и спези твои посреди упокоили, — сего желаетъ тебѣ Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человекомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспаляющій сердце волею Божіей, и потому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть по же, что у плодовъ лисны. Но если въ человѣкѣ она соспоинтъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда оспается одинъ обманъ лицемерія, и человѣкъ спановишся раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мерсваго. Обрядъ же — все то, что можешъ исполнятъ и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О спрасняхъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Эпо сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славы и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Спрогая добродѣтель и примѣрныя правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то пошому, что здѣсь спрадало его себялюбіе: онъ не могъ равнодушно сносишь, чтобъ унижали его умъ, его мысли; но опинюдъ не чесполюбіе; по

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу : онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ ; кромѣ Славянскаго церковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сквородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселился онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь къшаши сказашъ о его безкорыстіи. Онъ могъ бы сославить себѣ подарками порядочное состояніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря ; дайше немущему, и самъ довольствовался только сѣрою свиной, которая была обыкновенною его одеждой. Эта сѣрая свинья, чтобы прозапасъ, и нѣсколько свинсковъ сочиненій, — вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши спранствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя своими неразлучными спутниками : палкой-журавлемъ и флейпой. И то и другое было собственнаго его рукодѣля.

Мнѣ кажется очень страннымъ, какъ Скворода миспикъ и шакой холодный, пасмур-

ный миссикъ, могъ любить музыку, — и между пѣть музыка была его единственнѣмъ удовольствіемъ. Или это привычка дѣтсва? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ отца своего — *сопилкою*. Тамъ, одѣвшись въ юфтиевое платье, онъ отправлялся съ раниго упря въ рошу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говоришь народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенствовалъ онъ инструментъ свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвучихъ, — эти поднебесные спранники были первыми его учителями искусства мусикійскаго. Въ послѣдствіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, тамъ замѣтили его прекрасный звучный голосъ, замѣтили его умѣнье управлять имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ своимъ удивительные успѣхи, что былъ потребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находился около двухъ лѣтъ. Находясь тамъ, онъ сложилъ песнь для духовной пѣсни: *Иже Херувими*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквяхъ на Украинѣ (*).

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ сбѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церквямъ для

содѣлались постояннымъ занятіемъ Сквороды. Онъ не оставялъ ихъ и въ спаросии. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного спаричка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, просподушныхъ спариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Скворода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ *grito*, и за слабостію голоса, выпягивалъ прудные *Solo* на своей флейтѣ — такъ называлъ Скворода *сопилку*, имъ усовершенствованную. Впрочемъ Скворода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и сурезность. Флейна была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сквороды, — и переходилъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальные фанпазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Скворода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразіи въ Церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Скворода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Капона Пасхи: *Воскресеніа день* и проч., вылъ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго увѣлаго, прмолейнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сквородинъ*.

Примѣч. Г. О. К — и.

шакихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый спарець, онъ былъ однако заспѣчивъ, и не могъ перѣшь, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ спановился самъ не свой; онъ шерлся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣшь его и разливался въ привѣспвіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, спарика, любимаго Сквородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной спариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали спарики рассказы и нравоученія спарца, которій, выпивши на эпошъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хопя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прощель часъ, и другой, и ничшо не мѣшало воспѣргу раскасчика и слушашелей. Скворода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лотова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей миспической философи. Къ сожалѣнію, не могу предспавить вамъ ни одного опривка изъ онаго, ибо не имѣю шеперь его подъ руками. Скворода расказаль уже очеркъ; начинающа подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ разпворяется, половники хлопающъ, — и молодой Х — ь, франшъ, не давно изъ столицы,

вбѣгаетъ въ комнату. Скворода при появ-
 леніи сего новаго незнакомаго и споль ему
 чуждаго лица, умолкъ внезапно, будио оглу-
 шенный ударомъ грома. — «И пакъ, воскли-
 цаешъ X — ь: я наконецъ достигъ того сча-
 стія, котораго споль долго и напрасно жаж-
 даль. Я вижу наконецъ великаго соощече-
 ственника моего, Г. С. Сквороду! Позволь-
 те....» — и подходитъ къ Сквородѣ. Спарецъ нашъ вскакиваетъ, сами собою скла-
 дываются креспомъ на груди его коспля-
 выя руки; горькой улыбкой искривляется
 пощее лице его; черные впалые глаза скры-
 ваются за сѣдыми нависшими бровями, самъ
 онъ невольнo изгибаешся, будио желая по-
 клониться, и вдругъ прыжокъ, и пренеп-
 нымъ голосомъ: «Позвольте!... То-же поз-
 вольте!» и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ
 за нимъ, проситъ, умоляетъ — нѣтъ! —
 «Съ меня смѣются,» — говоритъ Скворо-
 да, — и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хо-
 тѣлъ видѣшь X — а. — Свиданіе Сквороды
 съ Вернепомъ, другимъ чудакомъ Украины,
 было инаково; но эшо пошому, чшо Скво-
 рода былъ наслышанъ о Вернепѣ, какъ о
 чловѣкѣ добромъ и просподушномъ. Скво-
 рода ожидалъ увидѣшь въ немъ чшо нибудь
 похожее на себя, шолько молодое, и ошибся,
 не могъ смолчать, и назвалъ Вернепа *жен-*
скимб башмакомб. Вошъ на чѣмъ основы-

ваеяся и несправедливостъ сужденій сего по-
слѣдняго о Сквородѣ. У всякаго есть свое
самолюбіе, своя лешь.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время
Скворода, не могу умолчать о порокѣ, въ
коемъ его порицають совершенно безъ вся-
каго основанія. Скворода былъ пьяница!
Вопш чшо говоришь клевета, и, въ под-
твержденіе словъ своихъ, избрѣшаешь и
печатшаешь письмо, будшо имъ писанное, во-
склицая: «боченочки, боченочки!» — По ска-
занію всѣхъ, знавшихъ лично Сквороду, онъ
почши вовсе не употреблялъ горячихъ на-
пишковъ, да едва ли кшо и говорилъ когда
этому прошивное, изключая Издашелей Укра-
инскаго Вѣспника (*). Скворода вообще
опличался особенною умѣренностію какъ въ

(*) Никшо, даже изъ зависшниковъ его, никогда не го-
ворилъ, чшо Скворода былъ пьяница, и Издашели Укра-
инскаго Вѣспника не ушверждали сего, а при случаѣ ука-
зали на прошиворѣчіе. Написавшій спашью о Сквородѣ
помѣщенную въ томъ Журналь, приложилъ письма его къ
Урюцину, въ коихъ Скворода, благодаря за присланые
ботеноски, осушивъ ихъ, возвращаешь и просить о на-
полненіи и присылкѣ снова; потомъ чрезъ нѣсколько
справидъ ушверждаешь, чшо онъ не употреблялъ горя-
чихъ напишковъ, шо при семъ случаѣ Издашели У. В.
напомнили только о содержаніи предшествовавшихъ пи-
семъ выраженіемъ: „А боченочки, боченочки?“ —

нищѣ, такъ и въ пищѣ. Онъ былъ насло-
щій постникъ. Припомъ, еслибъ онъ имѣлъ
порокъ, въ коемъ его обвиняють, то за-
служилъ-ли бы онъ въ народѣ то безпре-
дѣльное уваженіе, которое сохранилось и до-
сей. Народъ чтишь память добродѣтельнаго
старца, даже почитаетъ его за чловѣка
просвѣщеннаго духомъ Божиимъ.

Кто изъ Украинцовъ не знаетъ, по край-
ней мѣрѣ, не слыхалъ о *слѣпцяхъ*, т. е.
пѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровож-
деніи малютокъ, родныхъ или наемныхъ, хо-
дящъ изъ двора во дворъ и подъ окнами
напѣвають священныя пѣсни? Это Украин-
скіе рапсодисы. Большая часть пѣсней, кои
поются ими, суть сочиненія Сквороды.
Народъ называетъ пѣсни сіи *Псалмами*.
Думаю, что угожу любопытству нѣкопо-

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію сшашью о Ско-
вородѣ, въ семъ мѣстѣ прошиворѣчишь сказанному имъ
выше, что *Скворода, выпивши на этотъ разъ лишнюю
рюмку вина* и проч. Слѣдовательно, хотя Скворода и не
былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ
его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятель-
скихъ собраніяхъ, поддерживавъ и одушевлявъ бесѣды
употребленіемъ — не вина, котораго въ то время здѣсь,
кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было
слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятель-
скихъ.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

рыхъ, переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псалмовъ, которъй болѣе другихъ любимъ народомъ, и чаще другихъ поется *слѣпцами*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сквороды.

I.

Всякому городу правъ и правá;
 Всяка имѣешь свой умъ голова;
 Всякому сердцу своя естъ любовь;
 Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
 А мнѣ одно только нейдетъ съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи шреть;
 Федька купецъ при аршинѣ все лжеть;
 Тотъ спрощъ домъ свой на новый манерь;
 Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Тотъ непрестанно стяжаетъ грунта,
 Сей иностранцы заводитъ скоша,
 Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
 Сихъ шумитъ домъ ошъ госпей, какъ кабакъ.

А мнѣ — и проч.

IV.

Спроують на свой понъ Юриста права ;
 Съ диспушь Спудента перщитъ голова ;
 Тѣхъ беспокоишь Венеринъ Амуръ ;
 Всякую голову мучишь свой дуръ.

А миѣ — и проч.

V.

Смерти спрашна замашная коса !
 Ты не щадишь и Царска волоса ;
 Ты не глядишь , гдѣ мужикъ , а гдѣ Царь :
 Все жерешь пакъ , какъ солону пожаръ.

Кшожь на ея плюешь оспрую спаль ?

Томъ , чія совѣсть какъ чистый хрусталь !

Теперь , для показанія того , какъ скоро и какъ искусно измѣняются народомъ сочиненія , любезныя памяти его , перепису эту самую пѣсню изъ своего собранія народныхъ Украинскихъ пѣсень. Мимоходомъ замѣчу :— Если эша пѣсня , въ продолженіи какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣниться , ошойши ошь своего первоначальнаго вида , шо чпо подумаешь о нѣхъ народныхъ стихотвореніяхъ , кои сложены за три или чешыре вѣка до нашего времени ?

I.

Всякому городу правъ и права ;

Всяка имѣешь свой умъ голова ;

Всякому сердцу своя есть любовь ;

Всякому люду своей вкусъ хошь каковъ.

А мнѣ — и проч.

II.

Тотъ неперестанно спяжаетъ грунпа ;

Сей со всехъ націй заводитъ скопа ;

Ты дома строишь на новый манеръ ;

Деньги съ проценту — пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Петръ для чиновъ углы паньскіи преть ;

Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ.

Крутитъ на свой ладъ приказный права.

Съ диспуту Студенту тершитъ голова.

А мнѣ — и проч.

IV.

Тотъ на картинахъ малюетъ собакъ ;

Въ шухъ опъ гостей домъ шумитъ, какъ кабакъ ;

Сихъ безпокоитъ невѣрный Гамуръ.

Всякую голову мучитъ свой дуръ.

А мнѣ — и проч.

V.

(5) ~~Отъ~~
 Тотъ на прекрасной женился женѣ ;
 Въ тѣхъ дома блещуть ~~внутри~~ такъ, какъ и въ ;
~~Тѣ~~ шестернями на бенкетъ лепяшъ ;
 Въ сѣхъ для гостей чай и пунши кипяшъ.
 А мнѣ — и проч.

VI.

(6) ~~Отъ~~
 Тотъ иностранныхъ себѣ лошадей ,
 Сей накупилъ драгоценныхъ парчей ;
 Въ тѣхъ миллионы ревушъ въ сундукахъ ;
 Въ тѣхъ горчашъ тысячи въ шемныхъ углахъ.
 А мнѣ — и проч.

VII.

(7) ~~Ночью~~
 Пошъ ко всенощной до церкви нейдетъ.
 Онъ и безъ церкви всенощну найдетъ.
 Черный съ рогами бѣжитъ какъ мяшель ,
 Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
 А мнѣ — и проч.

VIII.

(8) ~~Отъ~~
 Тотъ у въ перинѣ по уши пурвулъ ,
 Какъ послѣ маковки впившись заснулъ.
 Съ теплыхъ перинъ не встаетъ до повднн.
 У церкву пойдши ему - шо есть бридня.
 А мнѣ — и проч.

IX.

~~Убо Кашота Огарина Сива Борода~~

Сива въ шого старика борода,

Мокра бываетъ какъ чопъ завсегда.

Чопъ мнѣ не диво — въ барилъ спремить,

Развѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежишь,

А мнѣ — и проч.

X.

Памъ судья дѣлаешь истинный судъ,

А въ его истинѣ жишь цѣлый пудъ.

Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,

Что надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.

А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на ту бѣду, честь,

Черезъ свои поклоны, дары и дѣсть,

Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,

Сильно, пріятельно сребролюбивъ.

А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за вѣшромъ лешить;

Трунь же смердящій смерть въ яму пащить;

Все остается его при двору —

Тѣло несуть на Холодную Гору.

А мнѣ — и проч.

XIII.

Карпники съ рогоу кишки ирвуть ;

Пѣвчи спѣваючи горло деруть ;

Шляхшичъ за гоноръ и уха лишивсь,

Швецъ съ коньлами пьючи разгубивсь.

А мнѣ — и проч.

XIV.

2) Ткачь кричишь горе, шеперь я пропавь !

Хитось мои цевки и берды покравь.

Плачущся горько ^{мне} наибольшее съ пожарь :

Бондарь, кравецъ, маляръ, плотникъ и скляръ.

А мнѣ — и проч.

XV.

Смерти страшна замашная коса !

Ты не щадишь ни чикъ волоса.

Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь !

Все вси такъ, какъ весною пожарь !

А мнѣ — и проч.

XVI.

Топъ плюешь на ея острую спаль,

У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь !

Охъ ! мнѣ одна только въ свѣтъ дума,

Мнѣ все одно только нейдетъ съ ума,

Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г.Сковороды*. Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго зерна, ш. е. особеннаго текста съ. Писанія. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недоспашокъ, то конечно въ слогѣ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и извипельныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспитанія, какое получили онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спросишь ему того недоспашка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсней относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Натальная дверь ко Христіанскому доброправію*. Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и Басни, игрушки воображенія, его недоспойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоученія вспрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали пакія сочиненія, въ коихъ вполне выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

*Антоновъ
Соловьевъ*

жена, Мусеники во имя Христа, Грѣшники; симфоніи, на пр.: *Исповѣдь и Покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра* и пр., и множество другихъ. Не лѣзя осматривать безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и спранныости характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и онѣ написаны также темно, также мистически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Скворода въ деревнѣ у Помѣщика К — го. Небольшая *кѣликатка*, окнами въ садъ, опдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также спарикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Скворода до смерти не переспавалъ любить жизнь уеди-

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сквороды къ Священнику Бабаевского прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издашель, по спранный орографіи, не нашель удобнымъ помѣстить здѣсь оныя. Должно замѣнить, что правописание или, правильнѣе сказать, *поставка литеръ въ письмѣ* у Сквороды опличалася шѣмъ ошъ приняшаго вообще правила, что онъ не упошребляль вовсе буквъ : ъ, ь; сокращалъ слова, поставляль сверхъ шиплы, словошиплы и другія уменьшенныя буквы. *Изд.*

ненную и бродячую. — Вопь что расказывають о его смерши.

Быль прекрасный лѣтній день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселились; послушать Сквороду — было также въ предмѣсть. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно весель и разговорчивъ, даже шушилъ, расказывалъ про свое бывое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда вспали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ пропінкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работающимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сквороду и нашель подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Скворода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную—могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказала хозяйнъ, подошедши къ старцу. — «Пора, другъ, кончить странствіе,» отвѣчалъ Скворода: «и такъ всѣ волосы слезли съ бѣдной головы опъ испязаній! Пора успокоиться.» — «И, братъ, пустое! Полно такъ шушить! Пойдемъ.» — «Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будешь моя послѣдняя хранина....» —

И пошли въ домъ ; но Скворода не надолго въ немъ оспался. Онъ ушелъ въ свою *кѣмнатку*, переодѣнулъ бѣлье, умылся, помолился Богу, и, подложивши подъ голову свѣчки своихъ сочиненій и сѣрую свѣшпу, легъ, сложивши на крестъ руки! Долго его ждали къ ужину, — Скворода не явился. На другой день упрямъ къ чаю по же, къ обѣду по же. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить; но, Скворода лежалъ уже холодный, окостенѣлый....

Представляя сіи опривки на судъ вашъ и чипашелей Альманаха вашего, я долженъ извиниться въ незначительности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. *Quid potui, feci.*

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1855, Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эта спашья, находясь въ числѣ прочихъ въ портфель матеріаловъ для *Утренней Звѣзды*, была разсмотрѣна Г. О. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія, которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя впрочемъ изъ сихъ примѣчаній, обличая меня въ ошибку, могло послужить къ

поправленію текста; но, почитая поприще литературное чуждым мѣлочныхъ расчешовъ, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ — *sum cuique tribuere*, я почелъ за лучшее просто сознаться въ винѣ своей, — и, оставя замѣчаніе въ его собственномъ видѣ, ограничиться въ свидѣтельствovanіи моей достодолжной благодарности замѣчателью, почтившему спашью мою столь лестнымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. к.

Харьковъ

21 Мая 1833.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Les hommes n'ont qu'un penchant décidé, c'est leur intérêt; s'il est attaché à la vertu, ils sont vertueux sans effort; que l'objet change, le disciple de la vertu devient l'esclave du vice, sans avoir changé de caractère: c'est avec les mêmes couleurs, qu'on peint la beauté et les monstres.

DUCLOS.

I.

Безмолвно подходили къ первой, изображавшей Невинность въ образѣ Пери, и долго смотрѣли, и прилежно всматривались, — и все въ ней плѣняло всякаго, и воспоргъ и очарованіе были безмолвны.

Никто не умѣлъ, никто не могъ дать себѣ отчетъ въ величій и красотѣ картины. Будто кисть волшебника начертала ее, будто волшебство разливала она вокругъ себя.

Творецъ ея стоялъ поодаль, опершись плечемъ о мраморную колонну, наклонивши голову, — и никто не думалъ объ немъ,

нико не зналъ, нико не замѣчалъ его. Взоры Художника были мутны, неподвижны. Улыбка презрѣнія къ самому себѣ и любви возвышенной къ Художеству волновались на лицѣ его. Онъ дрожалъ, но вовсе не отъ боязни услышанъ невыгодный судъ о своемъ произведеніи. Нѣтъ! Зрители для него не существовали. Онъ не зналъ, не замѣчалъ ихъ, не думалъ объ нихъ. Онъ видѣлъ Невинность, — и съ него было слишкомъ довольно. —

Прошелъ часъ. Зрители оставались безмолвны, неподвижны, — и съ прежнимъ вниманіемъ, и съ прежнимъ благоговѣніемъ созерцали Невинность.

— Какъ долго! — воскликнулъ спарикъ, опходя ось каршины, и спросилъ одного изъ Художниковъ, участвовавшихъ въ выставкѣ: — Скажите, почему это? — Они побѣждены, отвѣчалъ Художникъ, — и между тѣмъ шайная мука желанія побѣдишь снѣдаетъ ихъ. Едва ли имъ удастся. Впрочемъ — это-то и бѣда для Художника. Не удастся и ему. —

II.

Наконецъ объявили, что вынесена другая картина. Ударъ для всей толпы. Всѣ бросились опрометью къ новому предмету созерцанія.

Картина изображала Гордость въ образѣ Александра Македонскаго.

Прошла четверть часа, менѣе четверти часа. Шопотъ и восклицанія, похвалы и награды Художнику отозвались оповсюду. Начались торги; начались споры. Всякій хотѣлъ оставить картину за собою, и никто не уступалъ. Живописецъ въ восторгѣ бѣгаетъ, суется, кланяется, мѣняется привѣтствіями. Радостно блискаетъ лице его; радостно — бьется сердце. Онъ — въ восторгѣ, а картина?

На нее уже никто не обращаетъ вниманія. Ее уже осмотрѣли, оцѣнили. Достоинство ея взвѣсили. —

— Какъ скоро! — воскликнулъ шопъ же самый спарикъ, подходя къ оставленной картинѣ. — Скажите: почему? — спросилъ онъ того же Художника.

И вопъ что Художникъ отвѣчалъ ему:

— Люди любятъ людей, а не ангеловъ. Люди любятъ недоспашки съ добродѣтелями,

а не добродѣтели безъ недоспапковъ. Я
пвердиль это другу своему, Сгмеону, на-
писавшему Невинность, но онъ не понималъ
меня, и, что всего страннѣе, не пойметъ
красоты звона червонцевъ въ укладисномъ
карманѣ своего соперника.

Кто не угадаетъ конца? —

Творецъ Невинности оспался при своей
Невинности.

Творецъ Гордости перессорилъ за свою
Гордость всю знать между собою, и за свою
же Гордость и опъ нея же получилъ 500
червонцевъ.

С.

БРЕДИТЬ.

The song comes, with its music, to melt and please the soul. It is like soft mist, that rising from a lake, pours on the silent vale; the green flowers are filled, with den, but the sun returns in his strength, and the mist is gone.

OSSIAN.

Робко вошелъ я въ обширный залъ. Тысли лампы, сонни людей поразили меня: однѣ своимъ блескомъ, другіе своимъ убранствомъ и гордосцію. И все шакъ смрадно, шакъ не спройно. — Хаосъ.

Наконецъ — прислушиваюсь.... До меня дошли звуки божественнаго Гайдена. Кто-то игралъ его адажію и напѣвалъ подъ эту неземную гармонию звуковъ величественныя спирофы Оды: *Богъ*. Торжество Поэзіи!

Въ моемъ воображеніи невольнo предспавилась картина сотворенія Міра, и какъ ужасно было броженіе Хаоса, и какъ величественно Духъ Божій пронесся сквозь мракъ

онаго, и какъ могущесивно въ благомъ полениъ своемъ разсѣваль, разлагаль, успроиваль вѣчно волновавшійся дошолъ Хаосъ міра, и какъ міръ спановилса гармоніей....

Но божеспвенная пѣснь не пронула хладнокровныхъ. Душа ихъ давно преобращилса въ камень, — и никакой булапъ не въ соспояніи вырубишь изъ него ни малѣйшей искры сочувспвія. Душа ихъ — камень и камень далеко отброшенный опъ своего русла, камень безжизненный! Пондшіе о блаженспвѣ жизни ддл нихъ ушрачено.

Одни кричали, махая благовоными плапками: «божеспвенно! божеспвенно!» Но это были ледяные звуки, а не безсперные слова! Драгоцѣнныя благовоія, которыя разсѣвали они по воздуху, были ддл нихъ дороже музыки. Можно было сказапъ, что слова ихъ къ нимъ опносились.

— «Дарованіе неподражаемое! Успѣхи невѣроянныя!» — восклицали другіе. Они удивлялись тому, что юная дѣвица пакъ скоро выучилса со всей ловкостью выдѣлывать прудные пассажи, и не могли замѣнитъ, какъ человекъ могъ изобрепъ, распрдѣлитъ и сплп въ одно величеспвенное цѣлое пакіе звуки, пакіе мысли, — не могли или не хотѣли пондпъ эспхъ звуковъ, эспхъ мыслей.

Я продрался сквозь толпу и увидѣлъ предметъ общаго разговора и удивленія — Пѣвицу. Довольно! Земной человѣкъ поржешивуешь!

Но сердце мое забилось. Не подумайте, друзья, о чемъ либо чувственномъ, каково бы оно ни было. Чувство не могло такъ сильно меня пронуть, такъ быстро наполнишь собою мое сердце. Я жалѣлъ....

За чѣмъ человѣкъ въ существѣ своемъ имѣеть такъ много плѣснаго, такъ плѣсно думаешь, такъ плѣсно восхищаешься высокимъ, прекраснымъ! Для чего бы не имѣть ему понятія о невинности, любви, поэзіи, болѣе духовнаго, болѣе божественнаго! Уже ли подобныя понятія не могли бы проявляться не споль чувственно!

Правда. Глаза дѣвицы — лазурь небесная. Блескъ ихъ — блескъ солнца полуденнаго. Румянецъ горитъ невинностию зари упренней. Улыбка ея очаровательна, какъ разсвѣтъ свѣтлозарной весны. Но взгляните на нее еще разъ, — и вы увидите, что она не болѣе, какъ темное, нескладное, безжизненное преданіе....

И ее слушаютъ не болѣе, какъ преданіе; слушаютъ только для того, чтобы не слы-

шать : преданіе слишкомъ незанимательно ; слушающъ — изъ снисхожденія.

Я помню , и не могу забыть слова одного изъ наперсниковъ Духа Вселенной (Платона) : музыка — даръ Божій , но не для того только ниспосланъ онъ къ людямъ , чтобы изнѣживать безсмысленныя чувства ихъ . Частно душа борется сама съ собою , и смуты свирѣпствуютъ въ оной , и чувственность овладѣваетъ ею . Обезсиливъ чувства , возстановивъ власть души надъ самимъ собой и надъ чувствами — вопль высшее предопредѣленіе Музыки. »

Такъ думалъ онъ ; такъ думали , можетъ быть , и давно , и не такъ давно , и даже шеперь ; но какъ не много такихъ , кои захотѣли бы такъ думать ! Другое время , другія нравы , другія понятія .

Помните ли чпо писалъ одинъ Художникъ къ опцу своему ?

« Какими райскими часами наслаждался я , еще бывши юношей , въ большой залъ концерша ! Когда тихо и незамѣтно сидѣлъ я въ углу , очарованный великолѣпьемъ и поржешвомъ собранія , какъ пламенно желало сердце мое , чтобы тѣ же самые слушатели собрались нѣкогда вниманъ моимъ пвореніямъ и

мнѣ довѣрили мои чувства! И нынѣ часто сижу я въ той же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердце у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, что въ это сборище, гордящееся своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, что въ наслаждаться искусствомъ, воспалять свое сердце и всѣми чувствами жертвовать Художнику? — Если сии же самыя души, подъ сводами величественнаго храма, на священныхъ празднествахъ, въ то время, когда все высокое въ Религии и прекрасное въ Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуютъ, если и тогда онѣ холодны какъ ледъ, то имъ ли воспаляться въ залѣ концерта? — Нѣтъ, прошла пора искусства и вкусъ къ изящному вышелъ изъ моды, онъ не приличенъ обыкновеніямъ свѣтскимъ: наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было бы шакъ же смѣшно и странно, какъ спихами говорить въ помѣ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни достаточно одной разсчетливой и для всѣхъ понятной прозы....»

А почему? — Художество перестало быть художествомъ, — и спало на равнѣ съ ремесломъ. Въ настоящее просвѣщенное время не мудрено опыскашь гениевъ и между споларами, и между поршними, какъ находятъ

между архипекпорами, и п. п. Механизмъ художества понятъ, разложенъ; искусство стало наукой; воображеніе смѣнилось соображеніемъ; идеи подчинились приличію, модѣ; геніальность изсохла въ оригинальность; умъ довѣрился глазамъ и слуху; израненное сердце бѣгетъ будто по нуждѣ, его повѣряютъ маляпникомъ. Не мудрено, что число геніевъ увеличилось. Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ безъ дарованій шеперь гораздо меньше, нежели Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ съ дарованіями.

Кто скажетъ, чтобы Россини былъ не геній? Гдѣ его не хвалятъ? Его не лзя не хвалить, чтобы не показать ничтожества своихъ познаній; а кто захочетъ этимъ похвалиться? Глупъ, кто не находитъ великаго генія въ Россини, Валперъ - Скопцъ, Бальзакъ, даже Юлія Жаненъ, — и, если хопише, въ книгопродавецъ Ладвока, издатель Книги спо одного.....

Кто не желаетъ, кто не имѣетъ нынѣ надежды не только прослыть, но даже и быть геніемъ?...

Гдѣ всего чаще пвердятъ о богачествѣ? въ хижинѣ бѣдняковъ. — Такъ и съ геніями. —

Алмазъ полируютъ алмазною же пылью. — Алмазъ и пѣшухъ; — пѣшухъ и пшено; —

пшено и поденщикъ; — поденщикъ и геній; — геній и алмазь.... Къ чему расширяяшься? —

Далѣ и далѣ, — и я замечался. Звуки подкрѣпляли мечпы мои.

Наконецъ они стихли. Мечпы мои прервались. Я подошелъ къ Пѣвицѣ, поблагодарилъ ее за ея же собственное искусство, пересказалъ ей свои мечпы, можетъ быть, и нескладно, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ. Она меня спокойно выслушала, отвѣчала мнѣ одними ходчими привѣспивіями. Наконецъ вспала. Мы распались. Она подошла къ брашу своему, — и я услышалъ на ухо ему сказанное слово: *Бредитѣ!* — Правда! По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чинобъ эшо было правда.

С.

The first part of the book is devoted to a general
history of the world from the beginning of
the world to the present time.

The second part of the book is devoted to a
general history of the world from the present
time to the end of the world.

The third part of the book is devoted to a
general history of the world from the end of
the world to the beginning of the world.

The fourth part of the book is devoted to a
general history of the world from the beginning
of the world to the end of the world.

The fifth part of the book is devoted to a
general history of the world from the end of
the world to the beginning of the world.

The sixth part of the book is devoted to a
general history of the world from the beginning
of the world to the end of the world.

The seventh part of the book is devoted to a
general history of the world from the end of
the world to the beginning of the world.

The eighth part of the book is devoted to a
general history of the world from the beginning
of the world to the end of the world.

The ninth part of the book is devoted to a
general history of the world from the end of
the world to the beginning of the world.

The tenth part of the book is devoted to a
general history of the world from the beginning
of the world to the end of the world.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ST. JOHN'S COLLEGE

ДВѢ ГЛАВЫ
изъ Восточной Повеѣсти

ЗАЛЪМАРА.

ПОСВЯЩЕНО

А. В. СТРЕМОУХОВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ небомъ Азіи прекрасной,
Въ поляхъ, взлелѣянныхъ весной,
Гдѣ воздухъ полонъ нѣги страшной
И миршъ, пипомецъ полевой,
Цвѣшетъ игривой красотою,
А на скаль сѣдой и дикой,
Обвитый гордой навилкой,
Печально дремлетъ кипарисъ ;

Въ спрайтъ, гдѣ бурно пронеслись
 Опустошительныя брани ;
 Тамъ, гдѣ Конрадъ и Лузиньянъ,
 Съ мечемъ кресты приемля въ длани,
 За гробъ Христа, за Христіанъ,
 Сражали сонмы Музульманъ —
 На высотахъ Пшоломанды,
 Гдѣ съ величавымъ моремъ слипъ
 Вѣками созданный гранипъ,
 Какъ древній, пышный храмъ Киприды,
 На двухъ оплогнспыхъ холмахъ,
 Стоялъ дворець Али-Махмета.
 Туда, прославленный въ бояхъ
 И ушомленный шумомъ свѣта,
 Богатый Ага, въ сумракъ дней,
 Пріѣхалъ съ дочерью своей.

Спрямясь къ забавамъ сладостраспья,
 Съдой Махметъ въ дворець своемъ
 Разсыпалъ все приманки счастья.
 Паросскій мраморъ съ серебромъ,
 Въ столбахъ высокихъ разсыпаясь,
 Другъ съ другомъ споряпъ въ бѣлизнѣ ;
 Тамъ по узорчатой спнѣ
 Разнообразно оппѣнялся,

Висятъ завѣтные ковры —
 Тейрана пышные дары.
 Изъ злата Мексики лишны,
 Близъ пабурешовъ, на коврахъ
 Стояшь сосуды дорогіе,
 Небрежно скрытые въ цѣвяхъ.
 А подлѣ спѣнь, какъ испуканы,
 Бѣля, пянущя диваны;
 Бухарской шиканію покрывъ,
 На нихъ лебжій пухъ лежишь.
 Вдали, подъ сводами темными,
 Взоръ понешъ въ длинномъ рядѣ залъ,
 Гдѣ, между дулами спальными,
 Мелькають шашка и кинжалъ.
 Рѣзбой украшенныя спальни,
 Гарема темный переходъ
 И въ шумѣ ароматныхъ водъ
 Воспока дивныя купальни.
 Бассейновъ свѣтлая рѣка,
 Согласный бѣгъ свой совершая,
 Опъ арабесковъ пополка
 Душистой влагой низпадалъ,
 Гремить и плещеть здѣсь и шамъ,
 Скользя по мраморнымъ угламъ.
 Вокругъ чершоговъ извивались
 Великолѣнные сады —

Аллей угрюмые ряды
 До скапа моря простирались.
 Переплелась, по сторонамъ,
 Вели шропинки къ цвѣшникамъ.
 По рощамъ царствуетъ молчанье,
 Лишь иногда, въ вечерній часъ,
 Тревожитъ въ нихъ очарованье
 Залетной ишички стройный гласъ.

На шуманномъ сводѣ неба
 Утро Майское вспааетъ,
 Тихо, медленно лучъ Феба
 Изъ-за пучь сіяетъ лъещъ.
 Плещущъ волны голубыя
 Въ неприступныхъ берегахъ
 И костры спорожевые
 Погасающъ на холмахъ.
 Челны по морю несущся,
 Смѣль и радостень пловецъ,
 Въ высошь касашки вьющся,
 Просыпаешся дворець.
 Вошь смѣнились часовые,
 Чу!... раздался въ башнѣ звонъ...
 Бродящъ енухи нѣмые
 И Гаремъ ужъ пробужденъ.

Халатъ набросивъ разноцвѣтшюй,
 Сидишь власшишельный Махметъ,
 И передъ нимъ спруей привѣтшюй
 Кипишь и пѣнишься шербець.
 Задумчивъ Ага — съ непергѣньемъ
 Въ Гаремъ не поспѣшаешь онъ;
 Любимый Евнухъ съ униженьемъ
 Напрасно хвалишь прелесць женъ —
 Въ душѣ Махмета вострепенулись
 Мечты давно забытыхъ дней.
 Онъ снова въ памяти своей
 Зришь время то, когда полнились
 Предъ нимъ всѣ призраки чешей.
 Давноль, внимая клику славы,
 Такъ радостно на бой кровавой
 Онъ мчался съ шумей Янычаръ?
 Бывало онъ, нѣмой и страстной,
 На грудь наложницы прекрасной
 Унавъ, воспоргамъ нѣги въ даръ
 Гошовъ принесшь безъ сожалѣнья
 Весь чадъ земнаго прославленья;
 А нынѣ Гдѣ жъ слѣды шѣхъ лѣтъ?
 Исчезли! Онъ и дряхль и сѣдъ.
 Часы бѣгутъ — одѣлся Ага;
 На кушакѣ его висятъ
 Два пистолета и булаць.

Но вошь зажглась въ глазахъ опвага,
 Спѣшимъ въ лѣса на правлю онъ,
 Лешунъ Арабскій подведень.
 Вдругъ у ворошь раздался попошь,
 Заржали кони у дворца,
 Въ толпѣ рабовъ поднялся шопошь,
 И вдоль чугушнаго крыльца,
 Сливаясь съ мѣрными шагами,
 Цѣпей тяжельхъ слышенъ громъ...
 Вошь ближе, ближе — и попомъ
 Остановились за дверями.
 Рука пришельца знакъ дала,
 Невольникъ двери отворяешъ,
 Въ черпогъ съ поклонами всшупаешъ
 Начальникъ спражи Абдула.

А Б Д У Л А.

Я встрѣшилъ нынче караванъ,
 Вели невѣрныхъ. Межъ толпою
 Меся одинъ изъ Христіанъ
 Плънилъ чудесной красоною.
 Онъ купленъ мной — ты для него
 Назначь удѣль.

М А Х М Е Т Ъ.

Введи его!

Протяжно цѣпи зазвучали . . .
 На грудь поникнувъ головой,
 Какъ жертва рока и печали,
 Предсталъ невольникъ молодой.
 Махметъ безмолвенъ; изумленный,
 Онъ на невольника глядишь,
 Несчастный юноша стоишь
 Предъ нимъ какъ Ангелъ воплощенный.
 Представьше послѣ грозныхъ съчь,
 Склоненнаго на острый мечъ,
 Въ раздумьи кропкомъ бога брани,
 Когда, спирая кровь со драни,
 Тревогой бранной упомлѣнь,
 На лаврахъ отдыхаешь онъ :
 Таковъ невольникъ черноокой ;
 Но на младомъ его чель,
 Какъ слѣдъ шума на стекль,
 Лежишь спраданаъ слѣдъ глубокой.

М А Х М Е Т Ъ.

Невѣрный! изъ какой страны
 Ты приведенъ въ мои владѣнья?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Удары рока всемъ равны —
 Моя судьба урокъ смиренья.
 Въ Германіи сестру и мать
 Покинуль я. Пріюмъ шуманный!
 Тебя мнѣ больше невидать;
 Не мнѣ свиданья часъ желанный.
 Три года протекли съ тѣхъ поръ,
 Какъ я, пришедши въ ваши степи,
 Нашель спрадация, позоръ,
 И нищету, и эти цѣпи.

МАХМЕТЪ.

Гяурь!... Ты гордь — за эту рѣчь
 Слешись глава съ надменныхъ плечъ....
 Кто ты?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Твой рабъ. Чего же болѣ?
 Увы, въ послѣдней этой долѣ
 Твой гнѣвъ меня не успрашишь;
 Мнѣ жизнь постыла. Если плаха
 Моей главѣ шеперь грозить, —
 Иду на смерть, иду безъ страха.

Махнешь молчишь. Суровый взоръ
 Изобразилъ спраспей раздоръ ;
 И въ душу деспота впервые
 Проникла жалость ; такъ порой
 Лучи денницы золотые
 Проходятъ въ бездну подь скалой.
 Онъ цѣпи силой повелѣваетъ,
 Пила принесена рабомъ,
 Жельзо стали устунаешь
 И съ громомъ падаешь къ ногамъ.

Томился пленникъ. Дни молодые
 Убиты хладною шоской :
 Все манишь юношу мечпой
 На берега его родные.
 Когда денница въ облакахъ
 Вспорхнешь, беспечная какъ младость,
 И на лазурныхъ высотахъ
 Прольешь слокойспвие и радость :
 Тогда и въ воздухѣ самомъ
 Сградальцу чудился родное,
 И что-то грустное, святое
 Напоминаешь о быломъ.
 Ручья-ль услышишь дальній шополь, —
 Идешь, задумавшись, къ нему :

Свободной Эльбы стройный ропоть
 Внезапно слышишься ему,
 Промчится-ль, вихремъ уносимый,
 Надъ нимъ плънительный напѣвъ
 Гарема недоступныхъ дѣвъ :
 Воспоминаніемъ помимый,
 Къ стѣнамъ Гарема онъ спѣшитъ ;
 Напѣвъ замолкъ, а онъ стоппъ :
При звукахъ рога и свирбли
Въ его отчизнѣ такъ же пбли.
 И долго шумъ онъ слезы льетъ ;
 Но слезъ горючихъ не сопретъ
 Рука заболливаго друга.
 Ахъ ! кто въ тяжелый часъ недуга,
 Къ нему съ учашиемъ подойдетъ ?
 Здѣсь люди чужды соспрананья
 Поймушь ли здѣсь его спрананья ?
 Непшь, холодна въ ширанахъ сихъ,
 Душа какъ спалъ книжаловъ ихъ.

Природа спитъ въ туманахъ ночи,
 Въ палатахъ Аги тишина ;
 Лишь плътника печальныи очи
 Не знаютъ наслажденій сна.

Спрадалецъ ложе покидаешь,
 Чершогъ, площадку пробѣгаешь,
 Минуешь спражи спящій рядъ,
 И входишь въ ошдаленный садъ.
 Изъ облакъ медленно всилывая,
 Глядишь луна въ кристаллы водъ,
 Запишь аллей душистый сводъ,
 На немъ горшишь роса ночная.
 Идешь невольникъ — вдругъ предъ нимъ
 Послышались ошзывы пѣнъя
 Онъ поднялъ взоръ и недвижимъ
 Осполбенъль ошъ удивленья.
 Предъ нимъ склонися на дернъ цвѣшовъ,
 Какъ мимолешная ошпрада,
 Какъ свѣшмая мечша боговъ,
 Въ красъ небрежнаго паряда
 Турчанка юная сидишь.
 Смущенный юноша глядишь,
 Не сводишь взора съ дѣвы милой,
 И въ первый разъ чудесной силой
 Забилось сердце у него.
 Явленья спрашнаго сего
 Никакъ постигнушь не умъя,
 Изумлена, поражена,
 То негодуя, шо робъя,
 Встаешь спрежительно она.

ТУРЧАНКА.

Скажи, невольникъ дерзновенный,
 Какою гибельной стезей
 Ты въ эпопѣ садъ уединенный
 Былъ заведенъ во шмъ ночной?
 За чѣмъ ты здѣсь? Какія чары
 Предъ зоркой спражей ты разлилъ?
 Невѣрный! развѣ ты забылъ,
 Чшо нарушаешь покой Зальмары
 Есть пресуиленіе?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Умѣрь,
 Смягчи порывы гнѣвной рѣчи!
 Я невиновець О, поверь,
 Нѣпоспужимой эпой встрѣчи
 Я и не ждалъ и не искалъ.
 Увы, безъ думъ, безъ всякой цѣли,
 Какъ осужденный я блуждалъ:
 Воспоминанья пламенели
 Въ моей измученной груди.
 Я шель — оспрадно впереди
 Шептали темныя аллеи;
 Луна и звѣзды, и ручей,
 И эти сияющія лилеи:

Все ночи родины моей
Напоминало мнѣ собою.

ТУРЧА НК А.

Бѣги! Законъ Гарема строгъ!
Спѣши! спѣши скорѣй въ чертогъ,
Не попросишься съ головою.

НЕВОЛЪНИКЪ.

Но кто ты? Дивная краса!...
Скажи, волшебница младая,
За чѣмъ, покинувъ небеса
И изумрудный перемъ рая,
Пришла ты въ мракъ земныхъ садовъ
Лелѣяшь мягкій пухъ цвѣшовъ?

ТУРЧА НК А.

Я дочь Махмета — я Зальмара.
Неумолимъ родителъ мой!
Спрашисъ, его ужасна кара!
Бѣги! —

Излучистой пропой
Поспѣшно дѣва убѣгаешъ,

Скользиль по радужнымъ цвѣтамъ,
Подходишь быстро къ ворохамъ,
И рѣзвой стѣнью исчезаетъ.
Но, очарованъ, восхищенъ,
Нарушивъ сердца мирный сонъ,
Стоишь невольникъ : въ цемъ впервые
Бушуютъ страсти молодя . . .
Что видѣлъ онъ ? чему внималъ ?
Иль это слѣдъ его мечтаній ?
Иль въ забытій своемъ леталъ
Онъ въ дальній край очарованій ?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обычно день идетъ за днемъ,
Уже погасъ свѣшмиликъ лѣта,
Обильнымъ осени ковромъ
Природа пышная одѣта. —
Зальмара часто по садамъ
Одна, задумчивая, бродить;
И часто, часто что-то шамъ
Печаль на сердце ей наводитъ.
Очемъ же грусть? Какой бѣдой
Вспревоженъ духъ, Зальмара, пивой?
Иль солнце знойными лучами
Сожгло любимый пивой цвѣшокъ?
Быть можеть, брошенъ онъ въ пошокъ,
Чужими сорванный руками?
Смотри, цвѣшокъ пивой невредимъ,
Онъ рдѣеть прежней красотою;
За чѣмъ же, спол передъ нимъ,
Ты зарумянилась слезою?
Межъ померанцовыхъ аллей
Порхаетъ поздній соловей;

Тебя онъ къ иггѣ призываетъ ;
 Его опривисшая прель
 Звучишь какъ дальная свирель,
 И въ зыбкомъ эхѣ умираешь.
 Но соловей шебѣ не милъ,
 Его ты слышишь безъ вниманья ;
 Зальмара, кто же возмутилъ
 Твои бывалыя мечпанья ?
 За чѣмъ, за чѣмъ уходишь ты
 Въ шѣ опдаленные кусты,
 Гдѣ при лучахъ луны высокой
 Твоимъ испуганнымъ очамъ
 Предсталъ невольникъ черноокой —
 Ужель цвѣты душистѣй шамъ ?

Но чшожь невольникъ ? — Новыхъ думъ
 Товарищъ вѣрный, неразлучный,
 Спраспямъ порабочая умъ,
 Онъ измѣнялся злонолучный.
 Съ его неопытныхъ очей
 Упали шускые покровы,
 И передъ нимъ въ красѣ своей
 Явился мiръ какой-то новый.
 Свершились цѣли бытія !
 Онъ все понялъ одной мечпою

Опчизна, мать, сестра, друзья —
 Забыто все! — Съ его душою
 Теперь спознался новый другъ;
 Ему и дневный свой досугъ,
 И ночь спрадалецъ посвящаетъ;
 Ему съ восторгомъ онъ ввѣряетъ
 Надежды сердца, сладкій сонъ
 И пробужденья тяжкій стонъ.
 Съ какихъ же выпренихъ селений
 Слепѣль нежданый эпомъ гений?
 — То знаюшь небо, садъ и ночь,
 И гордая Махмета дочь.

Съ утра покинувши чертоги,
 Махметъ гуляетъ по лѣсамъ;
 Олень въшвисшый, быспроногій
 Ему забавой служишь шамъ.
 Давно на башняхъ мѣрнымъ боемъ
 Пора полудня пронеслась;
 Льшиво спража разбрелась,
 Томима солища сильнымъ зноемъ.
 Нашъ Европеецъ молодой
 Благословляя мигъ свободы,
 Гарема каменные своды
 Следилъ любимую мечшой.

Тамъ, за граничною стѣною,
 Зальмара, какъ царица розъ,
 Цвѣшетъ безнечной красою,
 Не зная бѣды, не зная слезъ.
 Вся жизнь для ней одна забава,
 Въ алмазы рдился она,
 Ея опца вѣчаетъ слава,
 Она породю Княжна.
 А онъ богатый лишь цѣнями,
 Рабъ, позабытый межъ рабами,
 Влача судьбы своей позоръ,
 Онъ къ ней спремись дерзаетъ взоръ!
 Чшо за любовь онъ ей предложитъ!
 Ахъ, кромѣ сердца ничего;
 Любовь безумная его
 Лишь смыдъ нанести Зальмаръ можешь.
 Опвѣй же милая черты,
 Сокройся, призракъ - обольстителъ;
 Ты не опрадный утѣшителъ,
 Лукавый врагъ спрадальцу ты. —

Такъ сердце юноши пѣснили
 Волненья безопрадныхъ думъ;
 Онъ и сердце въ немъ и умъ
 Смертельнымъ ядомъ оправили.

За чѣмъ ищи? чего бѣжашь?
 Надежды, счастья гдѣ искашь?
 За нимъ, предъ нимъ одиѣ мученья —
 Гдѣ жъ свѣтлый міръ успокоенья?
 Уставъ земли печаль и кровь,
 Здѣсь золото въ союзъ съ силой;
 Но гдѣ же радость, гдѣ любовь?
 Найдешь ли ихъ хоть за могилой?
 Печальный юноша глядишь
 Какъ вдохновенъе молодое,
 Какъ Херувима крошкѣй видъ,
 Сіяешь небо голубое.

Творецъ! Твой міръ прекрасенъ онъ!

.

Вдругъ легкій шорохъ за спѣнами,
 Вошь тихо брякнули ключами,
 Дверь потаенная скрипишь,
 Невольникъ смопришь боязливо
 Его къ Гарему шоропливо
 Рабыня черная манишь.

Р А Б Ы Н Я.

Сего дня, въ полночь — какъ проглянешь
 Надъ моремъ блѣдная луна —

Когда дробиться перестанешь,
 Заснешь игривая волна:
 Сюда, прокравшись осторожно,
 Пройди въ сады чрезъ эту дверь,
 И подожди въ кустахъ. Теперь
 Возми, вошь ключъ. Мнѣ не возможно
 Здѣсь долго мѣшкашь.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я? — За чѣмъ

Туда приду я?

РАБЫНЯ.

Ты никѣмъ

Не будешь узнашь Въ часъ свиданья
 Узнаешь все. —

Рабыни ишь,

И гулъ шаговъ — какъ давнихъ лѣтъ
 Однообразныя преданья,
 Едва хранимая молвой —
 Смялся мертвою пишиной.

Темиѣшь. — Вечерь. — За спадами
 Съ косматымъ псомъ идешь пасухъ,
 Лучь солнца вспыхнулъ надъ холмами,
 И яркимъ заревомъ поухъ.
 Волнистый паръ клубится въ полъ,
 Зажжень маякъ по берегамъ.
 Махнешь, пусшивъ коня по волю,
 Спѣшишь къ дворцовымъ ворошамъ.
 За нимъ, дорогой пыль взвѣвая,
 Ловцовъ дружина удамая,
 Привсавъ ошважно въ спременахъ,
 Летишь на борзыхъ скакунахъ.
 Везушь ловишвы плодъ кровавый,
 Сзывая исовъ, рога шрубляшь;
 Ловцы о шрудносняхъ забавы,
 О хипромъ звѣрѣ говорляшь.
 Къ спѣнамъ зубчатымъ подъѣзжають,
 Мосты подъемные спускають,
 Огни мелькнули на крыльцѣ,
 Успалый Ага во дворецъ, —
 Рабы коня его уведяшь.
 Добыча сложена въ шашерьъ,
 Смѣняясь, воины разводяшь
 У спѣнъ дымящійся костерьъ.

Передъ палатами Махмета
 Еще дробятся голоса.
 Широкой шашки полоса,
 Встрѣчаясь съ дуломъ пистолета,
 Гремить, и искрой золошой
 Скользитъ по стѣрой мостовой.
 Ловцы, сдвигаясь шѣснымъ кругомъ,
 Сидящъ, бесѣдуя другъ съ другомъ.
 Досугъ вечерній короляшъ
 Саади дивныя преданья ;
 Предметомъ общаго вниманья :
 Любовь, измена и булашъ.
 Но вопль молишвы часъ обычный
 Зовешъ къ покою Мусульманъ,
 Ихъ ожидаетъ долгъ привычный,
 Ихъ призываетъ Алъ - Коранъ.
 Вспаюшъ, расходяся. Пустѣетъ,
 Безмолвствуетъ широкой дворъ ;
 На немъ, подъ кучей пепла, шѣетъ
 Янтарнымъ пламенемъ косперъ.

Съдая тѣнь спорхнула съ мѣста,
 Кругомъ и сонъ и тишина ;
 Какъ пробужденная невеста,
 Нѣжна двурогая луна.

Бьешь полночь Сонъ одолевая,
 Передъ крыльцемъ невольникъ ждетъ ;
 »Пора ! пора !« и, чуть спуная,
 Къ спѣнамъ Гарема онъ идетъ.
 Онъ ищетъ двери потаенной
 За колонадой опдаленной,
 Уединенна и мрачна,
 Глазамъ являешся она.
 Идетъ къ ней, слушаетъ молчанье !
 Сжимая ключъ, его рука
 Предъ узкой скважиной замка
 Вдругъ ощутила содраганее
 Дверь отворилась — бѣглый взглядъ
 Встрѣчаетъ усиленный садъ.
 Невольникъ быстро опстунаетъ,
 По членамъ холодъ пробѣгаетъ,
 И, будто смертью пораженъ,
 Ищи впередъ не смѣетъ онъ :
 Его помилъ недоумишь,
 Какъ пуча въ сердце у него
 Ложился черное сомнѣнье.
 За чѣмъ ищи ! Кто ждетъ его ?
 Чьи шамъ забопливья очи
 Увидишь онъ во мракѣ ночи ?
 Рабыня чья ? Свиданье съ кемъ ?
 И кто желаетъ этой встрѣчи,

И для чего? — Призывной рѣчи
 Онъ не забудь; но кто Гаремъ
 Въ подобный часъ покинуть можетъ?
 Кто бдѣнье спражи превозможеть?
 Кто, кто таинственный пошъ другъ?
 Быть можешь, онъ гонимъ судьбою,
 И хочешь сердца злой недугъ
 Смягчить участія слезою —
 Быть можешь, ждешь его любовь. . . .
 Но чья она? . . . Уже ли . . . Вновь
 Къ дверямъ какъ вихрь онъ подбѣгаетъ —
Его Зальмара призываетъ! —
 Исчезло все — сомнѣнье, страхъ;
 Идешь, идешь . . . попомъ въ кустахъ,
 Съ разувѣреніемъ сражаясь,
 Остановился, озираясь.
 Глядишь — знакомые кусты:
 Къ нимъ садъ Махмеха примыкался;
 Амлея шаже . . . шѣжь цвѣтны
 И шажь пропика — здѣсь плѣнялся
 Онъ красотою царицы — дѣвъ,
 А шамъ, мелькая межъ деревъ,
 Она, какъ серна, убѣгала;
 Туть съ очарованной душой,
 За ней спремился онъ мечшой;
 Тамъ, близъ ворошь, она пропала.

Глядишь — все въ сумракъ ночью ;
 И будшо въ пѣдрѣ гробовомъ
 Опочиваетъ швердь земная.
 Лишь, выходя съ морскаго дна,
 Грохочетъ зыбкая волна,
 О берегъ пѣной ударяя:
 Лишь, сбросивъ съ дерева листокъ,
 Въ курпинахъ шепчетъ въшерокъ.
 Очнулся юноша ; волненій
 Смирить не можешь онъ ; опять
 Тоски мершвящая печать
 Кладетъ въ душѣ бразды мученій.
 Безумецъ ! какъ, онъ думашь могъ,
 Чшо недослупная Зальмара
 Оставишь пышный свой черпогъ,
 И, дѣтскихъ чувствъ живаго дара
 Еще не вѣря никому,
 Придешь къ невольнику къ нему ?
 Придешь за шѣмъ, чшобъ взоромъ яснымъ
 И голосомъ спыдливо - спрасшнымъ
 Сказать, воспорговъ не шая :
 — Люби меня ! . . на вѣкѣ твоя ! —
 Но если жъ ? . . . Нѣшь, она не знаетъ
 Его любовь, его шоска
 Надмъшной дѣвы далека ;
 Она о немъ не помышляетъ

Онъ убѣжишь ; быть можешь, шумъ
Его одинъ измѣны ждущъ.
Такъ иногда, въ часъ непогоды,
Спруиспыхъ молній блѣднѣй лучъ,
Скользнувъ по скапу сизыхъ шучъ,
Развеселишь чело природы ;
Вдругъ перекашнѣй грянешъ громъ, —
И снова мракъ и смерть кругомъ.

Уже невольникъ удалялся ;
Но, выходя изъ-за кустовъ,
Онъ слышитъ дальнѣй гулъ шаговъ :
Поспѣшно кто-то приближался.
Мелькнулъ клубящійся покровъ
Опять исчезъ блѣтеть снова ;
Шаги слышите — шелестъ ихъ
Вблизи кустарника гусиного
Остановился и зачихъ.
Едва дышащъ невольникъ смѣетъ,
Опять сомнѣнье пламенѣетъ
Въ умѣ испуганномъ его. —
Въ курщинахъ шорохъ повторился,
Яминный кустъ зашевелился ;
Раздвинувъ вѣтви, изъ него,
Спройна, какъ пальма садовая,

Выходишь робкая краса ;
 На ней одежда дорогая
 Свѣшла, какъ Майская роса.
 Съ чела откинувъ покрывало,
 И молчалива и помяна,
 Подходишь медленно она.
 Кого же сердце въ ней узнало ?
 Невѣришь юноша глазамъ,
 И думаешь : опяшь къ мечтамъ
 Душа убишная склонилась ;
 Увы, въ ней сильно вкоренилась
 Неопразимая мечта.
 Предъ нимъ Пѣшь, пѣшь ! по слѣдъ забвенья ;
 Сильной порывъ воображенья :
 Предъ нимъ Зальмара — но не та,
 Какою зрѣлъ ее онъ прежде !
 Не блескъ — шуманъ въ ея очахъ ;
 Не розы — блѣдность на щекахъ ;
 Въ ея походкѣ и одеждѣ
 Теперь задумчивость и лѣнь ;
 Зальмара — плачущая пѣнь
 Надъ одинокою могилой
 Подруги, вѣчно сердцу милой !

З А Л Ь М А Р А.

Остановись, невольникъ ! Мной
 Ты приглашенъ сюда къ свиданью,
 Я посылала за тобою.
 Не удивляйся же молчанью
 Зюлемы преданной моей ;
 Я строго запретила ей
 Сказать Но скроемъ въ аллею,
 Иди за мною, въ тишинѣ
 Узнаешь все Здѣсь спрашно мнѣ,
 Съ тобою бышь я здѣсь не смѣю :
 Замѣшишь евухъ, а тогда
 Обѣимъ намъ придетъ бѣда.

И вопль пропой едва замѣшиной,
 Она съ невольникомъ пошла,
 Робка, задумчива была ;
 Но взглядъ то грустный, то прѣвѣшиной ;
 И — примирители спрастей —
 Порою слезы изъ очей :
 Все гордой дѣвѣ изменяло.
 Невольникъ ахъ, какъ изнывало
 Въ немъ сердце полное любви !
 Какъ въ безднѣ моря упонало
 Оно въ бунтующей крови.

Аллея темная предъ ними —
 Вошли — все пусто ; лишь одинъ,
 Подъ кипарисами нѣмыми,
 Вѣлѣюшъ скамьи въ споронѣ.
 Садится дѣва. — Грудь вздымаясь,
 Подъемлетъ дымчатый покровъ ;
 Уста мѣшаютъ звуки словъ,
 И вопъ сказала, заинаясь :
 — Такъ, чужестранецъ, я звала
 Тебя къ свиданью въ наши снѣжны ;
 Законъ Гарема, страхъ измѣны —
 Зальмара все превозмогла.
 Владѣшь нефышной душою
 Я невластна Узнай, побобоу
 Опъ шой поры, когда со мной
 Сошелся пы во шмѣ ночной,
 Тобой однимъ съ шѣхъ поръ живу я ;
 Твои чершы, швой милый взглядъ
 Напрасно ихъ душой бѣгу я —
 Опъ вездѣ за мной слѣдятъ.
 Мои померкнувшія очи
 Забыли миръ и нѣгу сна ;
 Какъ мѣсяцъ бурной полуночи,
 Моя мишупная весна
 Печальнымъ облакомъ зашмилась ;
 Я вѣришь счастью разучилась

И, кажешся, давнымъ-давно
 Забыло, бѣдную, оно.
 Въ борьбѣ спрасшей иснаеая,
 Я гибу, молча, между дѣвъ;
 Дышу побой, какъ чувствомъ рай,
 Забавы, пышность — все презрѣвъ,
 Я юности живилъ розы
 На тайныя мѣняю слезы.
 Взгляни, съ шестнадцатою весной
 Зальмара сердце погубила:
 Оно изсохло, какъ могила,
 Не орошенная слезой.
 Послѣдствій встрѣчи роковой,
 Моихъ спраданій, мукъ ужасныхъ,
 Безумныхъ сновъ, надеждъ напрасныхъ
 Не утаишь мнѣ ошь себя.
 Но, чужестранецъ, полюби
 И полюби еще впервые:
 Скажи, кто можешь утаишь,
 Кто можешь въ сердце истребинь
 Обѣщанья милые, свияные?
 О, нѣтъ! не дважды намъ любить,
 На что предъ сердцемъ лицемѣришь?
 Его намъ шрудно разуверить,
 Пускай же поешъ по одному. —
 Сего дня, сидя предъ окномъ,

Тебя предъ нашими спѣнами
 Узрѣла я. Ты грушенъ былъ,
 Ты что-то съ жадностью слѣдилъ,
 И, увлеченная мечтами,
 Я думала Моей мечты
 Не отгони! Увѣрь, что ты
 Слѣдилъ въ волненіи за мною,
 Кого не правда-ль, ты за мною
 За мною сердцемъ ты слѣдилъ?
 Скажи, увѣрь, что полюбилъ,
 Что любишь ты меня! — Зальмара
 Порывомъ дѣвственнаго жара
 Твои надежды оживишь;
 Она съ тобою раздѣлишь
 Своей души залогъ завѣстный,
 И поцѣлуй любви привѣстный
 Тебя къ блаженству возвратишь.

Умолкла. Къ длани бѣлоснѣжной
 Она главою склонилась нежно;
 Опѣшша ждешь, глядишь — у ногъ,
 Какъ побѣжденный полубогъ,
 Сынъ Эльбы пламенный пренещешь;
 Взоръ испуганный дико блещешь;
 Въ груди по вздохъ, по тяжкій стонъ;

Слеза ланины орошаетъ ;
 Начнешь ли рѣчь — въ минушу онъ
 Ее окончишь забываешь.

З А Л Ь М А Р А .

Ты шронуть ? Нѣтъ не сожалѣнье,
 Одна любовь теперь нужна ;
 Въ любви участие — презрѣнье
 Я умолять не рождена.
 Тебѣ я сердце предлагаю,
 Когда же не возьмешь его,
 Тогда позора своего
 Я не снесу ; но я узнаю,
 Кто та, кому отдавъ мечты,
 Мои красы отринуть ты.
 О, если рѣчью лицемѣрной
 При первой встрѣчѣ обмануль
 Ты мой разсудокъ легковѣрной ;
 И если ты потомъ уснуль
 Въ объятіяхъ другой, и съ нею
 Надъ легковѣрностью моею
 Смѣялся въ бѣшенствѣ спрастей :
 Тогда Красавицѣ твоей
 Ни гдѣ не скрышься отъ Зальмары.
 Отдамъ всю жизнь желанью кары,

Найду — и мщеніе мое
 Всю кровь изъ сердца у нее
 Тогда испочинишь адскимъ жаломъ ;
 Когда же здѣсь не поражу,
 На небеса пойду съ кинжаломъ —
 И памъ ее не пощажу.
 За чѣмъ же медлишь ты отвѣтомъ ?
 Или она въ Гаремъ эшомъ ?
 Ошвѣстсвуй, повпорю вновь,
 Рѣши, чшо ждешъ меня ?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Любовь,

Чистѣйшая, какъ свѣтъ небесный !
 Давно воспоргъ ея чудесный,
 Смушивъ дремошу юныхъ думъ,
 Посѣялъ въ нихъ раздоръ и шумъ.
 Ахъ, долго, долго изнывала я !
 Узнавъ тебя, чужую спель,
 Презрѣнне, угнѣшеній цѣнь
 Три мѣсяца не проклиналъ я.
 Другая? Пѣшь, ни съ кѣмъ погда
 Еще я сердцемъ не дѣлился ;
 Ему любовь была чужда,
 Тебѣ я первой покорился ;

Одна заря въ вечерней мглѣ,
 Одна и ты мнѣ на землѣ.
 Живу, люблю, спрдаанье гложешь
 Мою сгарающую грудь;
 Разсудокъ шепчетъ: *позабудь!*
 А сердце позабышь не можешь.
 Увиль невѣрный жизни цвѣтъ —
 И съ нимъ надежды лучшихъ лѣтъ:
 Я рабъ, а ты . . . ты дочь Махмета.

З А Л Ь М А Р А.

Что нужды намъ до мнѣнй свѣта?
 Любима . . . ахъ не все ли тушь
 Желанья сердца обрѣтушь?
 Вошь двѣ звѣзды! Онѣ сливаясь,
 Плывущъ на небѣ голубомъ;
 Слюбиклись свѣтлыя, встрѣчаясь;
 Имъ веселѣй горѣшь вдвоемъ:
 Пускай же тучи снѣговья
 Возмогущъ вѣрныхъ разлучить —
 Скорѣй ихъ можно погасить,
 И бросить въ волны ключевья.
 Забудь враждующихъ людей
 И лицемѣрную свободу,

Люби какъ я — въ любви своей
 Я заключила всю природу.
 Я дочь Махмета въ шумъ днѣ,
 Пускай зовушь Княжной меня,
 Въ часы урочнаго досуга
 Я не Княжна — твоя подруга.

Руками юношу обвивъ,
 Она къ груди его прижала,
 И поцѣлуемъ заглушала
 Спраспей насмѣшвенный порывъ.
 Невольникъ мѣль и забывался —
 Какъ описать его воспоргъ?
 Онъ милой дѣвой любовался;
 Она его!... Теперь онъ могъ
 Повѣрнть счастью земному;
 Благословеніе былому:
 Онъ знаешь прелестъ бышій!
 Зальмара съ нимъ, чиста какъ радость;
 Какой бальзамъ, какую сладость
 Онъ пьеть въ лобзаніяхъ ея!

Часы свиданья пропекали,
 Луна и звѣзды исчезали;

Ужъ сквозь шуманы въ лонѣ шучь
Нырялъ зари перловый лучъ.
Востокъ рѣдѣешь; надъ древами
Легла блестящая роса;
Разсвѣта сизыми огнями
Гонимы вспыхнушь небеса. —
Среди сердечныхъ упоеній
Сидяшь любовники; для нихъ
Протяжный ходъ часовъ ночныхъ
Одна минута наслажденій.
О, ночь! помедли, ты съ собой
Умчишь всѣ радости свиданья,
И души счастливыхъ побой
Вспревожишь грустью расставанья.
Еще любовники всего
Другъ другу вѣришь не успѣли;
Въ избытокъ счастья своего,
Они о многомъ бы хошѣли
Поговоришь теперь въ тиши.
О, ночь! помедли, не спиши!
Опомнись, дѣва вспрепенулась,
Вздохнула, помно улыбнулась,
И погрузмъ на грудь лицо,
Сняла алмазное кольцо.

ЗАЛЬМАРА.

Возьми! носи его залогомъ
 Моей любви — по гробъ своя!
 Клянусь святыней бышя,
 Моимъ, своимъ клянуса Богомъ —
 Твоя по гробъ!

НЕВОЛЬНИКЪ.

Клянусь судьбой
 И въ небесахъ дышать побой!

ЗАЛЬМАРА.

Просни! пора!... Тропинка эша
 Тебя къ черпогамъ доведешь —
 Уже не долго до разсвѣта:
 Заря докучная встаетъ,
 Гаремъ видите изъ шумана —
 Пора и мнѣ шуда бѣжать;
 Но завтра здѣсь или близъ фонтана
 Съ побой увижусь я опять.

Преодолевъ печаль разлуки,
 Они безмолвно обнялись,

Въ послѣдній разъ пожали руки
И — молвивъ: *завтра!* — разошлись.
Такъ голубь лѣпшею порою,
Въ вечернемъ сумракѣ полей —
Съ голубкой встрѣпясь молодою,
Кидаешъ кормъ и мчится къ ней;
Слѣпятся, сядушь, поворкують,
Другъ друга нежно поцѣлюють,
Повеселятся, погрустятъ,
Подымутся и улетятъ.

II. Иноземцовъ.

МАРІЙ.

ПОСВЯЩЕНО

И. Я. КРОНЕБЕРГУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дремало море въ берегахъ,
Надъ Карѳагеномъ тѣнь ночная
Плыла на сизыхъ облакахъ,
Луну и звѣзды омрачая.
Все было пусто; здѣсь и тамъ
Слѣды войны и разрушенья;
И засыпали по холмамъ
Опустошенныя селенья.

Мечъ грозныхъ Римлянъ испребилъ
Сѣдя сѣньи Карѳагена,
Онъ славу гордыхъ замѣнилъ
Цѣпями шягосниаго плѣна.

Паль Кареагенъ ; его сыны
 Проспились съ прелесью свободы ;
 Чужимъ власнямъ покорены,
 Рабы — не вольные народы !

Увы, съ поникшею главою
 Они въ поляхъ печально бродящъ,
 И на привѣтъ страны родной
 Веселыхъ пѣсень не заводящъ.
 Въ чужихъ краяхъ погребено,
 Испреблено ихъ ополченье ;
 Они рабы, имъ суждено
 Терпѣть позоръ и угнѣменье.

И здѣсь-то брошенный судьбой,
 Невѣрной дружбой забытый,
 Машежникъ хитрый, вождь-герой,
 Скишался Марій знаменитый ;
 Склопивши голову на длань,
 Сидѣлъ онъ, взоръ впередъ въ волны ;
 Вошь вспомнилъ славу, вспомнилъ брань
 И говоришь раздумья полный :

»Греми, греми, серебряный валь,
 Согласный бѣгъ свой совершая ;
 О ! если бѣ къ Риму ты бѣжалъ,
 Къ брегамъ родимаго мнѣ края :
 Тогда бы вслѣдъ спруилъ твоимъ
 Оспрадно было мнѣ спремилъся,
 Взглянушь впоследніе на Римъ
 И съ нимъ впоследніе простишься.

»За славою Ромула спремлясь,
 Свободу Бруша обожая,
 Не я ли, смерти не спрашась,
 Громилъ, опчизну прославляя ?
 Я все принесъ опчизнѣ въ дань ;
 Отдавъ ей юности забавы,
 Какъ на пиры я шелъ на брань,
 И жилъ для Рима и для славы.

»О Римъ ! сзови своихъ сыновъ,
 Спроси у нихъ : дары ли счастья
 Иль нѣги недостойный зовъ,
 Или призракъ единовласья

Смущали Маріевы сны ?
 Спроси у нихъ, — и вѣрно скажутъ :
 Мы славой Марію должны,
 Тевтоны, Кимвры то докажутъ.

»Нѣтъ, нѣтъ ! не будетъ укорять
 Меня правдивое потомство,
 Я правъ — меня ли порицать,
 Меня ль винить за вѣроломство ?
 Я знаю Силлу, я понялъ,
 Онъ шелъ къ властямъ троной обмана,
 Я гражданинъ, — и я желалъ
 Исторгнуть власть изъ рукъ ширана.

»Но ты падешь передо мной,
 О Силла!... Вождь минувный боя!...
 Твоей ли слабою рукой
 Сорвать безсмертіе съ героя ?
 Не долго ждешь, падешь они,
 Удары праведнаго мщенья,
 И Римъ познаетъ эти дни,
 Внимая грому разрушенья.

»Изгнанникъ здѣсь скипаюсь я,
 Мои шаги слѣдишь измѣна ;
 Какъ истребитель бышя,
 Среди обломковъ Карфагена,
 Завѣшной думой омраченъ,
 Угрюмо дни я провождаю ;
 Меня бѣжитъ отъраднѣй сонъ,
 Я жаждой мщенія сгараю.«

Умолкъ. Чело его мрачнѣй,
 Чѣмъ небеса ненастной ночи ;
 И вдругъ изъ-подъ густыхъ бровей
 Сверкнули пламенныя очи ;
 Вошь неподвижно успрямилъ
 Ихъ на чернеющія воды,
 И сонъ желанный осянилъ
 Героя брани и свободы.

Заря будила сводъ небесъ,
 Сѣдыя волны просыпались ;
 Въ кристаллы ихъ глядѣлъ ушесъ,
 Вдали шуманы волновались.

Проснулся Марій — смущенный взоръ
 Съ грозой къ опчизнѣ обратился,
 Герой вздохнулъ, и между горъ
 Какъ тѣнь могильная сокрылся.

Проходящъ дни — изгнанникъ вновь
 Лепашетъ къ Риму думой смущенной ;
 Сонмъ рабниковъ, пожары, кровь,
 Трофей побѣдъ хоща бѣ минушной —
 Все это въ мысляхъ передъ нимъ.
 Поклявшись мстить и за могилой,
 Онъ какъ Судьба неукротимъ
 И жаждетъ боя съ новой силой.

Когда завоспитъ вихрь, и громъ
 Отгрянетъ спрашно надъ холмами :
 Какъ радостно тогда кругомъ
 Онъ бродитъ гнѣвными очами !
 Онъ мнитъ : такъ гордый Римъ падетъ,
 Такъ Капитолій затрещетъ,
 Когда и огонь по немъ пройдетъ,
 И мечъ въ спѣнахъ его заблещетъ.

Когда орель, покинувъ лѣсъ
 Плынешь въ эфирномъ океанѣ
 И, низвергаясь на утесъ,
 Узришь врага въ пухынномъ вранѣ:
 Какъ весело на эпошь бой
 Герой Нумидіи взираешь,
 Минишь видѣшь Силлу предъ собой
 И мечъ оставленный хватаешь.

Вошце, бѣясь о брегъ, бѣгушь
 И мещушь перлъ морскія волны:
 Онъ свободы не несущъ,
 На нихъ плывушь чужіе чолны.
 Призыва Цѣины Марій ждешъ.
 Иль измѣнили легіоны
 И вѣрный другъ не призовешъ
 Его на ниршество Беллоны?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ, какъ Силла пожиналъ
Вдали отъ Тибра лавры брани,
И Римъ колѣна преклонялъ
По мановенью мощной длани;
Друзей собравши въ пишинѣ,
Опважный Цинна мечъ подъемлетъ,
И Римлянинъ въ родной спрахъ
Съ испугомъ гласу буша внемлетъ.

Какъ Эгна вспыхнулъ страшный бой,
Сынъ на отца и братъ на брата
Идутъ; шеклися, — спрой на спрой
Напалъ — и миру нѣтъ возврата.
Ликуешь смерть Спѣсенецъ, разбишь
И прогнавъ Цинна съ поля битвы;
Пылая злобой, онъ бѣжишь
Какъ шигръ израецный съ ловишвы.

Проходятъ дни — ужъ нѣтъ заботъ ;
 Погасъ вулканъ вражды народной ;
 Безпечно Римлянинъ несетъ
 Въ храмъ мира сердца даръ свободный.
 По прежнему на площадяхъ
 Законный кличъ народной воли ;
 Порхаешь радость на пирахъ
 И безмятеженъ Капитолій.

Повсюду счастье и покой ;
 Тиха долина боевая ;
 И часто позднею порой
 Идешь гражданка молодая
 На брегъ ручья, идешь одна
 Для встрѣчи пламенно-желанной
 Съ влюбленнымъ юношей — она
 Забыла дни тревоги брашпой.

Но что ? . . . Къ чему же смута вновь ?
 Несушся вѣсти роковыя
 При нихъ у спарцевъ слышнеть кровь,
 Взрыдались дѣвы молодыя.

Союзныхъ ратниковъ съ толпой,
 Искатель пагубныхъ чести,
 Спремится Цинна въ край родной,
 Неся съ собой перуны мести.

Народъ въ мольбѣ — Сенатъ уныль
 И Римъ вселенной повелитель,
 Главу вичанную склонилъ.
 Ужъ близокъ, близокъ грозный мститель!
 Идешь Какъ спалъ врановъ змѣхъ,
 Быстрѣй нагорнаго пошока,
 За нимъ текушь въ рѣдахъ густыхъ
 Сыны враждующаго рока.

О! что съ побой, державный Римъ?
 Внимай, ужъ грянулъ голосъ кары!
 Уже по храмамъ вѣковымъ
 Какъ шучи спелюшся пожары!
 Угрозы, кляшвы, вопли, спонъ
 Слились какъ гимны разрушенья;
 Погибель, адъ со всѣхъ споронъ;
 Врагу и другу нѣтъ спасенья.

Но кто сей яростный аплетъ ?
 Кто зрится съ Цинной предъ рядами ?
 За кѣмъ съ побѣдою во слѣдѣ
 Спремятся ратишки полнами ?
 Ужасенъ онъ ! въ десницѣ громъ !
 Смотрите, онъ коня шоропишь,
 Лепишь какъ дума и кругомъ
 Римлянъ въ пучинахъ крови шопишь.

Вошце съ молишвой на устахъ,
 Съ опчаяньемъ въ попухшемъ взглядѣ,
 Попомки Ромула въ слезахъ
 Къ нему взывающъ о пощадѣ —
 Вошце ! гдѣ онъ — шамъ смертъ ; ему
 Оспрады, мишися, падшихъ споны ;
 Готовъ онъ мщенью своему
 Пришестъ ихъ въ жершву миллионы.

Кто жъ онъ ! О Римъ ! ты зрѣлъ его,
 Когда, дыша къ тебѣ любовью,
 За честь народа швогого
 Онъ, обогренщій вражьей кровью,

Предъ Капитоліемъ склонялъ
 Главу, увишюу вѣнцами
 Безсмертныхъ дѣлъ — ты миковалъ,
 Гордился ты его дѣлами.

А нынѣ или не знаешь ты
 Любимца дряхлаго Беллоны,
 Предъ нимъ повергли въ прахъ щипы
 Югурта, Кимвры и Тевтоны ?
 Внемли, взываеши твой народъ :
 »Бѣгите ! страшенъ побѣдитель !
 Онъ гибель, рабство намъ несетъ !
 Се Марій, врагъ намъ, нашъ властитель !«

Упихла битва, скрылся день ;
 Зажглись огни спорожевые,
 Медлительно ночная тѣнь
 Легла на холмы вѣковые.
 Въ тѣмныя думы погружень,
 На рубежъ долины ратной
 Блуждаетъ Марій ; сбросилъ онъ
 Тяжелый щипъ и мечъ булатный.

Онъ мнѣ: »свершился подвигъ мой....
 Римъ ! ты смиренно преклоняешь
 Свою главу передо мной ;
 Но ты судьбы своей не знаешь.
 На завтра снова грянешь громъ,
 Опять заблещешь факель мщенья ;
 Въ Сенатѣ дерзоспномъ твоёмъ
 Я заплачу за оскорбленья.

»И гдѣ жъ защитникъ спѣшь твоихъ ?
 Гдѣ, гдѣ ты Силла ? Сынъ фортуны !
 Приди, сорви съ рамень моихъ
 Мои вѣщи, мои перуны.
 Пускай пройдутъ твои друзья,
 Подобно мнѣ, на этомъ полѣ,
 Безъ состраданья встрѣчу я
 Рабовъ послушныхъ рабской волѣ.

»О, можешь быть, презрѣнный пашъ,
 Цѣною слава обольщенный,
 Нежданно на меня подняшь
 Дерзнешь кинжалъ свой похаенный....

Свершился жребій мой; паду,
 Погибну я въ борьбѣ съ Судьбою;
 Но духъ мой новую вражду
 Раздуесть въ Римъ предъ побою.»

Сбылись мечты его . . . Герой
 Не долго славой наслаждался!
 Онъ палъ . . . Надъ дряхлой головой
 Книжалъ измѣны не взывался;
 Воишель смершнйй не купилъ
 Счастливыхъ дней своей опчизны:
 Надгробный гимнь предвозвѣстилъ
 Ему попомства укоризны.

Проходящъ годы — палъ и Римъ;
 На боевой его долигѣ
 Другой народъ мы нынѣ зримъ,
 Другая рашъ шамъ ходишь нынѣ.
 Герсевъ Рима итъшъ какъ итъшъ;
 Но не забышы ихъ дѣлшья;
 Быль грозныхъ и великихъ лѣшъ
 Хранишь народныя преданья.

II. Иноземцовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не березанька съ гибкимъ лворомъ сонлепалась,
Красна дѣвица съ юнымъ рашникомъ розспавалась.

Расплела печаль кудри русыя, шелковыя ;
Взволновалися груди полныя, молодыя.

Изъ очей ея, что ключи съ горы, слезы льются ;
Руки бѣлыя вокругъ милаго пакъ и вьются.

Ахъ! за чѣмъ меня, ненаглядный мой покидаешь ?
На кого меня безупѣшную оставляешь ?

Много на небѣ свѣшлыхъ звездочекъ ночь встрѣчала,
Много рашниковъ на святой Руси я видала :

Пусть удалые за родимый край ищутъ славы,
Не ходи лишь ты, соколъ ясный мой, въ бой кровавый!

Тамъ, слыхала я, острый мечъ блеспишь передъ
 спроемъ,
 Рѣки пламени роюшь землю тамъ съ ревомъ, съ своемъ.

Если люшый врагъ друга милаго тамъ погубишь?
 Кто жъ погда меня сиропинушку приголубишь?

Ахъ, къ кому на грудь съ дѣтской радостью упаду я?
 Ошь чьего погда зарумянюся поцѣлуя? —

Не послушался добрый молодецъ дѣвы красной,
 Полешель спрѣлой на кровавый бой соколь ясный.

Не березанька во чистомъ полѣ засыхала,
 Красна дѣвица ошь кручинушки пзнывала.

II. Иноземцовѣ.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ПОДРАЖАНІЕ АРАВСКОМУ.

Щекъ твоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ упревшихъ лучахъ,
Словно вьющее знамя
Заблестало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирры присмирѣли,
Видя прелести твои ;
Звучно въ честь твою воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи.
И, воспорженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ твой, у ногъ,
Неизбѣжной стращью скованъ,
Испустилъ послѣдній вздохъ !

И. Петровъ.

1832.

ЗАВѢТНОЕ КОЛЬЦО.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Берёзанька-ль кудрявая,
Опъ вѣтра гнешся — ломится ;
А розочка душистая
Ко справкѣ шомно клонится.

Такъ дѣвица - красавица
По миломъ другѣ плачется,
Что вѣдополь весенняя
По чисту лугу льешь рѣкой.

»Кольцо мое, завѣшное!
 »Безъ друга, друга мнѣ много,
 »Мнѣ золошомъ кого даришь?
 »Скажете: что мнѣ въ золошѣ?

Сняла кольцо съ руки своей
 И въ быстры воды кинула:
 »Неси волна, шуми волна!
 »Любовь свою я съ нимъ дарю!

И. Петровъ.

1852.

ГАДАНИЕ ТУНГУСОВЪ (*).

СЪВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ночь. Скалы и утесы Енисея. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающій костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подають гадателю одежды, обвѣшенные металлическими изображеніями змій, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же запонъ, шапку, украшенную криволомъ корона, и овалный бубенъ.

ШАМАНЪ, ударяя въ бубенъ.

Опъ живущихъ опчужденный,
Опчужденный опъ родства,
Опъ земнаго существа,
Въ пайцы Неба посвященный,

(*) Стихотвореніе сіе написано еще въ Сибири. Миеологическія и религіозныя понятія Тунгусовъ о Вышнемъ Существѣ, мистическія вдохновенія ихъ Шамановъ, имѣющихъ какое-то сродство съ древними Магами и Волхвами Египетскими, до нынѣ, кажется, не были описываемы въ близи. Изображеніе ихъ въ семь стихотвореній заимствовано мною изъ собственныхъ наблюденій и, находящагося еще въ рукописи, любопытнаго сочиненія о шаманствѣ краѣ А. П. Степанова, бывшаго Енисейскаго Гражданскаго Губернатора. Сог.

Преклоняя къ вамъ главу,
 Вышнии силы, васъ зову!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!

ХОРЪ.

Вышнии силы онь зоветь!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!
 Пусшь, что будетъ, предречеть!

ШАМАНЪ.

Ты, *Аркунга*, духъ воздушный!
 Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
 Тайны знаешь ты земли,
 Даръ предвѣденья пошли!
 Да, шобою вдохновенный,
 Миръ весь мыслью обшеку —
 И живущимъ во вселенной
 Жизнь иль гибель предреку!

Странъ подземныхъ обитатель,
 Этыгранъ, зла обладатель,
 Духъ болѣзни моровой,
 Въ мѣръ влезающій змѣй!
 Безпощадно всё меривающій!
 На призывъ отважный мой,
 Крошкѣй, мирной, не разящій,
 Ты предстань передо мной!

Ты, крылатый *Лиллы*,
 Къмъ возносятся Шаманы
 Отъ печальныхъ оныхъ мѣснъ
 Выше солнца, выше звѣздъ!
 Ты, даръ жизни предержащій,
 Къмъ всё дышетъ на земли!
 Свѣспозарный, лучезрачій!
 Збѣву крошкѣму внемли!

Ты, Хсананы! Ты, Мирлда!
 Духи неба, духи ада!
 Ты духъ бури, грозный Торб!
 Васъ зову я на соборъ!..

КОРЪ.

Низойдите! Низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!

Слышенъ полетъ невидимыхъ.

ШАМАНЪ,

содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вошь — я вижу: черный врань
 Осѣнилъ меня крылами!
 Я прозрѣлъ время пумань!
 Сонмъ духовъ нариши надъ нами!

Упадаетъ въ безпамятствѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТУНГУСОВЪ.

Чу!... Надъ нимъ поднялся врань!
 Спрашно!... Вошь вспаепъ Шамань!

ШАМАНЪ, *оставая.*

Всё шеперь я видѣль ясно!
 Други! будущность прекрасна;
 Видѣль я ея зарю:
 Слава Бѣлому Царю!

ВСЪ.

Слава Бѣлому Царю!

*Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ
 скалы и утесы Енисея.*

И. Петровъ.

1852.

О Р Е Л Ъ.

Завидую Орлу, лещащему по волю:
Какъ путь его широкъ! просторно какъ ему,
На крылья опершись, гуляшь въ лазурномъ полѣ,
Гдѣ не подвластенъ онъ земному ничему.

Какъ пышный домъ, его вселенная пріемлетъ;
Ликуя въ небесахъ, чуть зримъ для нашихъ глазъ,
То на границу бурь полетишь онъ свой подъемлетъ,
То опдохнушь попомъ садился на Кавказъ.

Какъ весело ему! какъ воленъ онъ повсюду!
Нѣтъ мѣста для него, гдѣбъ крылья не взнесли,
И только съ высоты онъ видишь эту груду
Ненужной для него, окованной земли.

А мы, ничтожные, какъ эгошь червь ползущій,
 Мы къ ней пригвождены... За тѣмъ и скучно намъ!
 Напрасно рвется умъ, далече насъ зовущій:
 Весь путь нашъ по землѣ опъ стѣнѣ къ другимъ
 спѣнамъ.

Вездѣ преніяствіа, нашъ каждый шагъ заболла:
 Душа угнетена какъ жалкая раба.
 Куда ни оглянись, вся наша жизнь работа,
 Тоска, ничтожество, и вѣчныхъ нуждъ борьба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П Р О З А.

Стран.

Байсаго (П. Б.)

Недобрый глазъ. Малороссійское преданіе.. 3

* * * * а.

Ошрывокъ изъ Романа : *Рансодіи*..... 14

Солога (О. М.)

Недосозданіе..... 62

С . р . з . к . го (И. И.)

Ошрывки изъ Записокъ о старцѣ Григоріѣ

Сковородѣ, Украинскомъ Философѣ. 67

(С * * * * .

Двѣ каршины..... 95

Бредись 97

II

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

Иноземцова (П. И.)

Двѣ главы изъ Восточной Повѣсти: <i>Заль-</i> <i>мара</i>	107
Марій	145
Русская пѣсня.....	159

Петрова (И. М.)

Могущество красоты. Подражаніе Араб- скому	161
Завѣнное кольцо. Русская пѣсня.....	162
Гаданіе Тунгусовъ. Сѣверная сцена.....	164

*Ю * * * **

Орель.....	169
------------	-----

В И Н Ъ Е Т К А.

- I* - *Алеантета (И. И.)* Видъ Харькова : Лопанскій мостъ.
Мѣлочныя лавки. Университетъ. Присущствен-
ныя мѣспа и проч.

УТРЕННЯЯ ЗВЪЗДА.

THE HISTORY OF THE

FIRST PART

OF THE

SECOND PART

OF THE

THIRD PART

УТРЕННЯЯ
ЗВЪЗДА.

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ.

—
Книжка 2.

ХАРЬКОВЪ.

1833.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

СВѣдѣніе

о дозволеніи къ печати

Печатать позволяется.

Москва: 1 октября 1 дня 1833 года. Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1834.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

П Р О З А .

Грицька Основьяненко:

Стран.

Суплика до Пана Издателя.....	3
Салдацькій патреть. Побрехенька.....	9
Украинское утро, Ошривокъ..	44

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

и Срезневскаго (И. И.):

Запорожскія пѣсни, съ переводомъ и

историческими примѣчаніями:

	<u>Стран.</u>
✓ 1. Надгробная пѣснь Свирговскому	51
2. Сожженіе Могилева.....	59
3. Надгробная пѣснь на смерть Асаула Чурая.....	66

* * *

Рыбалка. Малороссійская Баллада...	71
Батько та сынъ. Басня.....	74
Рыбка. Басня.....	76
До Пархома. Двѣ Оды Горация.....	78

Гребѣнкина (Е. П.):

Отрывки изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина, переложенной на Малороссійскій языкъ. (Изъ 2-й и 3-й пѣс.)	82
Будякъ та Конопелечка. Приказка...	88
Пшениця. Приказка.....	89

Котляревскаго (И. П.):

	<u>Стран.</u>
Отрывокъ изъ Малороссійской Эне-	
иды.....	90

Journal of the ...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

П Р О З А.

ASOSE

СУПЛИКА

ДО ПАНА ИЗДАТЕЛЯ.

=

Любезный мій приятелю!

Дойшла до мене чушка, що ти хочеш и въ насъ, по Московскій моди, збышы книжечку... а якъ ии по нашому назвашы? — не вмю; бо и Москали — не ши Москали, що живуть у Москви, а таки що не зъ нашихъ, а зъ Рассійскихъ — що кринко въ ныхъ кохающця, и ши, не вмившы ии по свѣму назвашы, зовуть по Нимецки; такъ пехай же по нашому буде: *Збѣрникъ*. Спасыби щоби за сюю працю. Черезъ шебе будемо знашы, хто зъ нашихъ Слобожанъ, ша и съ Гашьманцивъ, що и якъ концо-

нуе. Щежъ я чувъ, буцимъ-шо хочешъ пытуше прышулышы, де що и по *нашому* пысаного. За сюю выгадку, ажъ шрычи шоби дякую. Нехай же знаюшь и нашихъ! — Бо е таки люде на-свищи, що зъ насъ кепкують, и говорюшь, ша й пышушь, буцимъ шо зъ нашихъ нишпо невше, щобъ було — якъ вони кажушь — и звычайше, и ийжнешке, и розумше, и полезне; и що, спало бышь, по *нашому*, опричь лайкы, ша гдузованья надъ дурнемъ, билшь ничого не можно й напысашы.

О бодай ихъ вже зъ такою думкою! — Хыбажъ не живо вчысшывъ Пашъ Кошляревскій *Енея*? — Эге! объ нимъ и досе Мѳсква шовче и перешовкуе; и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, ша й каэ: — „*Ну такъ, славно!*“ — А Пашъ Аршемовскій-Гулакъ мало понанысовавъ про *Твердовського*, про *Солопю*, про *Собаку*, або *Гараськовы Оды* не мудро розказавъ по *нашому*? Що може у иншого, хшо чышавъ, шакъ и досе кышкы боляшь видъ смиху, а въ иншого — якъ шамъ кажушь — прохы лышенъ шапка не загорилась. Такъ хыба вишь проспо пысавъ? Аджэ и теперь бажають у мислячи, або и въ пыженни кныжечкы хочъ пивпреши ёго спыха. — Нехай же й Пашъ Гребёнкынъ выкыне *Полтаву*, що перероблюе зъ Московскон; нехай, кажу, не боишця ничого, ша — якъ шамъ кажушь — издасшь ии пыиомъ, шакъ шамъ

и шаке буде, що хочь не хочешь, а заколуниé тебе за душу; а де й сёрденько зацемышь; буде й шаке, що чыпаючы, слизозькы шилки капь, капь, капь! — Та е й други — прочи, що на спыхахь — на спыхахь, а шо шаки и просто, розмóвою пышущь... Такь щожь будемо робышы? Не вшоронаюшь по нашому, ша й ворчашь на наши кныжки:— „*Ета ньшто, па Чухонсь-ки. Захыль печатать, кагда ни што не „розуміе.*“

Гай, гай! — Хибажь шилки й свиша, що у викии? Трывайше бо, Панове! не дуже сикайшесь. Е ще на-свиши православне Хрыстыянство, що вмюишь и любляшь по нашому чыпашы. Не усéжь для Москаливъ: може бь шреба и для насъ що нёбудь, щобь и мы... знаеше, не усé... а шаць... де що... попрóху... де чого зналы; а шо, по вашому, шаць мы... шаць соби... дё намь за вамы?.. Гмь! па догадь бурякивъ, щобь капусташы далы.

Та ще жь на свонмь вику' выдáвь и шакихь, що якь попаде нашу кныжку, ша переворочуе ии, переворочуе, мовь голодна, беззуба собака шкорынку, копрóи не вкусышь — ша не розчу'хавшы що, для чого, и прошивь чóго пысано, заразь, щобь абы що не будь сказашы, абы чымь не будь нашого брачыка занехаяшь, а самому похващашы, заразь кажу, и гукне: „*Ка-*

„вѣка не тамъ; оксія не туды; хвалишь!
 „Треба нашъ ёры ны, ны; я усе знаю и за-
 „разъ побегу де що не такъ.“ Ой гляды лы-
 шень, пане усе - знаю! щобъ не було и зъ
 шобою шого, що зъ Терешкомъ шевцемъ.

А що шамъ зъ нымъ було? Ты може, прятя-
 япелю, не позабувавъ шого, що зъ малу у шко-
 ли вчывъ, шакъ и згадаешъ якусь Лапынську
 побрехеньку, що я шоби по свѣому розкажу,
 якъ чувъ ии видъ Панаса Писпняка, а винъ чувъ
 ии, ще въ школи, видъ самисинького нашего дя-
 ка, Пана Олексія.

Одже шо колы хочъ, шо и прылипы сю по-
 брехеньку у свій збирникъ; може шакы копрый
 изъ скалызубивъ, охочый другихъ гудышы, а
 самому шалану нема, шо не будь пущыиъ напыса-
 шы, захоче покепковашы надъ швоею *Зирочкою*,
 ша наше, хочъ не зовсимъ по верхамъ, а хочъ и
 по складамъ прочыша, и черезъ десяте пятае
 ушорѣнае, ша и по чуха попылицю и усомъ за-
 крушышь, ша и... помовчышь; шо и шо добре;
 одною брехнею на свиши меншь буде.

Колыжь будешъ ии печашашъ, шо пожалушта
 доглядай, щобъ у мойй побрехеньци не наверя-
 калы якои нашои мѣвы на Московський ладъ.
 Нехай наши, якъ хто зна, шакъ свое и пыше;
 а я думаю, шо якъ говоремо, шакъ и пысашы

шребѣ. О! добребъ, брашику, було, якъ бы мы шакъ говорылы, якъ у книжкахъ пышуть; а якъ бы ще шакъ и робылы, шакъ бы й не було на-свиши ничо́го луччого!

Нехай же шоби, брашику, Богъ помога на добрее дило. А мыни вирь, що я шебе и поважаю, и шаную, и дуже дякую за швою працю для славы Слобожань, и для нашої пошихи и пользы, и що я повикъ шоби

На услугу щиро гошовый

Грыцько Основьяненко.

Лыиця у пятое тисло

1833 року.

No. 1111

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

The

... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

САЛДАЦЬКІИ ПАТРЕТЬ.

ПОВРЕХЕНЬКА.

Бувъ собі колысь-шо, якійсь-шо маляръ... ось на уми вершышця якъ ёго звали, ша не згадаю... Ну дарма: маляръ ша й маляръ. И що по бувъ за скусный! — Гай, гай! шамъ морока ёго зна, якъ гарно малёвавъ! Чы вы, хшо сю кныжку чыпа, або слуха, думаше що витъ малёвавъ шакъ соби, проспо, абы якъ; що шилки розмиша краску: чы червону, чы бурякову, чы блакышну, чы жовшу, ша шакъ проспо й маже чы спилъ, чы скрыню? Э! ви; пошрывайше лыщень! шакы що вздрышь, шакъ нашрешъ зъ него и вчеше,

хоть бы шо бувъ кавунъ, або видро, або свыня; шаки жывисинько воно и е; шилки посвыспышь, ша й годи! — Разъ о смиху було! хлопци ажъ кышкы́ порвалы видъ регошу. — Змалёвавъ вишь, шаки нашего опця Мыкышы кобылу; ша якъ же жыво улиывъ, що печысый ёго зна! — Ну; намалёвавши, ша й каа намъ : шеперь, хлопци, дывипесь що за кумедья буде! А мы каемо: а ну, ну, що тамъ буде? А вишь каа: а йдишь лышень за мною, ша й несить папрешъ поповои кобылы. Опъ мы узавшы, ша й пицлы, ша по ёго науценю и поставылы быля папопцевого двора, пидперлы и гарненько, шаки шочнисинько якъ кобыла споишь: и на одно око слипа, и хвисшь вырваный, и рёбра ий повылазылы, ша ще й голову понурыла, мовъ пасещя, а самы узавшы, ша й попрысыдалы по нидъ плопомъ, ша й ждемо башюшку, а самы шульмось якъ мога, щобъ не регопашысь. Ажъ ось зыркъ иде нашъ опецъ Мыкыша, ша ще мабудъ було и въ головци; ийде, ша соби нидъ нисъ щось-таке пмугыче: а дали и вздривъ кобылу, ша й каа: що за ледащо мий Охримъ! (а ёго бапрака, ша звали Охримомъ;) кобыла, каа, зийшла прошивъ почи зъ двора, а вишь и байдуже; колыбъ шо мыни ии пиймапы! А дали знявъ зъ себе поясъ, завья-

завъ ёго пѣшлею; ша й спавъ до неѣ пидкрадашысь, ша знай цмока, ша прыговорюе: „шпрусе, ряба, шпрусе.“ — а дали якъ пидѣйшовъ близенько, якъ закъне й на шыю полсъ, якъ крыкне: шпру! якъ пошыгне до себе, а кобыла якъ упаде, а мы шакъ и зарегопалысь, ша на вшыкачѣ; а ошець Мыкыша и зоспавсь: спойшь якъ укопаный, и руки и ноги одубилы, ни зъ мисѣця, а кобыла передъ нымъ лежышь до горы ногамы; и пидпиркы не вдержалы, якъ пошыгнувъ и до себе, щобъ не вшыкла. Та вже описля росказувавъ, що й довго бъ споявъ, ша попада побачыла, ша й не знала що зъ нымъ и робышы: и виддувала и водою брызкала, ша насылу зъ мисѣця звела и увела у хашу; шакъ, каэ, цилисьнюкы вичъ прясѣця ёго было, а кобыла усе нишаче въ вичи лизе.

Такъ ось шакый-шо бувъ скусный маляръ... ше, ше, ше! шеперь згадавъ: ёго звали Кузьмою... ша шакъ шакы Кузьмою, а по бапюсѣци Трохымовычъ, а родомъ бувъ — колы чувалы — зъ Борысивкы, видкыля що налуччи богомазы, иконопысѣци и усякѣи маляри; шакъ и вшы по видшыля родомъ бувъ, а у насъ у селѣ зеленывъ нову дзвѣницю. И шакы пидге правды дп-

ны: що вже вихшо лучче ни намалое, ни розмалое, якъ богомазь изъ Борисивки; уже не жаль и грошей. А вже якъ Москаль озьменця за сее дило, ну! шидки почухайся, ша й видыйды. Торгуешця и запрошуе багацько: дай ёму й кошпу, и грошей скилки забажá; а якъ удерешь, шакъ ну! ёму кажешь: блакышна; а вишь пвердышь: синя-спа! ёму кажешь: не годишця! а вишь чухаешця, ша каэ: ничаво-спа, для Халловъ бряде, падавайше-ка дещы!— Тъу на вхъ голову!

Такъ про сёго-шо Кузьму Трохимовыча прочувъ якійсь-шо Пань, що дуже кохавсь у вогородахъ; шакъ бачь беда: горобци що липа повыклёвуюшь усе що вишь ни посе. Такъ вишь-шо позвавъ Кузьму Трохимовыча, ша й порядывъ ёго, щобъ списавъ ёму салдаша; ша щобъ шакый, якъ живый бувъ; а буде яка хвалшь, прыкыну, каэ, шоби. Ошь и зпоржылысь за дещальшь рубливъ и осьмуху горилкы. Оджежь шо и змалёвавъ вишь салдаша, ша ще якъ? Що якъ кажу, що й живый не буде шакый брыдкий, якъ шо бувъ намалёванный. Пыкашый, мордашый, спрашый, ша ще зъ здоровенымы усамы. Мундъръ на ёму лешкый, гудзыкамы позациповавъ-

вѣй, що ажъ ссяе. А ружжо? Такъ погыбель ёго зна, якъ шо живо списавъ! Опъ шакъ, бачышца и спрѣльне, що й прысшунышысь спрашно! А якъ задывсея на нёго, шакъ бачышца вже и ворушышца, и ўсомъ морга, и очыма поводишы, и рукамы дѣрга, и ногамы дрыга; шакы шакъ и думаешъ: опъ побижышы, опъ бышемешъ! Такъ шо скусно бувъ намалѣващый!

Ну! змалѣвавши, Кузьма Трохымовычъ и дума: може не вгожу Паюви; шогди пропады и гроши и робота. Повезу куды на ярмарокъ, ша й поспавлю на базари, и буду слухашы, що будушы люде казашы? колы будушы ёго жахашысь и лякашысь, шогди цевно беры Кузьмо гроши; колыжъ и сюды и шуды, шо ще пидправляшему, ажъ помы до кинця доведу.

Зибравсь нашъ Кузьма Трохымовычъ, ша й повизъ своего салдаша ажъ у Лыпци, колы знаеше. Опъ и спавъ шамъ усаму глупу пивничъ, якъ ще усї и ярмаркови быля возивъ, и хазяйство по хатамъ спавы, и по шынкамъ народъ порозходывся, и свило погасыды; и поспавывъ шой папрешъ на самїй ярмарци и по пидпиравъ ще лучче чымъ полову кобылу, щобъ ни вишеръ

не звалывъ, и щобъ якый пьяный, якъ попощепця, або свиня, звычайно ходячи по базарю, якъ прыйде чухапысь до нѣго, шо щобъ не звалылы; а самъ за шымъ папрешомъ нашьавъ яшочку, ша й сивъ щобъ прислухашысь, що буде народъ казашъ про ёго салдапа; наклавъ на палипру красокъ, що колы, каэ, що не такъ, шо я и шидмалюю. Упоравшысь зовсимъ, присивъ, понурывъ голову, ша й задримавъ соби шрохы, покы до дила.

Ажъ ось спало на свипъ займашысь. Ище не попрыпухалы уси зирочки, а пакъ шо шидки шо спало сирішы, а вже нашъ Кузьма Трохимовичъ и скочывъ, понюхавъ кабакры, прочхавъ; прошеръ очи полою, вже шупъ пакъ ни-колы було поводу йшы, щобъ умышысь; шдперезавъсь знова и поясъ прыпягнувъ лепьско, насунувъ шапку по самый нисъ, ша й рукавыци доставъ, бо се — знаете — було объ першыхъ пьяницкыхъ, пакъ вже зори холодни булы — и сивъ у яшци щобъ прислухашысь.

Першъ усѣго блыснуло свипло у кабаці. Гай, гай! Уже и въ лышцахъ завелысь кабакры, ныначе, нехай Богъ мылуе! у Расси. Видкыляжъ

по се узялось? Общеспво насъ такъ при-
крушыло, щобъ, бачъ, видкушчыкъ за насъ, хто
не здужа, зносывъ гроши у подушне. А вже
звисно, що видкупщикомъ нашому брапу не бу-
пы, се вже Московській заробишокъ! Вжежъ
у Москаля зовешця не шынокъ, а кабацькы и
памъ усе Москаль на голо, якъ у Туреччыни
Туркы; ша усе народъ проворный; ни до испъ,
ни до спыпъ, ша усе объ шимъ шилки и дума,
щобъ заробыть копійку. Така вже ихъ Мо-
сковська поведенця! А якъ шилки нашого бра-
чыка хочъ бы и въ кабацы, обдурюють? шакъ
гай, гай! Опце колы прыйшовъ зъ посудыною,
щобъ купышы до хозяйства на скилки треба
горилкы, ша хочъ шрохы заслухайся, або зады-
выся, шо й не доле повной миры, ша мерщій и
всыпá у швою посудыну, и вже хочъ споръ, хочъ
лайся, а вишь шебе и выироводышь гешъ. Ко-
лыжъ шу́пъ хочешъ пышь, шо й буцимъ шо й
добрый: за гривню зачеркне изъ дижкы шакы
повнисницьку; пушь спанешъ у́сы розглажу-
вашъ, ша цмокашь, ша вшырашысь, и збираеся,
якъ шо гарненько на шощака выпьешъ, ша шил-
ки шо руку шиднявъ, и ще и до рта не до-
нисъ — якъ урагова ёго мамы зна! де ше Мос-
скальча у гаспыда озьмешця? шакы ныначе якъ

шой — що... духъ свящъ пры нашій хаши! —
 пидбижышь, пидшовкнѣ... плюсь!... билшь по-
 ловына чаркы назадъ у дижку! Що зоспалось,
 пьешъ мерщій, бо розливальщыкъ спане ще й
 чарку виднимапы. Выпивъ; — такъ щожъ? якъ
 шамъ кажушь: по бороди пошекло, а у рошъ не
 попало; а вже й не кажы, що по живовпу пишло;
 ничого було гараздъ и проковшнушь. Опшь пака-
 по ихъ Московська вира, щобъ зо всякого зи-
 драпы; такъ куды, вже имъ и спаны довго?
 Тушь спышь, а шупшь дума, якъ бы пожывышысь.

Опшь якъ засвишылы у кабаці, та й выслапы
 на двиръ пидшовкачку, чы не вздрышь кого на
 вулицы, щобъ заманышь у кабакъ. Выбигло чор-
 ша и озираешця. — Подвыишесь на нѣго: на що
 шо воно похоже? Щобъ шо ёму голову гарнень
 ко пидспрыгшы якъ у людей? а шо папашый,
 папашый! Зъ переди, ажъ у вичи ему волосься
 лизе, уха закрывае, по пошылыци бовшаешця,
 ажъ, сердека, усе знай головою попряхуе, щобъ
 пыи папшы не мошались. Сорочка на нѣму не
 такъ якъ у людей: за мисць билон, якъ шреба
 по закону, вона або червона, або сыня, та ще й
 зъ гаплькомъ: та на плечи и защѣпне; такъ шо
 хпо зроду уперше Москаля побаче, шо й не
 вгада, шо шо воно и ё.

Опть шакий-шо спавъ была кабацкыхъ дверей, поглядѣвъ, поглядѣвъ — и вздривъ що споишь салдапъ на калавури зъ оружкоймъ, (не пизпавъ, що шо намалёванный.) Та й гукае: „Служба! пайды-„ка сюда. Спанъ шупечка здесь, шпобъ надъ „часъ, какъ буде драка, шакъ не дай насъ у „вабеду, а порція адъ насъ буде.“ — Споишь салдапъ, не ворушишця. Москалча крычышь у друге, крычышь и у шрешѣ; салдапъ ни зъ мисшпця. Дали Москалча злякалось, щобъ салдапъ не розсердивсь, ша не давъ бы ёму шыпки, покынувъ ёго, ша мерщій у кабаць, ша й зачынывсь. Кузьма Трохымовычъ чувъ сее все, усмихнувсь, ша й подумавъ соби: Побачымо, що шо дальшь буде; ще не велька шпука Москаля одурить.

Одже вышкцулось и сонечко. Тупъ спалы рупашы и наши, що понаизжамы съ борошномъ шо зъ Деркачивъ, шо зъ Вильшанон, ша булы ажъ изъ Коломака. Що шо, батечку! изъ якыхъ шо мисшпцивъ на шой армарокъ не понавозылы усякого хлиба и борошна! шакы выдымо — не выдымо ихъ шупъ сподяло! Колы сказаць, що пидвидъ двадцашъ ихъ було, шо ей же шо Богу моему билшь. Хмара хмарою; опть що! Тупъ и жышо, и овесь, и ячмишь, и пшениця, и гречка—

и усе, усе було. Прыйшло, знаеш, уремя по-
душне зносить, такъ гроши усякому преба.
Нашъ брачыкъ не бабакъ; вишь же поры: слава
шоби Господы! вишь — нехай Богъ боронить —
не Москаль, щобъ ёму покынувшы жинку, ди-
шочокъ и худобоньку, ша за шою бидною копій-
чыною шляпысь по всёму билому свитови, ша
кровавымъ пошомъ и заробляшы. Та чого шупъ
и вередовашь? Кды вродывъ Богъ хлѣбця, ша
давь ёго зибрашы; шо й дожидай покы прыйде
нужда, що якъ десяцьки у волосъ попягнушь
и за подушне, и за общесшвѣнне; а шупъ жин-
ка забажка лёну, щобъ на сорочки прясшы, ша
нов го очинка, а дочкѣмъ плахонь, або свышь,
ша и усяка напасъ пошыгне, що прышьмомъ
преба грошей; шогди вже инде дышысь: везы
хоть вершовъ за двадцять, ша чы спала цина,
чы не спала, а шы першого шоргу не кыдайся,
за що продавъ, — абыбъ довго не спояшы, ша й
урывай до дому; ша якъ хочъ, такъ и роцы-
шуй, щобъ и сюды и шуды спало. А якъ удо-
вольбъ усихъ, опъ шогди вже справный козакъ!
Лежы соби на печи, у прѣси, покы до новои
нужды; шогди жъ будемо й думашы, де що
узаяшы.

Такъ опъ шаки-шо и попанзжалы, и ихъ вже и соць не бере. Совечко зійшло, и воны посхоплювались, щобъ, знаеште, купця не вше-ряшь. Опъ шо гарисенько повспававшы, помо-лылись до церковь Богу, ша й посламы одного видъ шабору пó-воду, бо вже уремя було кашн варышы. Попягъ Охримъ зъ двома боклагами до крыницы, ажъ гешь нидь гору, ша йде вуль-цею. . . . Зыркъ! — спонть салдашь! — Охримъ бувъ соби парень звычайненькый, знявъ шапку, поклонивсь, ша й каз: добрыдень, господа служы-вый! А салдапъ мовчышь; опъ виць и пишовъ своею дорогою; а Кузьма Трохымовычъ усмих-нувсь, ша й усомъ моргнувъ и подумавъ: одурывъ и своихъ; що шо далшь буде? — Ну! Набравшы Охримъ воды, ша йдучи до шабора, дума: од-жежъ шупъ е постой! Чы не шреба имъ, бу-вае, конямъ вивса, або якого борошна? Та якъ поривнявсь пропивъ салдацького папрепа, ша й каз: „Господа Москаль! А скажише, будьше ла-сковы, вашому командѣрству, колы шреба вив-са, або якого борошна, шо нехай прыйдушъ, ось до шабора, ша спышаюць Охрима Карлюченка; а въ мене овесець важненькый, чыспый; дешево виддамъ и мира людська: висимъ зъ верхомъ и шрычи по боку вдарышы. Пожалуспа жъ не за-

* 2

будьше; а могорычъ нашъ буде. Напочынь, кепе лышенъ понюхаймо кабаки.“ Сее кажучы, доспавъ изъ халявы рижокъ, поспукавъ объ каблукъ и выпрусывъ на ногошь; самъ понюхавъ, покрекшавъ, пиднись салдашу, ша ще й прыговорюе: „кабака гарна, шерла жинка Ганна; спара машы, вчыла ии мяшы, дочки розшыралы, у рижкы насыпалы. Кабака важна, Вильшаньска; понюхайше, колы ласка паньска.“ Салдашь ни чычыркъ, и усомъ не моргне. Не боракъ Охримъ узявъ соби на розумъ: „цуръ ёму, — кае соби на думци: — щобъ ще по пыци не давъ, бо винъ на те Москаль.“ — Пиднявши боклагы, ша мерщій до шабору, не оглядаючысь, ша й не похвалывсь поварысшву, щобъ ще зъ ёго не спалы глазовапы. А Кузьма Трохимовычъ сее чувшы, ша ажъ за боки брався регочучы.

Покрыжъ сее діялось, пиднялысь на миспо йпы и бублейшыцы, и палянышныцы, и пи'що кухлыкамы пшоно, а ложечкѣми олю продаюшь. За ными пидшунцемъ поспишалы зъ пырижкамы, печенымъ мясомъ, вареными хлякѣми, горохяныкѣми и усякымы ласощамаы, чого шилки душа забажа на спиданья. А шанокъ вела Явдоха Колупайчыха; молодыця гарна, не взявъ ии чортъ:

чорпява, мордаша, шрошки кырпашенька, шакъ за ше румьяна якъ рожа; и шакы одягна: очипокъ хочъ зовсимъ вышершый, а бувъ колысь парчевый; кожухъ билыхъ смушкивъ пидъ тяжпою и бабакомъ обложенный, шилки що диркы на нѣму скризь и по пидъ рукамы, и на бокахъ, ша й видно було що и уся одежа на ній була не проспа, а мищанська, бо вона узяша була у Лыпци, ажъ изъ самисинького Харькова и не проспого, а мищанського роду; шушунъ набойчатый, спидныця каламайкова, шилки що не можно було угадашь якого воно цвишу, бо дуже було запачкано олією; вона бо некла и бублыки, и сласпѣне, а около сѣго дила не можно чыспо ходышы, заразь вымажесся якъ чоршь, що до видьмы черезъ трубу лазышь.

Ошь молодыци и крычашъ Явдоси: „а ну, паньмашко! выбирай миспце: шы у насъ голова; де шы сядешъ, шо и мы быля шебе.“ Ошь Явдоха и узяла булку, ша не зъ своен коробкы, ещала прошивъ сходъ сонця, шричи перехрестылась, ша й покошыла и по сонцю. Кошылась шая булка, кошылась, ша й не зъ опешылась нигде, а прямисинько докошылась до салдацького пашреса, ша шупъ и плюснула. — „Охъ мыни

лыхо,“ закрычали у водынь голось молодыци: „якъ шакы быля Москаля сидашь? Винь намь шакого лыха наробышь, що не шо що! У одной щыпне, у другой хвашне: ша шущь шаке буде, що и коробоць не позбираемо. А ну лышень, Явдохо, выбирай друге мислце; може й не шакъ щаслыве буде, ша все шакы лучче, чымъ дашы Москалю орудовашы надь нашимъ крамомъ.“

Перевела Явдоха свій цехъ черезъ дорогу; поворожила впьяшь другою чужою булкою и межъ свои положила; а де булка впала, шамъ сама зъ своею коробкою сила, а молодыць розсадыла, де кому якъ по чързи прыпало; а чергу шу зробыла сама жъ шакы Явдоха. О! ша й баба жъ козырь була! Цокошуха, ша й цокошуха! — Узядася надь усимы перекупкамы ошаманувашь; и видъ десятицькыхъ, видъ головы, ша й видъ самого пысаря обороняшь, шилки щобъ уси перекупкы ии слухалы, и що скаже, щобъ сполнялы, и чого пошребуе, щобъ посшавлялы. Та пехай же бь и не послухавь ий хшо? Такъ заразь и нашлеть: або свыня бублыкы похвапá, або собака олю высье, або пьяный пшккешел, ша коробку перевёрне, а вже даромъ не прйде.

Тилки що молодыци любенько посадалы и жодна зь своимь краомь розпашовалась, якъ --- Тю! — Москаля чорпъ и вродывъ зь сповницями была ныхъ. Якъ же нау́спиющя перекункы на нѣго! — „За чымъ шушь спавъ? Пиды соби геть, спань де инше; не мишай шушь православный шоварь продавать, а самъ иды хопъ до чоршивъ, кромн хлиба свяшого.“ Опъ якъ зашуркалы, зашуркалы ёго — бо звисно якъ наши молодыци, скилки ихъ ни буде, шо якъ заговорюшь уси разомъ у водынь голось, шакъ ничѣго и не вшоропаешъ; мовъ на лопокахъ вода шумышь — а Москаль и байдуже; знай соби крычышь: гречишныкы гарячи!“ — Що шушь на свиши робышы? — Опъ бачушь молодыци шо не перельвкы, прысшала до Явдохы: „Робы, шо знаешъ робы, а Москаля збудъ.“

Ничѣго Явдоси робышы: узяла — и усе шакы не зь своей коробкы, бублыкывъ пры вязкы и пишла до напреша, ша й далёбы шо правда! кланяешця мовъ живому, ша й просышь: „Ваше Благородіе! будьше ласковы, зведишь зь нашого мистця опшого навиженого, капольницкого, бусурменського Москаля, шо спавъ была бублейвыць зь сповницями. Бачыше якъй!“ . . .

а сама зиркъ назадъ, ажъ Москаль исчезнувъ, злякавшись, якъ побачивъ, що пишла на нѣго жалоба. Тогди Явдоха, перше що зрадовалась що Москаль ушикъ, а далибъ шо и бублькивъ спало жалко видававъ, колы дила не спало, ша й сама не зна що їй и робышь, ша шакы и совае бублыкы напрешу мовъ живому, ша й прыговоруе: „кеше, озмише Ваше Благородіе! Пожалуйше; дома здасьшця.“ — Салдашь ни пары зъ усшь. Якъ же роздывишця Явдоха, що се мапа; що се хопъ и садашь, ша не живый, а намалѣваный — засоромылась, почервонила якъ ракъ, ша швидче не оглядаючысь, видъ нѣго, ша бублыкы у свою коробку, и сила! Що вже ни пышала ія молодыци, що їй шамъ було видъ Москаля? Такъ мовчышь, ша й мовчышь; ша й кае: „Але! пидишь лышенъ самы, ша й слышайше.“ А Кузьма Трохымовычь дывышысь на сее, сміавсь — сміавсь соби ныщечкомъ, ша й дума: „Опъ шакъ наши знай! Вже до насъ мовъ до живого зъ поклонамы прыходюшь; пыначе до Засидателя.“

Ну! що шо зъ шого далшь буде? Опъ шымъ часомъ позиходьлось народу на миспо вже чы мало. Такы куды окомъ ни глянешъ, шо усе люде — усе люде; якъ саранá у поли. И чого-

шо шуды не попанóсылы, або не понавóзылы? Такы шакый ярмарокъ, що выначе у Харькови объ Пречыспій; усякого шовару, якого шилки подумашь, усе и ё. Чы грушь? Такъ и на возахъ груши, и въ мишкáхъ груши, и купамы груши по насыпани: прыйды, шоргуй; ша зъ якон хочъ купы и скилко хочъ кушшуй, ништо шоби и не побороньшь. А шамъ Мóсква зъ лашьямы, ша зъ лыкамы; булы шамъ мыскы, ложки, шарилкы розмалёвани; булы й рещёпа и почовкы, джи, лопáшы, сивци, черевыки, чобопы зъ пидковамы, або шакъ шилки гвиздочкамы пидбыши. Тупъ Суздальци зъ богамы, зъ кныжкамы; а по была сласпёниця зъ грубкою: шилки спышай на скилки шоби шреба сласпёного, шакъ живо пидниме пелену, ша й зниме спару онучу, що ею горщыкъ зъ шиспомъ покрышый, щобъ, знаешъ, не проспывало на холоди; пальци послыне, щобъ шиспо не прысавало, ша й ущыпне шиспа, ша на сковороду у волю, ша заразы и пряжепъ и подае; а вже олію не скупышця, бо шакъ зъ пальцивъ и шече, шилки знай обсмокшуве. Тупъ же была нен була и кабака и шюпюнь; а шамъ залыный шоварь: пидковы, гвиздóчки, сокыры и усе, що шреба. А шупъ лавкы зъ краснымъ шоваромъ для Паниць: спруко-

вашый перець на ныпкахъ, родзынки, хвыгы, цыбуля, слывы, горихы, мыло, медяничкы, грошови свичечкы, шараня по веспи зъ Дону навезенная, и суха и солона; кавьярь. . . Тушь яловычына, нижкы, головки и свынына для нашого браша. Дѣгошь и въ шерипвасахъ и въ мазныцяхъ, продавальсь я сами квачи; а по быля споялы бублыки, буханци, грычаньки, у ночовочкахъ носыли печеню шмашками покрояну, на скляки шоби шреба, на спилки и беры. А шамъ купамы капуста, бурякы, морква огородня, а хашпѣи гаши жинкы не продаюшь, а держушь про нужду, на нашу голову. Тушь же бувъ хринь, рипа, гаршолы, що вже швидко хлибъ свящый зъ свипа Божого зженушь. . . Та яжъ кажу: нема шого на-свипи, чого шамъ не було; и якъ бы грошей до сына, накупывъ бы усѣго, ша й ивъ бы цилый годъ.

Булы обидья, булы и колеса, вѣя, двѣя, люшны. Булы свышы и прѣшого уразивського, и мыльного сукна; булы кожухы, поясы, шапкы, и козацькы и капелюхы. Бувъ и дивчачий поварь: скиндячкы, сергы, баёвын юпкы, плахупы, шыши рукава и хусткы. Жиноцькы: очипкы, серпанкы, рушныкы шыши и зъ мережкамы, греб-

ни, дньща, верешена. Була и силъ повчена и
глына жовпа....

А промежь такои пропасшы повару, що
що народу було! Крый Машы Божа! Ще про-
хи чы не билшь, нижь на воскресеные у вушпре-
ни, якъ Хрыспа дочышующя, або й на Иордани,
шакъ що проповышысь не можно. Той купуе,
шой шоргуе, шой спорышь, шой шоварыспиво
склыка, шой на жинку гука, ши лаюшця, ши
йдушь могорычи запывашь; сшарци спиваюшь
Лазаря, кобылы ржушь, шой возомъ иде, ша
крычышь: по глыну, по глыну! а на зустрічъ
ёму выкрыкае: по горшкы, по горшки! Перекуп-
кы хвапашошь за поды парубкывъ, ша школя-
ривъ: „ходы сюды, дядюшка!“ Крычашь: возьмы
у мене Панычешьку. Опъ бублыкы гаряченьки,
прямисинько зъ печи; (а що ще зъ пивночи ихъ
повышмаля, шакъ про те и мовчышь) ось у ме-
не на самій оліи, а въ мене зъ мачкомъ, ша-ша,
ша-ша, ша й нерозберешъ що воны памъ и кры-
чашь. А пушь чумакъ продавшы силъ, що зъ
хурою прийшовъ зъ Крыму, нанявъ пройсшу
музыку, ша й йде по ярмарци: скрипкы ры-
ляшь, цымбалы брязчашь, а самъ чумакъ иде за
пымы, якъ бувъ у дорози и башижоць закынувъ

за спыну, рукава у дѣгшыной сорочки позасучувавъ, па й несе у водній руци поввисинькій шпохвъ горилкы, а у другій руци чарку, па кого здря, шакъ и часпуе; а якъ нальвае, шо шакъ па доливку и лье, и не жалкуе. Якъ же поривнявъ прошивъ дигпяривъ, па вздривъ шерипвась зъ дѣгшемъ, шо шакъ у нѣго и вскочывъ зъ чоботамы, ажъ вышче колица, па й гукнувъ на хазяина: — „Видвнчаю! Зважь описля, скилки дѣгшу чоботы наберушь. — Гуляй душа у роскоши!“ — Та ще и спавъ ногамы шупошны и дѣгшемъ позабрызкувавъ чы мало шущъ народу. А шамъ чуше ведмидь реве и шанцюе, а Цыганъ выкрыкуе: „а ну, Гаврылку, якъ спарін бабы пьяни валяющця!“ Цыганка ворожышь, па прыговорюе: и щасльвий, уродливый; положи пьшпачка на рученьку, усю правду скажу. Цыганчаша халлядры шанцююшь, па крычашъ не своимъ голосомъ, мовъ чорпъ зъ пыхъ лыка дере. А шамъ Цыганъ шуды жъ зъ своею шкапою: знай божишця и жинкою и диньми, па прокльша свою душу, и башька и макирь, а все за шымъ, щобъ спару, слипу, сапашу, и зъ выбышою ногою кобыду продашь за мисць молодон. Та якъ обшупляшь нашого браша Цыганське навожденіе, шакъ не знаешь,

що й робышь. Якъ папускашь мару, шакъ самъ бачышь, що шкапа шрѣхъ денежокъ не спѣишь, а ты шилки дывыся, ша лупаешь очыма и не знаешь куды видъ нихъ дышысь. Той божышця, другый шоби суне у руку оброщь съ шкапою, шрешій шыгне зъ швоеи кышени хуспку, де гроши завязани, а сей вже здачу дае, ша уси гуршомъ волочушь пидъ яшку могорычи запывашы. Такъ що — яжъ кажу: покы схаменесся, дывысь: хошивъ свое ледащо продашы, а прокляши Цыганы усунулы шоби у руку шаку пашыку, що й скипками гыдко узашы, ша за шаку цину виддали, щобъ можно було и вола купышь; ша ще за монжъ гроши и горилку пылы, а дали, за мисць дякы, у вичи насміялысь: „шкапа швоя, чоловиче, кажушь, шрохы не добача, шакъ купы и окуляры, ша и почепы на вичи, якъ Панычи у городи носяшь, шо ще пошыгне. “. . .

Опъ шаке-шо шамъ було, що и розказышы усѣго не можно. И усякій народъ хшо шамъ ни бувъ, що йде быля шого салдацького папреша, усякъ шапку зшине, ша и скаэ або: добрыдень! або: здрашувуйше, господа служба! — А служба ни чычыркъ: споишь соби гаренько, и пальцемъ

не кывнѣ, и очыма не поведе, и усомь не моргне. Такы нихпо — нихпо не вгадавъ що по намалѣваннѣй. А Кузьма Трохымовычъ сміявся — сміявся, регошався — регошався, а дали узався за боки, ша й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручки поскладавъ, ша й мовчышь сядючы у свойй яшци, ша й дума: що по далшь буде.

Ажъ ось, де ни взявся салдаць, ша вже спражнѣй салдаць и жывиснѣкѣй, ошь якъ мы зъ вами. Ходышь винь по базарю, вызыра — вызыра — и вже одышь рушнычокъ у молодычкы изъ купы и зпягнувъ, и въ кышеню запаковать; учыспывъ и бумажну хуську у Чугуевкы, шаку що гривень шиспъ спойшь; выдризавъ зъ воза и винокъ цыбули, и заразь за пивцины и продавъ, ша усе шакъ хыпро — мудро зробывъ, що ни жоденъ хазяинь и не зчувсь. Дали прѣйшовъ, де груши продаюшь; бачышь, що пры возахъ сами хлопци, ша й ни рошы порозивляты и дывлюшца на ведмедивъ. Винь шаки и положывъ руку на мипокъ; нихпо не баче. Попягнувъ ёго до себе; нихпо не баче; положывъ на плече; нихпо не баче... ша не озыраючысь и чкурнувъ соби куды ёму преба. Ажъ ось кынулось хазяйство: бачушь що Мо-

скаль безъ спроса узявъ повнисинокій мишокъ грушъ, ша й прешъ ёго мовъ свое; разомъ гукнули на нёго, ша й побиглы за нимъ на здогочю. — Не хыпрый же й Москаль! чымъ бы на вшикача, а винъ иде собы любенько, мишокъ зъ грушами несе, ша й спива: *Малодка, малодка маладая!* — Ажъ шущъ ёго за мишокъ . . . сипъ! — „На-що шы груши узявъ? слякый шакый сыну!“ пышающця ёго у водынь голось. Спонишь сердека, очи вывалывъ мовъ баранъ, дали озырнувсь, ша й каэ: „нъшша шо ваши груши-спа? — „Аджежъ не чии, якъ наши.“ — А винъ якъ крыкне на ныхъ: „Ахъ вы, хахлы безмозглы!“ (А заразы даяшысь: щобъ шо на передь розпышашы, ша шогдибъ вже и даявсь скилки хошнвъ, шакъ бачъ же: Московська вира шака!), „а за чымъ вы, каэ, мыши шогди не сказаны, какъ я съ воза мишокъ узявъ?“ Та до нихъ зъ пенею: „вы, каэ, зиваете на спаранамъ, а я вопъ нисъ, нисъ, да воша какъ умарылся, да амуницю пашёръ. Вопъ вышь мундёръ запачкаль; давай сюда деньги на вычыспку.“ — Наше хозяйство щобъ шо и сюды и шуды; шакъ дежъ! ни прыспупу, ша ще й лае. А дали ухвашывъ за комиръ и шягне, и крычышь: „давай на вычыспку, ша за праходку; я казённый мундёръ

папёръ и сапагы шапшавъ, давай дай полька.“—
 Наши ни видхрыспюшця, ни видмолюшця: цуръ
 шоби, кажущь, башечку! Зддай мылосць, гос-
 пода служба! озмы соби и груши зъ мишкомъ,
 шилки видченясь и пусшы! — Такъ де! Такъ
 репьяхомъ и узивсь и каэ: „Мылѣ чужово не на-
 да, не хачу вашыхъ грушъ, а падай маѣ.“ — Що
 шущь на-свиши робышы? — Ище шакы поду-
 малы сякъ-шакъ видвернушысь: хошили ийшы
 до Волосного Правленія, шакъ Москаль не шін
 спива: „вонъ, говорышь, мая каманда“, ша й пока-
 зует на салдацькій папрешъ: „пайдѣмъ и къ нѣ-
 му.“ Наши бачущь що не перельивкы, спрашно!
 Кынулы ёму пятапыалшынного; — шакъ ни, каэ,
 веды до япкы, посшавъ за проходку кваршу
 водкы. Ничого робышь: посшавылы, абыбъ од-
 чепывся, ша не вивъ до салдаша що зъ оружомъ
 споишь. Якъ же описля розслухалы, ша розды-
 вылысь, и видгадалы що шо не живый, а нама-
 лёваный, шакъ ажъ объ полы рукамы вдарылы,
 ша — фийшь, фийшь! посвысталы, ша й пицлы до
 возивъ. А Кузьма Трохимовычь у свойй япци
 шакъ и качаешця зо смиху.

Уже було геть-геть, шущь и дивчаша
 зибралысь ийшы на ярмарокъ; бо все пиджыда-

лы, щобъ поридшало народу на миспци, а шо якъ у писнопи, такъ думалы шо ихъ не такъ розглядюшь. Ось и шягнешця вызка ихъ, ша усе на пидборь: одна видъ другои чорлявиша, одна видъ другои краца. Порозряжувани такъ шо Господы! Середу дия сонечко прыгрило, такъ воно й шепленько; опть воны и повыхоплювалысь безъ свышокъ, а въ самыхъ баёвыхъ червоныхъ юпкахъ, шакъ-шакъ шо якъ макъ цвише! Скиндячки на головахъ усе по-Харькивьски полбжени, косы у дрибушки позаплишовани и жовшымы гвоздыкамы, любышкомъ, чорнобрывцямы и мяшпоу позаквичувани; у сорочокъ рукава и пидпечкы повышывани, ша повымережувани; на шыяхъ намысна у кожнои разкывъ по десяшь, колы ще не билыъ, ажъ шыю гне; золоши дукашы, ша срибни хресты такъ и ссяюшь; плахшы каршацкы, запаскы и шовкови и колисчасты, поясы каламайкови; ша уси якъ одна у червоныхъ черевычкахъ, и въ бидыхъ, ша въ сынихъ нанчишкахъ. А за диломъ же воны й выйшлы? а якже? Выпришкывъ куповашы, ша щобъ чы не пожарпуюшь парубкы зъ нымы; вже звысна дивчача патура, хочъ у Паншви, хочъ у мужицшви.

Опть ходюшь по ярманку, де шо соби выгадуюшь и регочущця, якъ одна зыркь!... спо-

ишь салдашь! — „Дивчашка! — каэ ныщечкомъ: „дв-
 вилесь; у насъ поспой; салдашы!“ — „Брешышь!
 де ты ихъ уздрила?“ пышающця ии и розгляда-
 юшь усюды. — „Та онде, онде была дигшярной
 лавкы споншь зъ оружжомъ калавурный!“ —
 „Такъ и ё!“ — гуквулы уси, ша й почалы, по
 щебеташы, по сміяшысь, зъ миспця на миспце
 переходюшь, ша одна другу пха, по буцимъ
 сполыкающця, щобъ салдашь до ныхъ озырнувсь,
 ша зачепывь бы кошпру изъ ныхъ; опъ шущь бы
 имъ и пишла лахва, шущь бы воны и спалы ёго
 роспышовашы: чы шущь проходомъ, чы поспо-
 емъ? опъ шущь бы ёму и сказалы, щобъ зъ по-
 варыспвомъ прыходылы до ныхъ на вечерныци,
 бо вже воны дуже давно бачылы що пушнѣ, а
 свои парубкы оспылы и обрыды.

Опъ и вызвалась зъ ныхъ Домаха и каэ-
 говорышь: „А прывайше лышень: я пиду побыля
 ёго. Та вже не я буду, щобъ вишь мене не заче-
 пывь; ось дивилесь лышень; ша глядишь, колы
 преба буде, по видклькайшесь до мене.“ — Опъ
 и пишла, буцимъ по и не вона. То сюды, по
 шуды озырнешця, ша писелькы пидъ нисъ соби
 мугыче, по хушпчкою помахуе, по нахылышця
 пидвъязку пидвъязовашы; опъ вже и до салдаша

доходьшь, ша тыначо зь кымъ нѣбудь и розмов-
ляе: „де-шо шупь шпалѣры, ша шумыха про-
даецця? колы бѣ мыни хшо показавъ?“ ша й за-
снива соби нышкомъ . . . О! що шо вже за див-
ка! Вона не знала якъ лидь кого лидвернушысь?
Вона не вмила якъ кому прышвы прышыпы? —
Ге! и проворна, и жаршовыва була, ша шаки
и свиша выдала: бо ажъ два года у Харькови по
мойкамъ заробляла, шакъ ии вже не вчышы; усе
знала!

Якъ побачылы подругы, що вона вже блы-
зесынько видь салдаша, а винь нице ии не зачи-
па, мабошь не бачышь, ша й гукнулы до пей ра-
зомъ: „А куды пы, Домахо, пишла?“ — А вона
быля салдаша спойшь и хушочкою махае, а сама
шаки голосно крычышь: — „Ось куплю шумыхы
на квишкы', колы якый чорть не перепыне!“ —
А нашъ салдашь спойшь! Ни зачипляе, ни пере-
пынае и ни чымъ ии не занямае. — „Що за не-
добра машы!“ думае Домаха: „шаки быля сами-
синького ёго йшла, а винь мене и не займа; хы-
ба не сміе, чы що? — Та вжежь верлусь ще.“ —
Опъ и верлулася, и шаки быля самисинькихъ
нигъ ёго йде, и впустила хушкку буцимъ не
знарокомъ, думуючы, що салдашь гукне на пей

щобъ вернулась и підняла хушкку; опъ шупъ, вона зъ нымъ и заговоришь, опъ и пожаршуюшь; а памъ и пидушь лады... Не зъ чорша жъ хыпра й Домаха!... Такъ щожъ бо? — Лежышь хушкка, а салдаць и волосомъ не двыгне. — Спала наша Домаха, ша й оглядаешця и каэ голосно: „Охъ мыши лыхо!... загубыла хушкку... колы бъ хшо пиднявъ, ша выдавъ, шо я вже знаю, якъ бы ёму подяковала!“ —

Озыраешця сердешна и погляда изъ пидлибья. Та ба! Сщопшь салдаць и на хушкку й не двышця. — Нигде Домаси дшысь: пререба вершашысь! — Опъ бы шо и пидбига, и выжыда, и каэ, и говоришь: „Опъ бида! лежышь моя хушпочка била самисинького салдаца: якъ шупъ узяшы?... Я боюсь, щобъ винъ мене не вхопывъ, або зъ оружжа не заспрельвъ!“ — Пидйшла; — и нахыляешця и ненахыляешця, и беребъ шо й не бере, а усе выжыдае салдаца... шакъ щожъ бо? — Не на такоого наскочыла!... Дали нахыльмась, и проспяга руку ыначе не вшы, а сама усе двышця на него; а дали якъ прыдывылась... якъ зарегочешця на всю вулицю... а дивчаша и видизвальсь до цеп: — „А шо винъ шоби памъ говоришь? Домахо — Домáхо;

Ну бо кажы, що говоришь?“... „Але! говоришь!“ — крычышь Домаха, ша скилки зря видпиль, ша за смихомъ и слова не вымовышь.

„Що... що шаке... що винъ шоби казавъ?“ — обшупывшы дивчаша Домаху, у водынь голосъ выпышуюшь. — „Эге! що казавъ? — каз Домаха: ша шо не живой, шо ёго парсуна.“ — „Ё!“ гукнулы дивчаша и пидбиглы розглядашы... ажъ справды намалёваный. Регошались — регошались, выгадовалы де що, ша й пицлы гешь по ярмарку. А сее чувшы и багашо де хшо пидходдылы вже небоячысь; розглядяшся, роздывляшця, ша й скажущь: „шакъ и ё, що намалёваный!“ — ша й пидушь соби.

Смiявсь-смiявсь Кузьма Трохымовычъ, а дали й подумавъ, що вже пора знимашы свого саддаша, ша на визъ укладашы и чурхашы до дому, ажъ ось почувъ крыкъ, галась, пулошню, регишть, писни, сопилку... ша й прысвiвъ у яшци.

То наспупало парубоцство: шевчыкы, кравчыкы, ковали, свышчыкы, ганчари и зо усякого ремесства бурлацешво, наймышы видъ хозяйства, башьковы сыны — зибралыся усi на ярмарци погуляшь. Хшо попродавъ свiй шоваръ, а хшо

покупывши чого ёму було треба ище зранку, и попывши могорычи, шеперь попидголювавшысь любенько, понадивалы: хпо нову свышу, хпо кышаёву юпку, хпо ще башькивській, хочь и спаренькый, ша жупань, попидперизовавшысь шпёшненько хпо каламайковымъ, а хпо й сукояными поясами, понадивалы на пидголенн головы шапки козацьки, зь решешлиивськыхъ смушкивъ зь червоными сукняными верхамы, у пляжыновыхъ шпаняхъ, у чобобахъ зь пидборамы юшповыхъ, а хпо й шакъ у шкаповыхъ, ша шакъ повымазуваныхъ, що дёгошь шакъ зь ныхъ и шече, а пидковы проха не на пядь. — Опшь позакручувавшы усьы, идушь лавою, шилки зь боку на бикъ перевалуюшця, рукамы розмахуюшь, люльки шпигнушь, и що ё голосу, ажъ жмуришця, ша спивають Московськои писни: *При даньмусьци стояла*: и де йдушь, шо шакъ видь ныхъ люде и розспуаюшця, бо вже не попадайся имъ на дорози ништо: чы перекупкы зь коробкамы, чы Москаль зь квасомъ, чы слинци зь поводапаремъ, чы баба спара, чы дивка молада имъ на зусшричь, никому нема розбору, неважають никого, шакъ усякого прямо лавою и прущь, и валяюшь; — а самы й байдуже: ни-

наче й не бачушь ничего и буцимъ - шо й не воны.

Опце шо воны зазрившы дивчашъ, попягнулы зя нымы, щобъ шакъ спиною на ныхъ и напершы, а якъ воны розбижашця, шакъ шущь и ловышы, и пожаршовашъ зъ нымы, и поженыхашысь... Звисно молодецьке, парубоцьке дило! — А щобъ ихъ хшо могъ зопынышы? — Ну, ну! — Ни, кусала шака. Воны усею громадою не разъ и самому писарю давали шакои пынхвы, що насылу прочхавсь; а десяцьки, шакъ-шакъ видъ ныхъ и ховающця по пидъ плошамы. Такъ шущь вже ничего! — Нехай — каэ — Хлопци пагуляющця; билшь коны лыха не паробляшь.

Одже шо якъ пакынулы окомъ на дивчашъ, и йдушь воны по быля малёваного садапа, а ихъ вапажокъ, Терешко швецъ, знявъ передъ нымъ шапку, ша й каэ: *Здрастуйте, господа служба!*... Тушь якъ зарегочешця народъ и перекупкы, и купци, и ши що пры возахъ, ша якъ крыкнушь на пёго: — „Тюшо, дурный! — ша шо намалёваный. Хыба шоби повылазыло? Оп-шо оглашенийый! Не розбере!“...

Нашикъ же папъ Терешко ракивъ, якъ и самъ розглядивъ, що справды садапъ намалёван-

ный и що увесь базарь зъ него глузую!... — „Теперь, дума сердца, не буде мыши прѣсвишкы: будуще мыши сміяшсь и будуще пезнашь що черезъ сее прикладовашы. — Ё не ё! що шупшь мыши на свиши робышы?“ — Спощь, зажурысь, ша й дума. А дали зхаменуся, ша й зарегошавсь. — „Буцимъ шо — каэ-говорышь: — я и не бачывъ, що се не живый, ащо се шилки надрешъ! — А поклонывсь ёму зашымъ, щобъ подраповашъ зъ маляра: чы шакъ же шо й малюють? О бодай ёго мара малёвала! — Се и слупый розглядывъ, що се надрешъ, а не живый чоловікъ. Хыба шупшь булы шаки дурни, що прыймалы ёго за живого? Не знаю — Тфу! ша чор-зна що й надряпано. Дивипесь, люде добри! хыба шакъ шьещя чобишь? — Я швецъ на все село, шакъ я вже знаю, що халява ось якъ бува (ша й спавъ пальцемъ по надрешу надряповашы); ошь и въ пидборахъ брехня; ша й пидёмъ не шакъ.... ша шакы и усе не шакъ. Цуръ ёму; пайдёмъ; хлопци, далшь. — Намалёвавъ же якыйсь-шо дурень!“ — Ошь и шшлы соби своею дорогою.

Та й закрушывъ же носомъ нашъ Кузьма Трохимовычъ, ныначе шершого хриву поню-

хавь! — Зъ биса жъ бо ёму досадно спало, що у весь базарь, и що шо на миспи народу було, шаки, мабоше, душъ зъ пѣяпдесяпъ, колы ще не билшь, ша уси жъ шо до единого, уси не пизналы що салдапъ намалёваннѣй, а думалы що живѣй, а шушь чорпъ ёго зна видкыля узавсь швецъ, ша й закепковавъ ёго робошу ни на що. „Се вже — каэ соби: — курамъ буде на смихъ. Я шаки, правди, объ чобошахъ не дуже й доглядавсь; може воно що не будь и не такъ. Я шилки и спаравсь щобъ ёму шварь, и сáмъ виць увесь, и мундѣрь, и оружжо, щобъ такъ було пыначе живе; а объ чобошахъ и байдуже; бо педумавъ, щобъ хшо вже шуды спавъ догляданысь, де й нужды мало и куды не усякъ и дывишця. — Нехай же такъ буде, якъ швецъ каэ; перемалюю, щобъ и ёго уконшеншовашы, и щобъ ни якого хвалшу не було у моїи робоши.“

Нѣчого ёму робышь: вылизъ изъ своеи япки, доспавъ палипру зъ краскамы и пензиль, пидмалёвавъ якъ шамъ швецъ надрянавъ, ша й опьяшь полизь и каэ: „Нехай; пидожду покы краска пидсохне, а шамъ и вбирашемуса до дому. Теперь швецъ не скаже, що не такъ чобишь намалёваннѣй.“ —

Ажъ, гулькь! — Терешко зъ парубкамы, не догнавши дивчашъ, вернулысь на переймы, и йдушь оныяшъ по била салдацького папреша. Ось одынь парубокъ и розглядивъ ёго, па й каэ: — „Дывысь, Терешку! послухавъ шебе маляръ, шакы перемалювавъ чобипшъ, якъ шы сказавъ.“ — „Эге! — ищебъ шо не послухавъ — каэ Терешко, пидсунувшы шапку на саме шимья и узавшысь у боки: — *Я вже силу знаю и заразъ побачу, що не до шмыгы.*“ — А якъ же ёму и досе досадно було и на маляра, и на папрешъ, що черезъ ныхъ довго ёму будушь сміяшысь, опшъ и думавъ ще шакы за нехаяшъ ёго, щобъ маляра зо всимъ збышы зъ папшалыку; по свыспавши й каэ: „Опшъ и сёго не зшерплю, скажу, бо вже бачу що не шакъ. Чобошы якъ чобошы; шакъ мундѣрь на нёму не шуды дывышця: преба щобъ рукава ось шакъ“ . . . — *А зась не знаешъ?* — обиззавсь Кузьма Трохымовычъ изъ своей япки: — „*Швецъ! знай свое шевство, а у кравецтво не мишайсь!*“

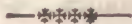
Якъ же зарегочешця увесь базаръ слушаючы сюю кумедню и шо якъ Кузьма Трохымовычъ выдризавъ Терешку шевцю! Якъ пиднялы ёго на смихъ! Регошалысь зъ нёго, регошалысь, ша

шакъ же шо, далеби, що не шо що, що ажъ за ричкою чуше було. А Терешко нашъ якъ попяг-не не оглядуючысь, ша ажъ забигъ не знашь куды. Кузьма жъ Трохимовычъ пыхенько соби по-смiявшысь, ша зибравшысь, поихавъ зъ пашре-помъ до свого Пана, ша по уговору, грошыкы и горилочку зъ нѣго зчыспывъ, ша й правъ. Яр-марокъ розiйшовсь; шилки вже Терешкови вир-валась нышка верховодыпы хочъ на вулицы, або на вечерныцахъ, або и у шинку. Тилки що за балаишрасышь, а шущъ ёму хшо небудь и вриже:

„Швецъ! знай свое шевство, а у кравец-ство не мишайсь!“

— шо шакъ языкъ и прыкусышь — и вже ни чычыркъ. —

Ошъ и вся.

УКРАИНСКОЕ УТРО.

(Отрывокъ.)

.... Чы дѡвга ничь у пась на клечалный недили? — Вечирня зоря ще не погасне, а свипова вже и заньмаешця; блиспе *Визь* (*), ша вже докошывшысь до сходь сонця.

Опъ и шеперь: шилки що зирочки засялы у Бога мылосердного на небесахъ, шилки що розсвипылысь, ша й по не зовсимъ ясно, а нынче скризь серпанокъ, — соловейко зпыхъ, виперець заснувъ и гйлочкы по садкамъ дримаюты ледве-ледве колышушця, шилки й чупе що через греблю, на лопокахъ водыця цидышця и

(*) *Возь* — Большая медвѣдица или Колесница.

мовъ хпо пыщечкомъ казку каже, що пакъ и дримаещця, а шо усюды пыхесенько... Ажь ось — не довго: — зирочка покошылась... дали друга... шрепя... и поховалысь у сынёму неби, мовъ у мори канулы, а прощаючысь зъ землею, прошкы зпакнулы... опъ видъ ихъ слизонёкъ пала роса на землю. Канула крапелька, зашелесило у аери и прокынувся вишырець, ша й поколыхавъ пыхенько гилочки по садкамъ, ша по лискамъ... опъ и попрокыдалысь пшычи самочкы, лупнулы очицямы, зацмокалы носыкамы... шупъ заразы ихъ самчыкы що быля ныхъ дрималы, попробуркувалысь, и зъ радощивъ — що паснае впяшь Божій день и воны будушь зъ своины самычкамы лишаны, грашысь, любышысь, и шо може яка и яечко зпесе — зъ пакыхъ-шо радощивъ заспывалы своихъ писенёкъ, шо рано й вечиръ хваляшь Господа Небесного, Опця, мылосердного якъ чоловикови, пакъ усякому звирю, пшыци, ша й самій маюсиньціи комашыции шо й окомъ не вздрышь. А не хпо вже выспизувашъ, якъ соловейко! — Защебешавъ, залящавъ, зачыркавъ, засвыспавъ, заприщавъ... шо зпыхне, ниби пошепче свойи самочци якъ ии любышь, а якъ и вона ёму шежь скаже и похваля ёго писенькы, шо зъ радощивъ гукне на увесь са-

докъ . . . а якъ носы́чками поцилююща . . . шупть
випь вже и незшымышца! Зажмурышца, защебече,
заперчышь, що ажъ ныначе охрыпше, ша знову
ще дужче лясне, шо задрыбоче, що ажъ духъ ёму
запираешца . . . ша всежь шо шакъ гарно, шакъ
гарно, що розказашы не можно, а на души весело!

Опть и на березахъ лыспя зашупошили про-
межь себе, що й воны по ласци Божій будуть
красовашысь на яспому сонечку. Зхаменулась
правонька, якъ зкропыла їи небесная рисочка;
пидяляльсь стебелынкы, розпукальсь квипочкы
и порозивавшы рипочкы свои, падыхалы на усю
долыну шакымъ пахомъ, що почувшы ёго, за-
будешь про усе и шилкы здыхнувшы, подума-
ешь: — Боже мылосердный! Опець нашъ небес-
ный! И се усе, що шилкы ё на земли, у води,
пидь небесамы, се усе Ты, шилкы по единому
мылосердыю Своему для чоловика сотворыль
esy? А випь, сее мызернее созданые, ся былына,
ся пыль и порошына, чы випь же Тоби благо-
дарышь? и якъ? . . . О Боже праведный! Буды и
усегда мылоспывь намъ гришнымъ! — Билшь
сёго невміемо що и сказашь. . . .

Опть и риденый пуманецъ павъ на ричечь-
ку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонь-

кы, — и укупн зъ нею побиглы ховапысь межъ крупымы берегамы. Дали и хмарочки спалы розходыпысь, поридчалы и спалы звершашысь купкамы мовъ клубочки; розсипуашысь щобъ дапы дорогу для якогось пышного, важного гося, ниби царя якого, діющого добро усёму мыру — и покопылысь гешь-гешь за крупыны горы, щобъ шидки видшыля дывышыся на те, що шупць буде!... Ось и зачервоило на шій дорози, де ёму преба йшы и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынь красне; дали, ныначе срибни квипкы по нёму хшо посыпавъ; а шупць и увесь пущь спавъ, мовъ золошымъ пискомъ по червоному полю посыпаний.... Зазолопылысь и верхивья деревь по лисамъ.... и ось золошый по ныхъ писокъ сыплещця по дереву ныжче, усе ныжче, ныжче... Усе зпыхло... чогось жде!... Спало выныряшь изъ-за земли... що? — И свись, и огонь, и краса... и вже и на краёкъ его не можно зырну́шы окомъ, щожъ буде якъ усе явишця мыру?... И золоши прóмыны видъ нёго обсыпалы усю землю, и самыи небеса спалы ниби ище краще. — Усе мовчышь, жада, щобъ швидче явилася у повни краса мыру!... Идешъ — выкопылося зо всимъ — озырнуло усю землю и ныначе повеливало: „Хвалише Господа, що создавъ и мене, и васъ; и

кожний день посыла́ мене давати́ усѣму́ мѣру сви́тъ, и усякому́ дыханію́ жы́знь. "... Тутъ зно́ва ппашечкы нынче по чьему́ наученію защебешалы, усе мовъ зно́ва о́жыло, чоловикъ зно́въ прынявъ за дѣло́ свое... и що́ то: увесь мѣръ израдовався!

Грицько Основьяненко.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

REVISED EDITION

ЗАПОРОЖСКІЯ ПѢСНИ.

=

I.

Надербная пѣснь Свирговскому.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоритъ о Гешманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Баншищъ-Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблина, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ онъ — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предѣшника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладашелемъ Таври-

ды и Султаномъ (И. М. Р. I. 131). — Иоаннъ Армянинъ Воевода Молдавскій, въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи противу Волоховъ, Турокъ и Татаръ, кои соединенными ордами нападали на Молдавію. Поляки, занятые въ это время распрями междоцарствія, отказали въ помощи. Тогда Иоаннъ обратился къ другу своему Гешману Свирговскому. (И. Г. II. II. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣспрѣ — говоритъ Конисскій — онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 25 Апрѣля 1575 г., полонилъ главнаго Пашу ихъ Кара-Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ прочими добычами въ Варшаву. Послѣ сей побѣды Гешманъ раздѣлилъ свои войска на двое, и одну часть подѣ начальствомъ Полковника Саввы Гапки отправилъ къ Бухаресту, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. Между тѣмъ послалъ нарочнаго въ Сѣчь къ Кошевому Ѳеодору Покошилѣ, чшо-бы онъ выслалъ пѣхошу на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ недопускать высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣспрѣ. Кошевой отправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Запорожцы перехватили въ успѣхъ обѣихъ рѣкъ и на морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай, разорили и выжгли крѣпостцы и жилища. Гешманъ и Гапки, проходя Молдавію и Валахію, счастливо разбивали непріятелей. Очистивъ сію землю отъ нашествія Турокъ, поворошили они отъ Дуная къ Бессарабін; но подѣ городомъ Киліей (1) былъ Свир-

говскій предашельскимъ образомъ извѣщенъ ошъ Армянина, что въ городѣ хранятся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удалятсь, что-бы опиравишь ихъ въ Турцію (2). Гешманъ рѣшился осадить и взять Килію. Едва ошъ началъ скороосипяжную атаку, какъ взорванныя ошъ Турковъ съ шрехъ спорошъ мишъ, подняли Гешмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрышыхъ мѣстахъ Турки, напали на нихъ, перерѣзали многихъ Козаковъ. Оспальныя разбѣжались, и долго скишаясь по Молдавіи, наши корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ ворошились въ свои границы (3).

III

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свирговського Гешмана,

I.

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свирговського Гешмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали.

III.

Ой, голову ёму рубали,
Та на буцчукъ вишали;

IV.

Та у сурьмы вийгравали,
Зъ ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара спягала,
Що воронівъ ключа набігала,

VI.

По Украині шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой, Украина сумовала,
Свого Гешьмана оплакала.

VIII.

Тоді буйны вiшпы завывали.
— Де-жь вы нашого Гешьмана сподiвали?

IX.

Тоді кречеты наліпали.
— Де-жь вы нашого Гешьмана жалковали?

X.

Тоді орлы загомонили.
— Де-жь вы нашого Гешьмана зхоронили?

XI.

Тоді жаворонки повидися.

— Де-жъ вы изъ нашимъ Гешманомъ про-
сшилися?

XII.

— У глѣбокій у могилі,
Біля города, біля Киліи,
На Турецкій линіи.

Переводъ.

Когда Папа Ивана, Гешмана Свиргов-
скаго,

Плѣнили невѣрные, тогда опрубили ему
голову.

И, снявши съ него голову, вѣшали ее на
бунчукъ (4);

И играли въ шрубы и насмѣхались надъ
нимъ.

Тогда съ юга пошянулася шуча, будио
палешала спая вороновъ;

И разсыпала она по Украинѣ шуманы,
и горевала Украина:

Горевала Украина, оплакивая своего Геш-
мана.

Тогда завывали буйные вѣтры: — гдѣ-же вы оставили нашего Гешмана? —

Тогда палесали соколы: — гдѣ-же вы пу-жили по нашемъ Гешманѣ? —

Тогда зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоронили нашего Гешмана? —

Тогда взвились жаворонки: — гдѣ же вы проспились съ нашимъ Гешманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Ки-лія, на Турецкой линіи (5).—

Примѣчанія.

1) *Килія* — древній *Ликостромъ*. — Killa — Турецкій городъ, окруженъ каменною стѣною съ конгръ-эскарпомъ. Замокъ Килійскій лежишь выше города, при Дунаѣ, на милю отъ устья. На противоположномъ берегу находишь старая Килія съ древними развалинами. Болана Опис. Украйны. С. П. Б. 1832. 33. На сѣверномъ устьѣ Дуная. Торговое мѣсто. Жители разныхъ племень. Каншемира, Опис. Молд. Гл. 4. —

2) Кого должно здѣсь разумѣшь подъ Армяниномъ, проспаго ли Армянина или Господаря?

3) Другія Лѣтописи описывають походъ и смершь Свирговскаго слишкомъ крашко. — Описаніе Энгеля противорѣчишь Конисскому. Энгель пишешъ, что Свирговскій присоединилъ къ

Козакъмъ 6.000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадою Браилова; однако хопя и побѣдилъ Турковъ близъ сего города, но его самого не взялъ. Пошомъ, соединившись съ другимъ шрехтысячнымъ опрядомъ войска Молдаванскаго, въ другой разъ разбилъ Турковъ, и положилъ намѣстѣ 7.000 враговъ. Послѣ шрешней бишвы, въ которую взяно было въ плѣнъ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили путь къ Акерману, сожгли половину предмѣстія сего города и возвратились въ Молдавію. На послѣдней бишвѣ взяты въ плѣнъ и замучены Іоаннъ Армянинъ. Козаки всѣ пали на мѣстѣ бишвы, исключая очень немногихъ. Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ. Engel's, Gesch. d. Ukr. 72 — 74.

4) *Бунчукъ* — шестъ, украшенный сверху золотымъ шарикомъ, около коего прикрѣпляется небольшое знамя и конскій хвостъ, иногда два хвоста, иногда и болѣе. Сей знакъ искони употреблялся Турками, и ошъ нихъ перешель къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ опносятся ко временамъ Абубекра, наслѣдника Мугаммедова. Проигравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ опшавленъ былъ войсками, кои разбѣжались во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ средство соединить ихъ: взялъ длинный шестъ, и не имѣя въ рукахъ ничего такого, что-бы могло издали подать знакъ, опрубилъ у коня своего хвостъ; пошомъ привязалъ его къ концу шеста, и началъ имъ махать во всѣ стороны. Войска, завидя знакъ созыва, сбѣжались къ предводителю, и соединенными силами, разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, ш. е. конскій хвостъ дѣлался почещ-

нымъ знаменемъ Мугаммеданскаго войска. Изв.
о Тур. Имп. 139 — 140.

5) Чшо значить выраженіе въ сей пьснѣ: *на
Турецкой линіи?* — Вѣроятно шамъ пролегла
граница Турецкихъ владѣній. —

II.

Сожженіе Могилева.

Обстоятельство, о которомъ говорится въ сей пѣснѣ, принадлежишь къ 1596 году, споль славному въ Лѣтописяхъ Украинскихъ. То была година возстанія Запорожцевъ противу Поляковъ, копорыхъ полчища бродили по беззащитной Украинѣ, сожигая города и села, грабя жишелей, — и всѣ неисповсннва производя подь предлогомъ соединенія Церквей Восточной и Западной, подь предлогомъ Уніи. Бishops Пяшковская (1) и Чигринская (2) достапочно показали Полякамъ, съ кѣмъ имѣли они дѣло: и Капоники и Уніашы извѣдали тогда всю ярость мщенія Запорожцевъ, коперые не только поражали ихъ на сраженіяхъ, не только подвергали ихъ лютейшимъ мученіямъ въ плѣну, но даже не жалѣли собственннхъ крововъ своихъ, равнодушно предавали ихъ огню и мечу, имѣя въ виду одну мысль, одно желаніе — очистишь Украину отъ Уніи — какъ выразился одинъ Лѣтописецъ — какъ онъ заразы, копорая гопова была пограть въ спрану, незадолго предь пѣмъ, споль счастливую своимъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ Гешманъ Наливайко — пишетъ Кописскій — принужденъ былъ два города свои: *Могилевъ надъ Днѣпромъ* и *Слущкъ надъ Слущью*, запершіея съ сильными гарнизопами Польскими и многими Уніашскими чиновниками, сильныя вылазки дѣлающими, досщавашъ шшурмомъ; при чемъ

оба города сожжены и раззорены были до основанія, а Поляки выбиши до послѣдняго. —

I.

Ой у городѣ Могилевѣ
Дымомъ посягнуло,
Якъ шо вѣйсько Запорожське
Зъ гармашъ ша ревнуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та спалоса пушо,
Якъ повіяли Козаки
Зъ самопалѣвъ гусшо.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы ша гадюки;
Ляшськимъ шѣломъ годуюшься,
Ляшську шѣлу радууюшься.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни ша колоды:
Прилучилося, бачь, лихо
Ляшській породѣ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ тая позора,
Що ходишь ша по бѣлу свѣшу
Зъ двора ша до двора.

VI.

Не такъ тая позора
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину (з) шапуючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Вѣдъ Гешьмана Наливайка,
Шаповного Пана.

Переводъ.

Дымомъ облекся городъ Могилевъ, когда
въ войскѣ Запорожскомъ разразилися пушки.

Опустилъ городъ Могилевъ, когда Козаки
густо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ оспались одни орлы и змѣи. Они кормятся Польскими прупами; они радуются Польскимъ прупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ оспались одни пни и колоды. Верно, бѣда случилась съ племенемъ Польскимъ.

Не столько бѣда, сколько безславіе; оно блуждаешъ шеперь по бѣлому свѣшу ошъ двора ко двору.

Не такъ велико безславіе, какъ велика радость Козаковъ: уважая Запорожцевъ, несчастіе дало знашь себя Полякамъ.

Несчастіе дало знашь себя Полякамъ съ раняго ушра чрезъ нашего славнаго Пана, Гешмана Наливайка.

Примѣчанія.

1) *Битва Пятковская* — подъ мѣстечкомъ Пяткою — битва хоня и несчастная для Козаковъ, ибо на оной пало 3.000 храбрыхъ, и вмѣстѣ съ ними Гешманъ Косинскій; но шѣмъ не менѣе чрезвычайно важная, какъ первая, на кошорой Козаки показали Полякамъ свою храбрость и могущество. Lublens. Op. Posth. Antverp. 1643. p. 3.

2) *Чигиринская битва* — 1596 — по инымъ 1597. — Въ шо время Духовенство Уніатское

посылало повсюду окружныя посланія свои, въ копорыхъ увѣщевало народъ признавать Папу за Главу церкви, угрожая непокорнымъ анаемой и оплученіемъ ошъ церкви, — и между тѣмъ перемѣняло аншимисы и прѣбники церковныя, выдумывало обряды для прославленія Папы. Войска Жолкевскаго должны были помогать Духовенству, будучи распавлены въ городахъ и мѣстечкахъ при всѣхъ важнѣйшихъ церквахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ преклонять колѣна и бить въ грудь по обряду Римскому, а при чтеніи Символа вѣры прибавлять извѣстное Римское рѣченіе о Св. Духѣ, угрожая рубить безъ пощады тѣхъ, кои вздумаютъ неповиноваться. Наковецъ Гешманскіе посланцы, развозившіе по городамъ универсалы, были Поляками иные поруганы, иные побиты, иные изгнаны съ безчестіемъ.

Все это заставило Наливайку вооружиться, и онъ, узнавши, что Жолкевскій съ войскомъ своимъ намѣренъ занять Черкасы, Каневъ и Терехшемировъ, повелѣлъ войску Запорожскому собираться къ Чигрину.

Наливайко раздѣлилъ войска свои на три части: самъ принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ, лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ, а правое Полковнику Лободѣ, и около самаго Чигрина, по берегу рѣки Тясмина, окопался ровомъ и валомъ. Все войско Запорожское, здѣсь бывшее, простиралось до 20.000 человекъ, исключая опрядовъ Гайдомацкихъ, копорые расположились шаборомъ не по далеку ошъ окоповъ, и прикрыли свои ряды пушками.

Поляки, разбивши опряды Гайдомаковъ, зашицавшіе Каневскія Козацкія поселенія подъ на-

чальствомъ двухъ Тешеръ: отца и сына, — двинулись къ Чигрину, — и окопались пасупрошивъ Козацкихъ окоповъ. Наливайко, перѣняаясь самъ начашъ дѣло, ожидалъ призывной вѣсти къ бишвѣ отъ Гешмана Жолкевскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, пылая бѣшенствомъ на Запорожцевъ, и желая уstrasить ихъ, выставили близь шанцевъ своихъ при крестѣ, и на нихъ повѣсили прехъ спаршилъ Запорожскихъ, взятыхъ въ плѣнь на бишвѣ Каневской, Богуна, Войновича и Супыгу, съ надписью: — „Кара бушповцевъ!“ — Наливайко въ отвѣтъ на сигналъ сей, поставилъ на возвышенномъ мѣстѣ при бѣлѣя крестѣ хоругви, на которыхъ былъ девизъ: — „Миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и Его крестъ!“ И немедленно послѣ сего началось нападеніе Поляковъ на станъ Козацкій, и обопольная пальба изъ орудій. Тогда Наливайко двинулъ свои отряды Гайдомацкіе въ самое средопочіе войска Польскаго. Полки же Козацкіе выдвинулись изъ своихъ укрѣпленій, распянулись полукружіемъ, и поставили Поляковъ въ два огня. Болѣе семи часовъ продолжалась бишва. Побѣда осшалась на споротъ Запорожцевъ, но они ожеспочились до того, что и слышатъ не хотѣли о пощадѣ или прощеніи; раненыхъ и навшихъ на землю въ другой разъ добивали; бросавшихся въ рѣку Тясминъ выпаскивали арканами и изрубливали въ куски. Спаслись только нѣ изъ войска Польскаго, кои могли убѣжать. Прочіе все пали на мѣстѣ бишвы, или по окрестной степи. Когда послѣ сраженія пересчитали убитыхъ Поляковъ, то вышло, что Жолкевскій потерялъ 17.330 человекъ. Наливайко приказалъ всехъ убитыхъ непріятелей зако-

пашь въ огромныхъ яругахъ близъ прехъ виселиць; — а висѣвшіе сняшы и погребены съ торжественномъ въ Чигринской церкви Преображенія Господня. На гробахъ ихъ вырѣзали надпись: — „Невиннаго ихъ спрадавіа за Ошечество и Православную Вѣру.“ — (По Лѣтописямъ и Народнымъ преданіямъ. Срав. И. М. Р. I. 175 — 176.)

3) *Кравчина* — такъ называло само себя все войско Запорожское; но собственно принадлежишь названіе сіе Низовымъ Запорожцамъ, или Гайдомакамъ. Откуда произошло сіе слово? Думаю, оно есть сокращеніе слова: *Украинщина* (*Украинщина, Вкраинщина, Крайщина, Кравчина*).

III.

Поеребальная пѣсня на смерть Асаула Чурал.

Лѣтописи не сохранили подвиговъ сего Вишня Запорожскаго, бывшаго, какъ гласить преданіе народное, однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ и совѣтниковъ славнаго Германа Стефана Острияницы. Въ знаменитомъ сраженіи близъ Спаричи (И. М. Р. I. 215—214), онъ предводительствовалъ небольшимъ отрядомъ Гайдоманковъ, эшихъ опчаявшихъ паризановъ войска Запорожскаго, и съ ними проникнувши внутрь цепряшельскаго стана, взорвалъ на воздухъ значительную часть Польскаго обоза. Почти всѣ его поварищи пали на полѣ битвы. Онъ самъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и преданъ ужасной казни (1).

I.

Орлку, сизій орлку,
Молодыи Чураю!
Ой, забилъ жь тебе Ляхи
Та у своїмъ краю.

II.

Що забили шебе Ляхи
Изъ швоимъ Гешьманомъ, —
Изъ швоимъ Гешьманомъ,
Що Паномъ Спефаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орлівъ брашівъ маешъ :
Що спарыи й молодыи —
Самъ ихъ добре знаешъ —

IV.

Що спарыи й молодыи
Всѣ въ шебе вдалися ,
Вѣдомспилии па за шебе
Усѣ поклялися.

V.

Що спарыи й молодыи
Усѣ голяныи ;
А въ ихъ коніи вороныи —
Швидкіи, быспрыи ;

VI.

Швидкіи, быспрыи ,
Якъ орлы лішаюшь,

На Ляшскіи города
Хмарой набігаюшь.

VII.

А въ ихъ списы булашныи
Зъ довгими кінцями,
Всї госпры якъ годочки,
Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булашныи,
На обідвы боки,
Ляхамъ зраду сыплюшь
По всї вичній роки.

Переводъ.

Орель, сизый орель, молодой Чурай! Тебя умершвили Поляки на своей родинѣ.

Тебя умершвили Поляки вмѣстѣ съ швоимъ Гешманомъ, съ швоимъ Гешманомъ Паномъ Стефаномъ.

Орель, сизый орель! Ты имѣешь братьевъ. И шарые и молодые, — шы знаешь ихъ самъ хорошо, —

И старые и молодые, всё подобны тебѣ,
и всё поклялись опомешись за тебѣя.

И старые и молодые, всё они храбры. И
у нихъ вороные кони проворны и быспры.

Они проворны и быспры, и лешаютьъ
какъ орлы; и налешаютьъ они словно шучи на
города Польскіе.

И булашныя копья у нихъ съ длинны-
ми наконечниками и какъ иглы онѣ оспры, съ
оспрыми клюгами (2).

И булашныя сабли у нихъ съ лезвеями на
обѣ стороны: онѣ всегда разсыпаютьъ злоща-
спія на Поляковъ.

Примѣчанія.

1) Конисскій пишетъ, что Чурая прибили
гвоздями къ доскамъ, облили смолою, и наконецъ
сожгли медленнымъ огнемъ.

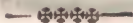
2) Я употребилъ слово *клюги* потому, что
рѣшишельно непонимаю значенія онаго, и слѣдо-

вашельно не умѣлъ перевести. Опъ бандуриста
полку не могъ добуиься. — „Такъ воно, бачъ,
кюги, опъ-пшй кюги!“ да и полько. —

И. Срезневскій.

Варсаровка на Днѣпрѣ.

1833. Апр. 16.

Р Ы Б А Л К А .

Малороссійская Баллада.

=

*Das Wasser rauscht, das Wasser schvöll,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevöll,
Kühl bis ans Herz hinan. — Göte.*

=

Вода шумышь! . . . вода гуля! . . .
На берези Рыбалка молоденькый
На поплавець глядышь и прымовля:
Ловицца, рыбочки, вельки и маленьки!

*

Що рыбка смыкъ, — по сердце піохъ!..
 Серденько щось *Рыбалогци* вищуе:
 Чы по шугу, чы по переполохъ,
 Чы по коханячко?... не зна вишь, — а сумуе!

*

Сумуе вишь, — ажъ ось реве!
 Ажъ ось гуде! — и хвѣля ушкае!...
 Ажъ — гудькь!... зъ воды *Дивчинонька* плыве,
 И косу счисуе, и бривкамы моргае!...

*

Вона - й - морга, вона - й - спива:
 „Гей! гей! не надь, *Рыбалко* молоденькый,
 „На зрадний гакъ ни щуки, ни лына!...
 „На що пы нивечышь мій ридъ и плидъ любень-
 кый?

*

„Колыбъ пы знавъ, якъ *Рыбалкамъ*
 „У мори жышь и-зъ рыбкамы гарненько,
 „Тыбъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ,
 „И парубоцькее оддавъ бы намъ серденько!

*

„Тыжъ бачывъ самъ, — не скажешъ: *ни*,
 „Якъ Сонечко и Мисяць червоненькый

„Хлюпощущя у насъ въ води на дни
 „И изъ воды на свипшъ выходяшъ веселеньки!

*

„Тыжъ бачывъ самъ, — якъ въ шемну ничъ,
 „Блыщяшъ у насъ зиронькы пидъ водою:
 „Ходыжъ до насъ; покынь шы удку причъ:
 „Зо мною будешъ жышъ — якъ брашъ живе зъ
 сеспрою!

*

„Зырни сюда!... чы сежъ вода?...
 „Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
 „Ой! я не зъ шымъ прыйшла сюда,
 „Щобъ намовляшъ зъ воды на Парубка невзгоду!“

*

Вода шумышъ!... вода гуде...
 И ниженькы по кичпочкы займае!...
Рыбалка вспавъ, *Рыбалка* йде;
 То спыныця, шо вляшъ все глыбшенъко пирнае!..

*

Вонажъ морга, вона-й-спива...
 Гулькь!... прысуды на сынимъ мори скакы!...
Рыбалка хлюпъ!... За нымъ щубовсь вона!...
 И билше вже нигде не бачыды *Рыбалкы*!...

* * *

БАТЬКО ТА СЫНЪ.

Басня.

=

„Эй! Хвѣдку! вчѣсь! Эй! схаменѣсь!“
Такъ Паношець казавъ свой дѣшынѣ:
„Шануйсь! бо, далѣби, колысь
Тму, мну, здо, тло — спышу на спынѣ!“
Хвѣдкò не вчѣсь — и скошповавъ
Березовой кашкы,
Та впяшь не вчѣсь — и пусповавъ:
Побывѣ шѣбкы и пляшкы;
И щобъ не скошповать одъ Батька ризочòкъ,
Вняъ ризку вперъ въ огонь, — ша-й заховавъ въ
кушокъ:

Ажъ Башько за чубъ хипъ' и, не знайшовшы рѣзкы,
Дрючкомъ Хведька разивъ изъ шисеш оперезавъ!..

Тогди Хведько скризь слизкы

Такъ Башькови сказавъ:

Колыбъ було знашпя, що гаспыдзька дрючына,
Такъ дуже дошкуля, шо, песька я дышына,

Колыбъ я шакъ робывъ:

Ябъ вперъ дрючокъ въ огонь, а рѣзкыбъ не па-
львѣ!

* * *

Р Ы Б К А.

Б а с н я .

=

Въ ставочку Плипочка дрибненька
Зъ печевья зуздрила на удци червяка,
И такъ була раденька!
И думка шо була шака,
Щобъ пидвечирковашь смачненько:
Ну! дейко! до його швиденько!
То зъ боку ускубне,
То зъ переду поцупышь,
То хвостыка лызне,
То зъ низу впяшь пидсцупышь,
То вырне, шо пирне,
То сипне, шо смыкне,
Вовшузыцця, ялозыцця и пріе, —
Та ба! ша рошыня шаке узельке, бачь,

Що ничего не вдіе!

Хочь сядь, — па-й плачь!

Ой! гирелько мени на свипоньку, мовляе,

За що мене, шакъ доля зневажае?

Тымъ пельку и живишь дала съ ковальскій михъ,

Тымъ зубы — мовь — шпычкы; а намъ на глумъ,

на смихъ,

Рошъ шпылькою неначе проспормыла!...

Ой! правду Дядына небога говорыла:

Що шилько на свыши великымъ рыбаь жышь!

А намъ малымъ въ кулакъ шрубышь!

Такъ Плипочка въ води на долю нарикае, —

А на гачку червякъ все хвостыкомъ кывае!...

Червякъ кыва, — ажъ ось! — Зи дна

Гулькъ Щука! бовшь!... вона

За удку хипъ!

А удка сипъ!

Зъ воды щубовсь въ окрипъ!...

Ой лышечко! оцежъ — якъ Дядына збрехала!...

Изъ ляку Плипочка сказала,

И, бильшь не скаржылась на долю Плипочокъ,

За ласелькый на удочци шмапокъ:

Що Богъ пославъ, — чы шо багато, чы шо шрошкы,

Въ куширь зализшы, інда мовчкы! —

* * *

ДО ПАРХОМА.

I.

*Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem: non secus in bonis etc.
Horat. Lib. II. Od. 3.*

=

Пархоме! въ щаспи не брыкай!
Въ нудьзи припьемомъ не лизь до неба!
Людей пышай.... свій розумъ май!
Якъ не мудруй, — а вмершы преба!

*

Чы карапашешъ вискъ въ журби,
Чы шо, за поспавцемъ горилкы,
Въ шынку наризуюшь шоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;

*

Чы пьяный пидь тыпомъ хропешъ,
 Чы до господы лизешъ рачкы,
 И живку макогономъ бьешъ,
 Чы самъ повчесся на вкучачкы:

*

Оры и засивай лапы,
 Косы широки перелогы,
 И грошкы за башпаны —
 Лупы, та все одкынешъ ногы!

*

Покынешъ все, спижки — й — скырпы,
 Все ласощи: паслинь, цыбулю;
 Загарба иишый все, — а ты
 Зыисы за гирку працю дулю!...

*

Чы Соцькымъ Басько пвий въ сели,
 Чы самъ на Панщыни працюе, —
 А смершь зривияе всихъ въ земли:
 Ни зъ кымъ скажепа не жаршуе!...

*

Чы *читъ*? чы *мышка*? — загука: ✓
 Ты крыкнешъ: *читъ*!... ба брешешъ, сыну!
 Озвеца Папюга съ кучка,
 Тай — й — зцупышь зъ печи въ домовыду!

ДО ЮГОЖЪ.

II.

*Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem
tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros. etc. Horat. Od. 12.*

=

Пархоме! не мудруй! Ворожки не пытай, —
Якъ довгый вѣкъ прокарашаешь?
Що выковала вже Зозуля, — поживай; —
А билше... шкода, що — й — бажаешь?

*

Хочь всихъ шы Упиривъ зберы и Знахоривъ, —
Хочь покумайся шы зъ Видьмамы:
Ни хто не скаже намъ, шакъ якъ бы шы хопивъ, —
Що доля завпра зробишь зъ нами! —

*

Чы доведеця ще подушне заплашышь?
Чы до снагы вже розплашывся?
На що, при що шоби надъ цымъ чупрыну гришь?
Дурный! дурный! а въ школи вчывся!...

*

Терпы! За долею, куды попхне, хылысь,
 Якъ хылыцца одъ випру гилка:
 Чы будешъ жышь? чы вмрешъ? Пархома! не жу-
 рысь!...
 Журись объ шимъ, чы е горилка?...

*

А е? шакъ пры на спиль! часпуй, ша-й самъ
 круглай!
 Чы намъ, Пархома, шреба скильки?
 Та вжежъ — чы вкорочашъ свій викъ, — шо вко-
 рочай
 Въ шынку надъ бочкою горилки!

*

Ошъ! мы базикаемъ, — а часъ мовъ виль зъ горы
 Чухра: його не налыгаешъ!
 Ошъ! скилькибъ выпылы до сеи мы поры,
 Такъ пыжъ буцимъ не дочуваешъ!

*

Нужъ! цупъ останню шы_грывияку зъ кашука,
 Поки спара пере ганчиркы:
 Бо вже — якъ вернецця, шо, думка, бачъ, шака,
 Шо помремо обыдва безъ горилки!

* * *

—***—

О Т Р Ы В К И

изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина,
переложенной
на Малороссійскій языкъ.

=

Изъ 2-й Пьесы.

—
Маруся.

.

Мазена.

Ну, слухай, сердце, годи, годи!
Та що почувешъ — шо мовчы:
Давно мы заварилы дило,
Теперь воно кыпышь у насъ,
Годына гарная наспила,
Прокалашае швыдко часъ.
Давно безъ башьковской славы

Мы, якъ волы, въ ярми жыды,
 У подданствѣ або Варшавы,
 Або великои Москвы.
 Возыпця годи зъ Москалями,
 Украйни царствомъ будь пора.
 И я, своимы козакамы
 Шпурну на мощного Петра!
 Москаль жажнепця передъ нами
 И може буду я Царемъ.
 Зъ собою за-одно я маю
 И Карла зъ Польскимъ Королемъ.
 Княгиня Дульская опшая,
 Та спарець, бачъ, ша Іезуишъ;
 Видъ ныхъ до мене лысыны носяшь.
 Ну, е за що мене журышь?
 Опшакъ жинки що дня голосошь,
 А розпытай: — сама не зна,
 Чого спалышця нависна!

Маруся.

Ты будешь Царь на Украйни!
 Якъ гарно на сидій чупрыни
 Засяе золошый винець

Мазена.

Та почикай, ще не копець,
 Богъ вись, про ше, що дали буде!

Маруся.

Тебе вси поважають люде,
 На смерть за тебе кожний радъ,
 Ты крацій будешъ Царь видъ міру,
 Тебе же Царшво....

Мазепа.

А якъ кашъ?

Маруся.

Пиду зъ побою пидъ сокиру!

Изъ 3-й Писни.

Скризь хмари небо заспыляють,
 Ночна доба. Биля Днипра
 На берези соби куняють
 Невиры, ворогы Петра.
 Забувши висько и Полшаву,
 И Москаливъ вельку славу,
 На спорыши Карль гарно спавъ.
 Та сонъ Мазепу облипае,
 Покій видъ него ушкае,
 Ему: все жарко, вить спогнавъ.

Ажъ чуе, хпось ёго позвавъ,
 Зыриувъ изъ ляку зашрусився;
 До нёго близько хпось схылывся.
 Обшарпана, худа, бидна,
 Дивоцьку косу розпусыла.
 Очима, ниби звирь, свисыла,
 Нагнувшись передь нымъ воиа. —
 „Хшо шы шака? се шы Маруся!“

Маруся.

Мовчы, почують насъ, боюся;
 Тыхенько шепошы шеперь;
 Вже машы й башько мій умерь!

Мазена.

Та що шы мелешъ, Богъ съ побою!

Маруся.

Послухай що воны зо мною
 Хошили заразь изробышь!
 Якъ мусылы мене дурышь.
 Куды вшикань въ шакую пору?
 Куды дивашця зъ поговору?
 Якъ речъ скаженихъ зупынышь?
 Воиа миши шеперь казала,
 Що башька вже мого цема.
 Ёго я голову держала,

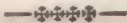
Да шо не людська голова,
 А вовча. Бачышь якъ дурыла
 Вона Марусю, чуешь шы!
 Щобъ не гадала й не хошила,
 Зъ шобою серденько впеکشы!
 Чы можножь? —

Гешьманъ мовчки слуха,

Що дрыбошишь ёму вона.
 И зновъ не перевившы духу
 Вона казашы почала: —
 Я знаю празныкъ, шыскъ народу,
 И мерцвякы якого зброду!
 Туды я зъ мамою ишла. . . .
 Та дежъ шы бувъ? зъ шобою ризно
 Нужуся далеби-що я.
 Ходимъ до дому, глянь якъ пизно. . . .
 Скрупылася голова моя!
 Тебе я мала за другого!
 Ты, спарцюга, якій спрашый.
 Ни, гарый бувъ Мазена мій;
 А шы, шакъ здавсь на чорша злого.
 Въ ёго очахъ — якъ жарь любовь.
 А речи — одъ огню жарчиши,
 Видь сингу усь ёго билиши,
 А швій замазаный у кровь!
 И — зъ регопомъ завызкопила;

И мовь лыхій ін злызавь.
Мазепыне шрусилось шило,
Ёго цыганскій пипь пронявь;
Мовь смершью на нёго сопнуло,
За шкуру снигомь мовь сыгнуло,
И волось шапку пидсувавь.

Е. Гребёнкинъ

БУДЯКЪ ТА КОНОПЕЛЕЧКА.

(ПРИКАЗКА.)

=

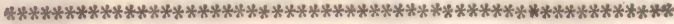
„Чого ты шакъ мене, паскудо, въ боки пхаешъ?“
На Конопелечку въ спену Будякъ гукавъ.
— „Та якъ роспы мыни, и самъ здоровый знаешъ,
Що землю у мене съ пидь коринця зибравъ.“ —

*

Бува и межъ людей сѣму колючцѣ пара;
Народъ шовче, ша й жде щобъ хшо ёго кохавъ!
Я бачивъ самъ шакихъ и — можебъ показавъ,
Та цурь ёму — розсержу Комысара.

Е. Гребѣнкинъ.

—***—

ПШЕНЫЦЯ.

(ПРИКАЗКА.)

Я бачывъ якъ пшеницю мылы:

То що найкращее зерно

У воду шилки плюсь, якъ разъ пишло на дно;

Полова жъ нависна, гуля соби по хвыли.

Прывивъ мене Господь побачыць и Панивъ:

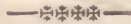
Мовъ проспый чоловикъ, шамъ нишій Пагъ сы-
дивъ,

Други, розпрындывшысь, мовъ павычи ходылы.

И здумавъ заразь я, якъ шилько поглядивъ,

Що бачивъ якъ пшеницю мылы.

Е. Гребёнкинъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

Изъ 6-й книжки

Малороссійской Энеиды.

Юпитеръ сзываетъ боговъ на Олимпъ, укоряетъ ихъ въ несправедливыхъ поступкахъ противу людей. Венера жалуется на нѣкоторыхъ боговъ за притѣсненіе Энея. Юнона отвергаетъ жалобы Венеры. Юпитеръ приказываетъ богинямъ замолчать; даетъ свои повелѣнія и распускаетъ боговъ.

Зевесъ моргнувъ якъ крыль усами,
Олимпъ мовь лиспикъ зашрусивъ;
Мигнула блискавка съ громами,

Олимпскій поспрухъ взворушивсь. —
 Боги, богини и пивбоги,
 Просповолосы, босоноги,
 Бѣжашъ въ Олимпску карвасарь (*).
 Юнишеръ гнѣвомъ распаленный,
 Влещѣвъ до нихъ мовъ наваженный
 И крикнувъ якъ на гончихъ псарь.

*

„Чи довго будете казыпись,
 „И спыдъ Олимпови робишь?
 „Що день промежь себе сваришись
 „И смершныхъ съ смершными правишь?
 „Посшупки ваши вѣ небожи;
 „Вы на супяжникивъ похожи
 „И рады мордувашъ людей;
 „Я васъ изъ неба поснихаю
 „И до того васъ укараю,
 „Що паспи будете свиней.“ —

*

„А вамъ, Олимпски зубоскалки,
 „Моргухи, дзиги, фиглярки,

(*) *Карвасарь* или *карвасарія*, Словесный Судъ, учрежденный некогда на ярмаркахъ въ Малороссійскихъ городахъ, для разбора жалобъ и споровъ между продавцами и покупателями. *Сог.*

„Березовон дамъ припарки,
 „Що довго буде вамъ въ шямки,
 „Охъ вы на смершнихъ дуже ласы!
 „Якъ Грекъ на Нѣжински ковбасы,
 „Все лихо на земли опъ васъ.
 „Чрезъ ваши зводни, жениханья,
 „Не маю я ушанованья;
 „Я намочу васъ въ шевскій квасъ.“

*

„Або, опдамъ васъ на рабошу,
 „Запру въ смирипельныхъ домахъ,
 „Тамъ выженушь изъ васъ охопу,
 „Содомишь на землѣ, въ людяхъ.
 „Або — я лучшу кару знаю,
 „Ось якъ богинь я укараю:
 „Пошлю васъ въ Запорожку Сѣчъ;
 „Тамъ вашихъ каверзь не вважають,
 „Жинокъ шамъ на пюпюнь мѣняють,
 „Въ день пьяны сплять, а крадушь въ инчъ.“ —

*

„Не вы народъ мій сотворили,
 „Не хиспъ создашь вамъ червяка;

„На щожь людей вы раздразили?
 „Вамъ нужда до чужихъ яка?
 „Божусь моей бородою
 „И Гебиною пеленою,
 „Що пѣхъ богивъ лишу чинивъ,
 „Яки шеперь въ вѣйну вплешуся;
 „Не хай Эней и Турпъ скубуся,
 „А вы глядишь своихъ чубивъ.“ —

*

Венера — молодиця смѣла,
 Бо все зъ воєшными жила,
 И биге зъ ними мясо ѣла
 И по прахширахъ пуншь пила;
 Часенько на соломѣ спала,
 Въ капошѣ сѣромъ щеголяла,
 Походомъ на визку пряслась;
 Манишки Офицерски прала,
 Съ спрючкомъ горилку продавала,
 И мерзла въ ничѣ, а въ дець пеклась.

*

Венера по драгунски смѣло
 Къ Зевесу въ вышяжку иде,

Начавши говориши дѣло,
 Очей съ Зевеса не зведе:
 „О шапу, сильный, величавый!
 „Ты всякій помысль зришь лукавый,
 „Тебе ни хто не проведетъ;
 „Ты окомъ землю назираешь,
 „Другимъ за нами приглядаешь,
 „Ты знаешь, що и якъ, и гдѣ.“ —

*

„Ты знаешь, для чого Троянцивъ
 „Злымъ Грекамъ попусшывъ побить;
 „Энея съ пригорщнею ланцивъ
 „Велѣвъ судьбамъ не попопишь;
 „Ты знаешь лучше всѣхъ причину,
 „Чого Эней припливъ къ Лапину
 „И била Тибра поселивъ?
 „Тыжъ словомъ що опредѣляешь,
 „Того во вѣкъ не одмѣняешь,
 „Видкиль же Турнъ шуипъ пришуливъ?“

*

„И що шакее Турнъ за свято,
 „Що не вважае и себе?
 „Фригійске племя не проклято,
 „Що всякій ерешыкъ скубе;

„Твои законы бѣ исполнялись,
„Коли бѣ Олимпски не мѣшались
„И не справляли бы людей.
„Твоихъ приказивъ не вважающъ,
„Нарочно Турну помогающъ;
„Бо бачъ Венеринъ сынъ Эпей.“

*

„Троящивъ бѣдныхъ и Энея
„Хшо не схопивъ шой не пужавъ;
„Терѣли гирше Прометея,
„На люльку що огню укравъ.
„Нешпунъ съ Эломъ съ перепросу,
„Дали такого перечосу,
„Що ѿ досе зашпары щимлять.
„Другіежъ боги що казаши;
„Дѣла ихъ лучше Музамъ знаши,
„Энея шилько незѣдяшь.“

*

„О Зевсѣ! о башычку мій ридный!
„Оглянсь на плачь дочки своей;
„Спаси народъ Фригійскій бѣдный,
„Винь дѣло еспь руки швосѣй.

„Якъ маешь ты кого караши,
 „Карай мене. — Карай! Я маши,
 „Я все сперплю ради дѣшей! —
 „Услышь Венеру многогрѣшну!
 „Скажи мнѣ рѣчь свою ушѣшну;
 „Щобъ живъ Іуль, щобъ живъ Эней!“ —

*

„Мовчашь!“

Юнона злобна пороцишь:

„“

„Якъ дамь! — очипокъ излешишь;

„Ты смѣешь кошниця мерзене,

„Зевесу доносишь на мене,

„Щобъ шѣмъ насъ привести въ розладъ:

„За кого ты мене пріймаешь?

„Хибажъ, Венера, ты не знаешь,

„Що Зевсъ мій человекъ и братъ?“

*

„Тобѣжъ Зевесъ, скажи, не стыдно,

„Що предъ шобою, дрянь и прахъ,

„Базика о богахъ обидно,

„Мудруе о своихъ дѣлахъ;

„Якій ты свѣсна повелишь?

„И намъ Олимпскій предводишь,

„Коли прошивъ Венеры пасъ? ...
 „
 „Нюкчемна спорщица Цыперска,
 „Для шебе лучшая оиъ насъ.“

*

„Якъ честную еи пріймаешь
 „И все робишь для неи радъ.
 „Вона и Трою разорила,
 „Вона Дидону погубила,
 „Но все иде для неи въ ладъ.“

*

„Гдѣ ся пидшипанка вмѣшалась,
 „То вербья золоте росло,
 „Земля бѣ щасливою назвалась,
 „Колѣбъ шаке пропало зло!
 „Чрезъ неи вся Латынь воспала
 „И на Троянь еи напала,

„И Турнь зробивсь Энею врагъ.
 „Не можно бѣдъ всѣхъ излѣчиши,
 „Якихъ успѣла наробиши
 „На небѣ, на землѣ, въ водахъ.“ —

*

„Теперь же на мене звершае,
 „Сама наброивши бѣды;
 „И шакъ Зевеса умоляе,
 „Мовъ шилько вылѣзла зъ воды.
 „Невинничаешъ мовъ Сусаяна,
 „Незаймана пиколи Панна,
 „Що въ хушорѣ зжила весь вѣкъ.
 „Недиждешъ съ бабкою своею —
 „Я докажу швому Энею. . . .
 „Богиня я — виць человекъ.“

*

Венера лайки нестерпѣла,
 Юнону спала кобенишь;
 И перепалка закипѣла:
 Одна другу хошѣли бишь.
 Богини въ гнѣвѣ, также бабы
 И шакже на ушоры слабы,

Съ досады часомъ и брехнушь :
И якъ перекупки горлаиашъ,
Одна другу безчестяшъ, гаиашъ,
И ридъ весь съ пошрухомъ кленушъ.

*

„Та цышыте, чоршовы сороки!“
Юпишерь гризно закричавъ :
„Обомъ вамъ обибыю я щоки,
„Щобъ васъ бублейницъ врагъ побравъ!
„Не буду васъ карашъ громами;
„По пашъхъ выбю чубуками,
„Олимпъ заспавлю вымѣпашъ;
„Я васъ умю усмириши,
„Заспавлю чесшно въ свѣшъ жиши
„И заразъ дамъ себе вамъ знашь.“

*

„Занишкнишь, уха наспавляйше
„И слухайше що я скажу;
„Мовчишь! — рошы пороззявляйше,
„Хшо пысе — морду розмижжу.
„Между Лашинцивъ и Тролицивъ
„И между Турновыхъ поганцивъ,

„Не сыкайся ни хшо въ вѣйну;
 „Ни хшо, ни якъ не помогайше,
 „Князькивъ ихъ шакже не займайше,
 „Побачимъ здася хшо кому.“ —

Замовкъ Зевесь, моргнувъ бровами,
 И боги въ роспычъ всѣ пишли.
 И я прощаюсь съ небесами,
 Пора спустишисъ до земли
 И спашъ на Шведскую могилу,
 Щобъ озирнушь военну силу
 И бипву вѣрно описашъ;
 Купивъ бы Музъ на охвошу,
 Щобъ кончишь помогла работу;
 Бо нигде рѣмь уже доспашъ.

И. Котляревскій.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

пѣсни

изъ Оперы

Наташка-Полтавка.

Соч. Н. П. Комляревскаго.

Музыка А. И. Барсуккаго.

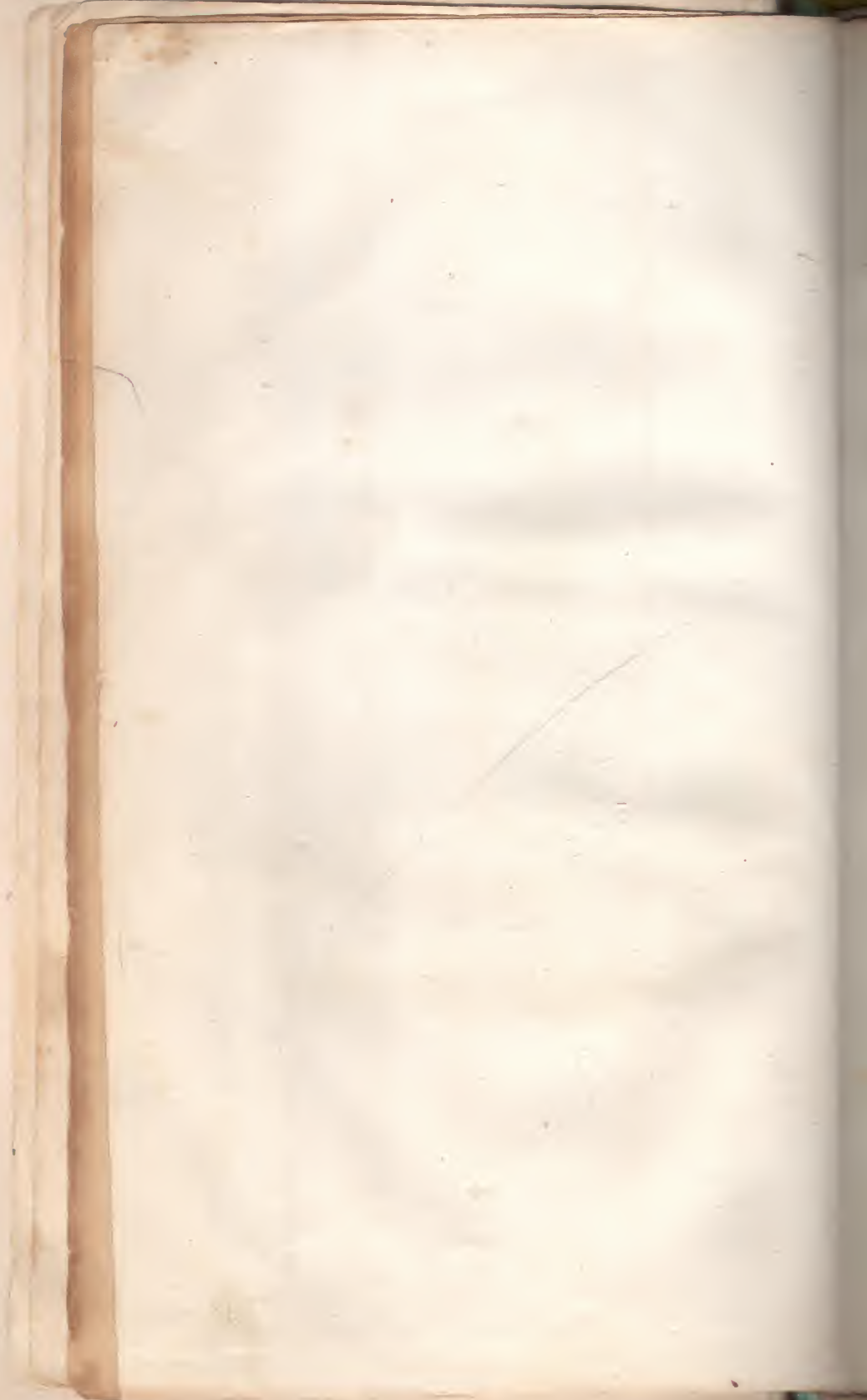
ХАРЬКОВЪ.

Handwritten text, possibly a title or page number, which is extremely faint and illegible.

№ 2. Украинской Барыни. Писана 2

НАТАЛКА ПОЛТАВКА.

Andante

N.º 1.

Choral.

Piano

Forle.

cresc.

p

p

Ви... нить ватры, бе... нить суй-на,

а же де... ре... ва тут... а.

О! ах! по... сь... нить сердце,

Fr

а се... 366 не... льот-ся, льот-ся.

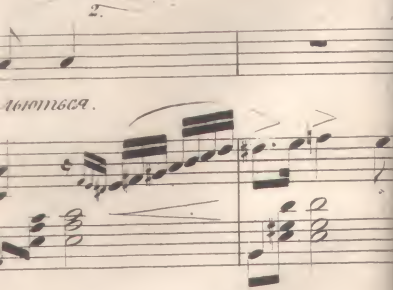
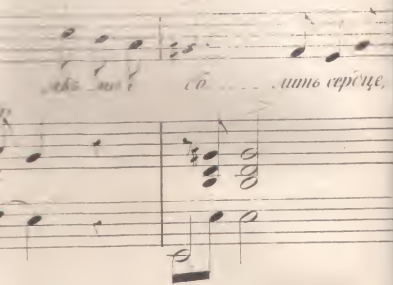
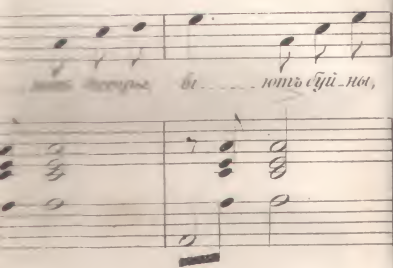
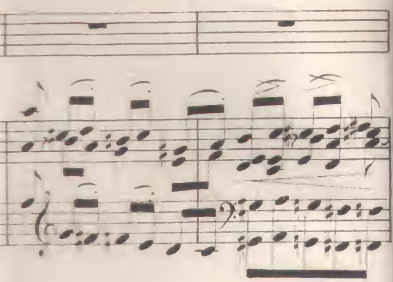
1. 2.

Fr

ri.

Fr

Трату...
 Тилоко под...
 Непонравл...
 Ато сасла...
 Есть же...
 Чи сасльов...
 Шо на по...
 Талко жи...
 Де ты мо...
 Ах! а бид...
 Полетилас...
 Шооь под...
 До кого а п...
 Калы мене...

dal Segno.

Fr *ri* *lar* *dan* *pp* *do*

Fr *pp* *se*

Трагу лима въ мольбъ гори, и кинця не сѣгу,
 Тилько тоби и полеха, якъ нышкамъ поплачу.
 Непоравятъ слезы счастья, — сердцу леги бѣде,
 Хто счастливымъ бувъ, но смерть не забуде.
 Есть же люди, що и мойи завидуютъ дщи,
 Чи счастья та бѣлыки, що росте на поли,
 Що на поли, що на пискахъ — сѣзь росы на сонци,
 Тяжко жити сѣзь милого и въ своей сторонци.
 Де ты мый? горнобрывий? де ты, отозвися.
 Якъ я бидна тутъ горюю, прийды подывися.
 Полстимася я до тебе, та крылья немаю,
 Щобъ побѣгивъ якъ безъ тебе зъ горя высмаю.
 До кого я пригорнуся и хто приглубить,
 Кольо теперъ нема того, якій мене любить!

No 2.

Allegretto vivace.

Chant

Piano

Forte.

The first system of music features three staves. The top staff is for the Chant, written in bass clef with a 2/4 time signature. The middle and bottom staves are for the Piano and Forte accompaniment, written in treble and bass clefs respectively, with a 2/4 time signature. The piano part begins with a *p* dynamic marking.

The second system continues the piano and forte accompaniment. It includes dynamic markings such as *f*, *acc.*, and *p*. A page number '82' is visible at the bottom left of this system.

The third system introduces the Chant part with the lyrics: "Адъ рудый, ба-ба ру-да, баыко рудый, мамы ру-да,". The piano and forte accompaniment continues below.

The fourth system continues the Chant with the lyrics: "Адыко рудый, татка ру-да, братъ рудый, се-стра ру-да, и я ру-дый,". The piano and forte accompaniment continues below.

This block shows the continuation of the musical notation from the right page, including Chant and Piano/Forte parts.

This block shows the continuation of the musical notation from the right page, including Piano and Forte parts.

2

ру-ду вьавъ, со-ру-ду ло стоде бабъ.

Dal Segno

Ой! по гори, по поляни,
 Въ понедѣлокъ дуже въ раницы,
 Шилы наши повосбраници,
 Поклонилися шинкарци.
 А шинкарка — на ихъ моргъ!
 „Иду, братики, на торгъ.“

Шилы Ляхи на три шляхи,
 А Татары на хотыри,
 Шведы враги поле вкрыли,—
 Какъ въ музу отклякнувся!
 Шведъ, Татаринъ, Ляхъ ходоулися—
 Въ дузу всякій изогнувся.

*Allegretto.**N.º 3.**Chant**Piano.**Forte.*

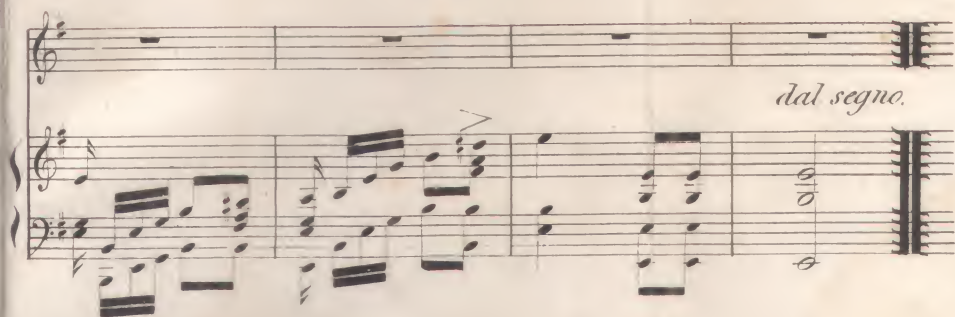
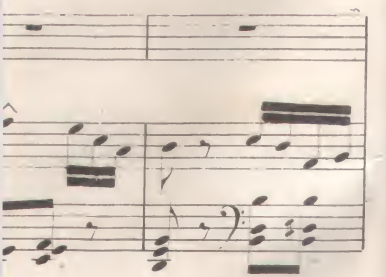
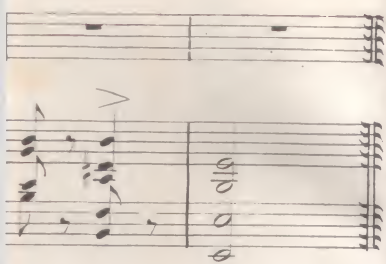
Où! a dúb-zu-na nar-máka, a so-byt' ne-ne na-mar-ka.

Dúb-ka pro-sta, ne kra-si-bá, s' do-srým' tserdce-ny, ne sni-si-bá.

Fz.

F

3.

Глаго мене хлопци воятыя,
 И за мене часто воятыя;
 Но я люблю Петра душе,
 А до других и байдуже.

Мои подруги пустуютъ
 И со всякими жартуютъ,
 А я безъ Петра скучаю
 И веселости незнаю.

А съ Петромъ моимъ счастлива
 И весела и жартлива;
 А Петра люблю душою:
 Випъ одинъ влдіють его.

БИБЛИОТЕКА НАУКИ
№ 274097

